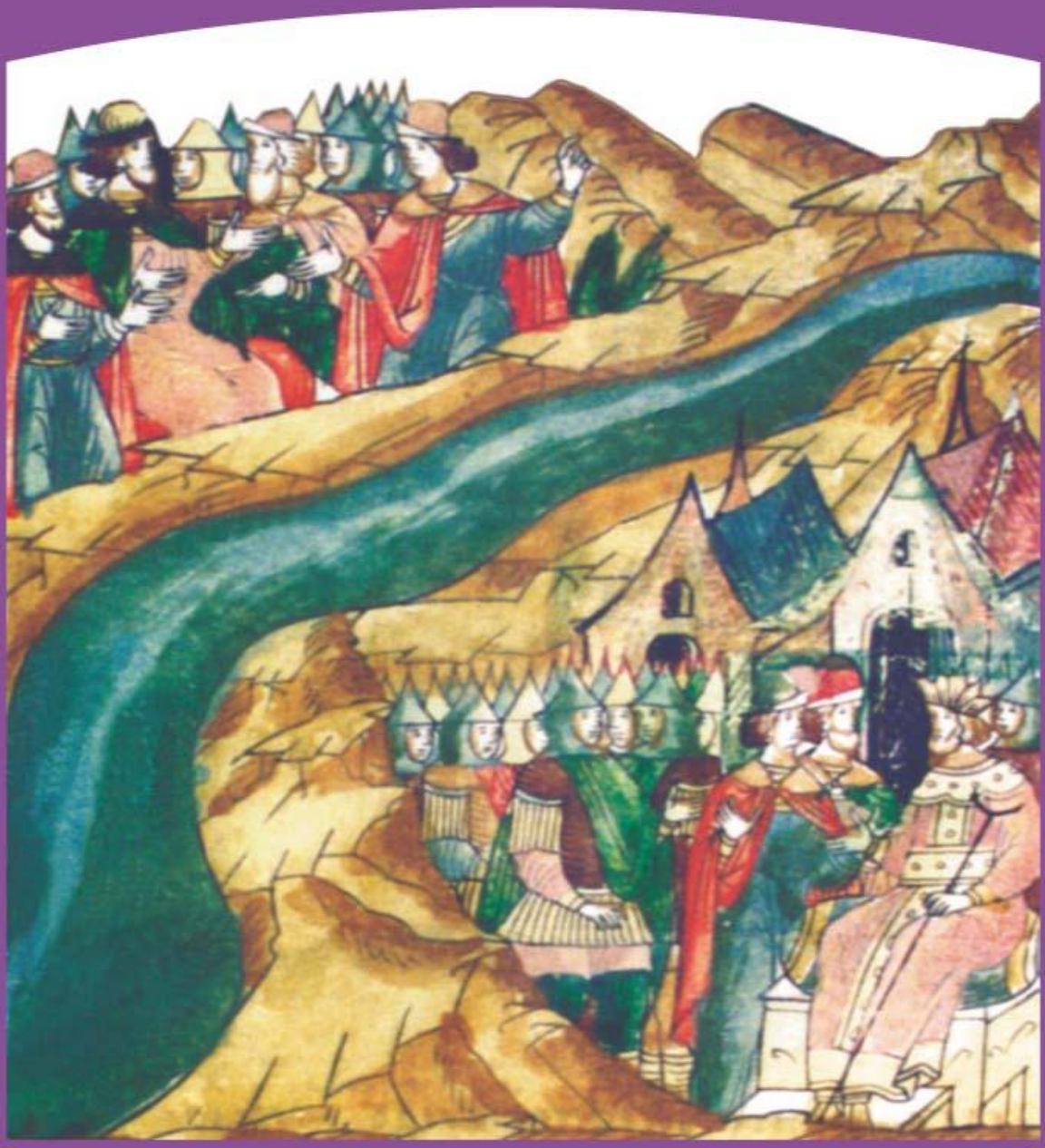
И.О. Князький

СЛАВЯНЕ И РУСЬ НА ДНЕСТРЕ И В ПРИКАРПАТЬЕ

(ОТ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ ДО НАШЕСТВИЯ МОНГОЛО-ТАТАР)



Издательство МГТУ им. Н.Э. Баумана

Московский государственный технический университет
им. Н.Э. Баумана
Калужский филиал

И.О. Князький

СЛАВЯНЕ И РУСЬ НА ДНЕСТРЕ И В ПРИКАРПАТЬЕ

(ОТ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ ДО НАШЕСТВИЯ МОНГОЛО-ТАТАР)

Москва
Издательство МГТУ им. Н.Э. Баумана
2007

УДК 947.021 + 947.027
ББК 633 (2) 414
К54

Рецензенты:

академик РАН *Г.Г. Литаврин*;
д-р историч. наук, профессор ИВИ РАН *М.В. Бибиков*

Ответственный редактор — канд. историч. наук *В.Б. Королев*

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета
Российского государственного торгово-экономического университета

К54 **Князький И.О.** Славяне и Русь на Днестре и в Прикарпатье (от Великого переселения народов до нашествия монголо-татар): Монография. — М.: Издательство МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2007. — 216 с.

ISBN 5-7038-2772-8

В монографии исследуется история проживания древних, южных и восточных славян в Приднестровье, Восточном Прикарпатье и Нижнем Подунавье, начиная со времени первого появления там древнеславянского поселения в позднеантичную эпоху и вплоть до времени расцвета Киевской Руси в X–XI вв. В книгу вошли также переработанные и дополненные материалы из исследования автора, посвященного славянам, волохам и кочевникам Днестровско-Карпатских земель в IV–XIII вв.

УДК 947.021 + 947.027
ББК 633 (2) 414

© Князький И.О., 2007
© Издательство МГТУ
им. Н.Э. Баумана, 2007

ISBN 5-7038-2772-8

ВВЕДЕНИЕ

Тема «Славяне и Русь на Днестре и в Прикарпатье» с конца IV в. и до середины XIII в. находится на стыке ряда отраслей исторической науки. Она имеет прямое отношение к славяноведению, поскольку касается истории освоения древними славянами земель Нижнего Подунавья, Приднестровья и Прикарпатья. Она тесно связана с древнерусской историей, поскольку один из важнейших ее разделов — исторические судьбы крайних юго-западных земель Киевской Руси, ставших затем в эпоху феодальной раздробленности Галицким Понизьем — южной окраиной Галицко-Волынского княжества. Тема эта имеет выход и в византиноведение, и в балканистику — историю как Первого, так и Второго Болгарского царства. Ее нельзя раскрыть, не зная истории кочевого мира южнорусских степей в эту эпоху, ибо кочевники-тюрки — печенеги, торки, берендеи, половцы — в течение всего данного периода оказывали нарастающее влияние на ход исторических событий в регионе.

Велико значение этой тематики для изучения истории Румынии и Молдавии, поскольку именно в эти века сформировалось то, что стало славянским и древнерусским наследием в восточно-романском мире. Тесно связана эта тема и с раннесредневековой историей королевства Венгрии.

Все это обусловлено самим историко-географическим положением региона, бывшего как частью Древней Руси, так и окраиной населенной номадами Великой Степи. Его рубежи соприкасались и с Византией, и с обеими Болгарскими царствами в годы их существования, и с Венгрией, причем с теми ее восточно-карпатскими землями, где проживало восточно-романское население. На средневековых генуэзских картах-портоланах Попрутье именуется Аланией, поскольку именно там сохранялись поселения иранцев — аланов, которых на Руси называли «ясами», и от этого имени и происходит современное название румынского города Яссы.

Для историков России главенствующей здесь, естественно, является славяно-русская тематика. Отсюда следующие основные проблемы истории Днестровско-Карпатских земель от Великого переселения народов и до монгольского нашествия:

- этапы освоения славянами земель региона между Днестром и Карпатами вплоть до Нижнего Дуная;

- Днестровско-Карпатские земли в составе древнерусского государства;
- судьбы окраинных земель юго-запада Древней Руси после нашествия кочевников в XI–XII вв.;
- становление и развитие феодальных отношений у населения региона;
- проблема волошского населения на землях к востоку от Карпат в домонгольскую эпоху.

Исследование поставленных проблем ведется на основе комплексного привлечения письменных, археологических, нумизматических и топонимических источников, взаимно дополняющих друг друга, что повышает уровень достоверности изучения особенностей этнической, политической и социально-экономической истории Днестровско-Карпатских земель с конца IV и до середины XIII в.

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Обзор источников

История славянского, кочевнического и волошского населения Днестровско-Карпатских земель с конца III в. до середины XIII в. отражена в письменных источниках многих государств и народов. В распоряжении историка, интересующегося этими проблемами, — русские летописи, сочинения византийских историков, средневековые венгерские хроники, документы римской курии, восточные средневековые арабские, еврейские, армянские источники.

Эти источники позволяют проследить роль славян Древней Руси в истории Днестровско-Карпатских земель в период конца III в. и до середины XIII в., — судьбы древнерусского населения региона. Они рисуют картину продвижения тюркских кочевников — печенегов, тюрков, берендеев, половцев в Поднестровье и Нижнее Подунавье в домонгольскую эпоху, содержат сведения о взаимоотношениях кочевников со славянами и соседними государствами Юго-Восточной и Центральной Европы — Венгерским королевством, Византийской империей, Болгарским царством.

Древнейшим источником, упоминающим славянское (венедское) население на берегах Днестра и Дуная является так называемая Певтингерова карта — позднеримский документ рубежа III–IV вв.[1]

О массовом расселении славянских племен в Подунавье и на берегах Днестра свидетельствовал восточно-римский историк VI в. Иордан. Согласно его сведениям Днестровско-Карпатские земли были ареалом обитания как склавинов, проживавших по Дунаю вплоть до Днестра, так и антов, обитавших в Поднестровье и далее на восток до Днепра.[2]

О проживании славян к северу от Нижнего Дуная и, следовательно, на территории Днестровско-Карпатских земель сообщает Прокопий Кесарийский. Им подробно описан быт, образ жизни и верования славянского племени антов в середине VI в.[3]

Важнейшими источниками, содержащими сведения о восточнославянском, древнерусском населении региона в изучаемый пери-

---

[1] Подосинов А.В. Певтингерова карта. — Свод древнейших письменных известий о славянах. Т.I (I–VI вв.). М., 1991, с.74.

[2] Иордан. О происхождении и деяниях готов. Вступ. статья, перевод и комментарий Е.Ч. Скржинской. М., 1960, с.209.

[3] Свод древнейших письменных известий о славянах, с.107–108, 185.

од, являются русские летописи, прежде всего «Повесть временных лет» и южнорусская, так называемая «Ипатьевская летопись».

«Повесть временных лет» сообщает о древнерусском населении Поднестровья и Нижнего Подунавья — тиверцах, участвовавших в составе общерусского войска в походах Олега и Игоря на Византию.[4] В ней же приводятся данные о появлении печенегов на Нижнем Дунае в начале X в.[5]

Сведения «Повести временных лет» о восточнославянском племени тиверцев в Поднестровье, об их многочисленности согласуются с более ранним источником (843–876 гг.) — Баварским Географом, сообщающим о многолюдном племени тиверцев, имевшем 148 укрепленных градов.[6]

Новгородская I летопись младшего извода под 854 г. излагает события, связанные с княжением в земле полян основателя Киева Кия, с именем которого, как известно, связана первая попытка киевских князей утвердиться в Нижнем Подунавье на юге Днестровско-Карпатского региона.[7]

Земли Поднестровья и Нижнего Подунавья еще не раз упоминаются в русских летописях в связи с важными внешнеполитическими событиями в истории Древней Руси: походами Олега, Игоря, Святослава на Византию в X в.; последним походом Руси против Византии в 1043 году, когда сын Ярослава Мудрого — Владимир Ярославич — во главе русского войска достиг Дуная; в 1116 году, когда воевода Владимира Мономаха — Иван Войтишич — закреплял за Русью подунайские «городки».[8]

Особого внимания заслуживают сообщения летописи по Ипатьевскому списку о древнерусском населении Днестровско-Карпатских земель в середине XII в. Это упоминания о походе князя Ивана Ростиславича Берладника к берегам Дуная, о галицких рыцарях.

Многочисленные известия о продвижении тюркских кочевников в Днестровско-Карпатские земли, начиная с появления в конце IX в. в Северном Причерноморье и на Нижнем Дунае печенегов, и кончая участием половцев в войнах Асеней с Византией, приведших к образованию в 80-х гг. XII в. Второго Болгарского царства, содержат византийские источники.

---

[4] Повесть временных лет. М.–Л., 1950. Т.I, с.13–14.

[5] Повесть временных лет. М.–Л., 1950, с.18.

[6] Magnae Moraviae Fontes Historiei. Brno, 1966–1971, t.I–IV (III), s.288.

[7] Повесть временных лет. Т.I, с.13.

[8] Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т.2, стб.283 (далее ПСРЛ).

Первым историческим трудом, сообщающим сведения о появлении печенегов на землях Днестровско-Карпатского региона, является трактат византийского историка X в. Константина Багрянородного «Об управлении империей».[9] Константин Багрянородный приводит важные данные о расселении печенегов в Нижнем Подунавье в середине X в., об их общественном строе, о взаимоотношениях печенегов с Византией, Венгрией, Болгарией, Русью, их роли в международной жизни Юго-Восточной Европы в это время.[10]

Особое значение имеют известия Константина о восточнославянских племенах юга и юго-запада Киевской Руси, об организации «полюдья» — сбора дани — киевскими князьями.[11]

Незаменимым источником, содержащим подробнейшие сведения о Древней Руси эпохи Игоря и Святослава, о войнах Святослава с Византией на Балканах и в Подунавье, об обстоятельствах заключения на Дунае русско-византийского договора 971 г., а также о трагической гибели русского князя в битве с печенегами является «История» византийского хрониста, современника описываемых им событий, Льва Диакона.[12]

События русско-византийской войны 1043 г., которые коснулись Нижнего Подунавья, описаны византийскими авторами Иоанном Скалицей и Михаилом Пселлом.[13]

Очень важные сведения о разноэтническом населении Нижнего Подунавья во второй половине XI в. содержатся в «Истории» византийского хрониста Михаила Атталиата.[14]

«Уникальны, хотя подчас и носят фрагментарный характер, свидетельства Анны о северных соседях Византии: кочевниках влахах, узах, половцах и особенно печенегах. Как ни скудны данные «Алексиады» об этих народах, они заслуживают пристального внимания»,[15] — это оценка Я.Н. Любарским известий «Алексиады» Анны Комниной, дочери византийского императора Алексея

---

[9] Константин Багрянородный. Об управлении империей: Пер. Г.Г. Литаврина. — Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982, с.267–353.

[10] Константин Багрянородный, с.271, 297.

[11] Там же, с.273.

[12] Лев Диакон. История. М., 1988.

[13] Ioannis Skilitzae. Sinopsis historiarum. Berlin–New York, 1979, p.81, 83; Михаил Пселл. Хронография. М., 1978, с.95–97.

[14] Michaelis Attaliat. Historia. Bonnae, 1848, p.83, 84, 704.

[15] Анна Комнина. Алексиада. М., 1965. Перевод и комментарий Я.Н. Любарского, с.22.

Комнина (1082–1118 гг.), описавшей в своей хронике основные события его правления.

Ряд ценных исторических сведений о народах, населявших Днестровско-Карпатские земли или же проходивших через них в IX–XII вв. содержат средневековые письменные источники западноевропейских стран. В первую очередь это источник IX в. (843–876 гг.), принадлежащий перу так называемого Баварского Анонима или же Баварского Географа, который уже упоминался в связи с его сведениями о племени тиверцев. Помимо тиверцев Баварский Аноним описывает и уличей, соседних с ними.[16]

Должно выделить венгерские средневековые хроники Анонима, Туроци и Симона де Кезы, а также многочисленные королевские документы, отражающие связи венгров с Русью, печенегами и половцами в X–XII вв.[17]

Венгерский Аноним, источник конца XII в. сообщает о волохах и славянах в Среднем Подунавье в IX–X вв., о расселении тюркских кочевников в Венгрии в XI–XII вв.[18]

Хроника Туроци содержит известия о половецких набегах на Венгрию начиная с 1070 г. и о переселении «куман» в королевство в правление короля Стефана в 1123 г.[19]

Историю половецких вторжений в Венгрию подробно прослеживает венгерская средневековая хроника Симона де Кезы.[20] Многие документы королевства Венгрии, посвященные истории венгеро-печенежских, венгеро-половецких, венгеро-русских отношений, содержащие сведения по определенным моментам истории Днестровско-Карпатских и Карпато-Дунайских земель, содержатся в ряде изданий источников.[21]

Из западноевропейских источников представляет интерес сообщение исландского средневекового историка XII в. Снорри Стурлусона о походе византийского императора в страну Блеку-

---

[16] Magnae Moraviae Fontes Historiei, p.288.

[17] Codex diplomatieus Hungariae ecclesiasticus et civilis. Ed. Fejer. Budapest, 1829–1844; Vetera Monumenta Historia Hungariam Sacram Illustrantia. Ed. Theiner, Roma, 1960; Kuun. Codex Cumanicus Sibliotecae at templum Divi Marei Venetarium. Budapest, 1880.

[18] Scriptores rerum Hungaricarum. Ed. E. Szentpetery, V-II. Budapestini, 1938, p.33–117 (SRN).

[19] SRH, V-I, p.336.

[20] SRH, V-II, p.141–194.

[21] Annales Regum Hungariae. Vindobonae, 1763; Documente privitoare la istoria romanilor. Bucuresti, 1887.

манналанд против язычников-кочевников, данное им в описании подвигов наемников-скандинавов на службе у Византии.[22] Это сообщение относится к событиям войны императора Иоанна II Комнина с кочевниками в 1122–1123 гг. Страна Блекуманналанд — это «Валахия», земля влахов, территория к югу от Дуная, где совместно с болгарским проживало и влашское население.[23]

Ряд сведений о населении земель между Византией и Русью, т.е. как раз Днестровско-Карпатского региона в XII в. содержится в «Императорских досугах» Гервазия Тильберийского, средневекового английского хрониста (ок. 1150–1235? гг.).[24]

Историку, изучающему проблемы истории Днестровско-Карпатских земель в домонгольскую эпоху, необходимо обращаться и к документам римской курии, касающихся истории Северного Причерноморья в XI–XII вв.[25]

Некоторые моменты истории Днестровско-Карпатских земель с конца IX до середины XIII в. нашли отражение в трудах арабских, еврейских и армянских средневековых авторов. «Геродот Востока», мусульманский историк Масуди, чей труд датируется 947 г., пишет о южных поселениях древнерусского населения на берегах Черного моря.[26] По сведениям Масуди, как отметил Б.А. Рыбаков, «русы» проживали там же, где русская летопись локализует тиверцев и уличей.[27]

О славянском населении Прикарпатья, возможно, племени тиверцев, есть сведения у еврейского путешественника X в. Ибрагима ибн Якуба в его отчете за 965 г.[28]

Одним из восточных источников, сообщающим сведения о торговых путях, проходивших в X столетии через Днестровско-Карпатские земли, является переписка хазарского кагана Иосифа с визирем кордовского халифа Абдурахмана III Хасдаем Ибн-

---

[22] Снорри Стурлуссон. Круг Земной. М., 1980, с.551.

[23] Spinei V. Informatii despre vlahi in izvoarelemedievale nordice. — Studistcercetari de istorie veche, t.24, nr.2, Bucuresti, 1973, p.279.

[24] Гервазий Тильберийский. Императорские досуги. — Матузова В.Л. Английские средневековые источники. М., 1979, с.60–68.

[25] Documente Pontificu cum Romanorum Historiar Ucrainae (1075–1700). Romae, 1953.

[26] Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, с.127.

[27] Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982, с.183.

[28] Куник А., Розен В. Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1876, ч.I, XXXII.

Шафрутом, датируемая началом второй половины X в. По словам кагана Иосифа, торговые пути, связывавшие Хазарию с Центральной Европой, шли через карпатские перевалы и Поднестровье.[29]

Арабский географ середины XII в. Идриси считал Днестр воротами в русские земли, которые начинались от берегов Черного моря.[30]

Арабские источники XII–XIV вв. по истории Днестровско-Карпатских земель были подробнейшим образом исследованы И.Г. Коновaловой в ее монографии, специально посвященной данной тематике.[31]

Таковы главные письменные источники, известия которых освещают основные события Днестровско-Карпатских земель с конца III в. и до середины XII в. В них содержатся сведения как по древнерусской истории, связанной с Поднестровьем и Нижнем Подунавьем, так и по истории тюркских номадов — печенегов, торков, берендеев, половцев, чьи кочевые орды и проходили через земли региона, и располагали здесь свои кочевья. Известия эти, как правило, фрагментарны, порой они лишь случайно фиксируют те или иные события, связанные с историей региона. Тем не менее анализ совокупности сведений письменных источников по истории Днестровско-Карпатских земель за этот период позволяет восстановить в целом особенности их исторического развития на протяжении двух с половиной столетий.

Помимо источников письменных в распоряжении исследователя, занимающегося историей Днестровско-Карпатского региона III–XIII вв., находятся также достаточно многочисленные археологические источники. Их можно разделить на четыре категории:

1. Памятники эпохи Великого переселения народов, принадлежащие многоплеменному населению Днестровско-Карпатских земель до массового расселения там славянского населения. Они были подробно исследованы советским археологом Э.А. Рикманом.[32]
2. Памятники славяно-русской материальной культуры, к которым относятся исследованные как отечественными, так и румын-

---

[29] Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка в Хв. Л., 1932, с.98–102.

[30] Рыбаков Б.А. Русские земли по карте Идриси 1154 г. — Краткие сообщения института истории материальной культуры. М., 1952, с.15–16; Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении Идриси. М., 1999, с.148–160.

[31] Коновалова И.Г. Арабские источники XII–XIV вв. по истории Днестровско-Карпатских земель. — Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1990 г. М., 1991.

[32] Рикман Э.А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1976.

скими археологами славянские и древнерусские земледельческие населения и раннегородские центры — селища и городища — Днестровско-Карпатских земель.

3. Памятники материальной культуры южнославянского (болгарского) населения, относящиеся к так называемой Балкано-Дунайской культуре.
4. Древнерусские памятники начали изучаться вскоре после окончания Великой Отечественной войны. Честь открытия материальной культуры ранее только по летописям известных тиверцев принадлежит известному отечественному археологу Г.Б. Федорову. Именно его многолетние раскопки и привели к обнаружению на территории Пруто-Днестровского междуречья многочисленных памятников безусловно относимых к древнерусской материальной культуре эпохи Киевской Руси. Г.Б. Федоров проследил генетическую связь древнерусских поселений региона со славянскими предшествующей эпохи.[33]

Г.Б. Федоров и его ученик кишиневский археолог Г.Ф. Чеботаренко подготовили и опубликовали полную сводку археологических памятников восточных славян и древнерусского населения на территории Молдавии.

Памятники славянской материальной культуры VI–IX вв. в Молдавии исследовал советский археолог И.А. Рафалович.[34]

На территории Северной Буковины (Черновицкая область Украины) славяно-русской археологией долгие годы занимались Б.А. Тимощук и И.П. Русанова. Ими опубликованы материалы изучения ряда древнерусских памятников Поднестровья.[35]

Перу Б.А. Тимощука принадлежит также фундаментальная монография, посвященная развитию древнерусской материальной культуры на территории Северной Буковины.[36] В ней дается полный свод всех памятников, содержится тщательный анализ всех археологических находок с древнерусских поселений на Буковине IX–XIV вв.

В своей новейшей монографии «Восточные славяне. От общины к городам» Б.А. Тимощук также публикует ряд археологических вновь найденных источников по истории Днестровско-Карпатских земель в IX–XII вв.[37]

---

[33] Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф. Памятники древних славян (XI–XIII вв.). Кишинев, 1974.

[34] Рафалович И.А. Славяне VI–IX вв. в Молдавии. Кишинев, 1972.

[35] Русанова И.П., Тимощук Б.А. Древнерусское Поднестровье. Ужгород, 1981.

[36] Тимощук Б.А. Давноруська Буковина. Киев, 1982.

[37] Тимощук Б.А. Восточные славяне. От общины к городам. М., 1995.

На землях Запрутской Молдовы — междуречье Прута и Сирета и Восточное Прикарпатье — исследования археологических памятников восточнославянского населения вели румынские археологи. Ими было обнаружено большое число древнерусских поселений, преимущественно селищ IX–XI вв. и более позднего периода.[38]

И хотя с середины 60-х гг. по политическим причинам исследования славянских и древнерусских памятников румынской археологией прекращены, а многие из них бездоказательно объявлены «румынскими», это не может изменить исторических реалий.

К древнерусской материальной культуре на территории Румынии относятся памятники IX–XI вв. типа Хлинча I и XII–XIII вв. типа Хлинча II.[39] Наиболее подробно памятники славяно-русской археологии на территории Румынии и в первую очередь на землях Запрутской Молдовы (запад Днестровско-Карпатских земель) описаны в фундаментальной, до настоящего времени ни в чем не утратившей научного значения книге Г.Б. Федорова «Археология Румынии», написанной им в соавторстве с Л.Л. Полевым.[40]

К сожалению, поскольку с середины 60-х гг. по политическим соображениям целенаправленного изучения восточнославянских археологических памятников на территории Румынии практически не ведется, то это негативно сказывается на возможности более углубленного исследования истории западной части Днестровско-Карпатских земель в период с конца IX в. и до нашествия монголо-татар.

Следующую часть археологических источников по истории Днестровско-Карпатских земель в IX–X вв. составляют памятники материальной культуры южнославянского населения Первого Болгарского царства, распространенные в южной части региона.

Археологическое изучение памятников этой культуры в Прутo-Днестровском междуречье было начато в 1956–1957 гг. раскопками на поселении Криничное Болградского района Одесской области Украины, проведенными под руководством Г.Б. Федорова.

С 1959 по 1966 гг. под руководством Г.Ф. Чеботаренко отдельным отрядом Пруто-Днестровской экспедиции производились раскопки на поселении Калфа, а также широкие разведки памятников культуры Первого Болгарского царства. В результате был получен обширный археологический материал, который в сочетании с письменными, этнографическими и другими источниками позволяет охаракте-

---

[38] Studii si cercetari stiintifice istorie. Annul VII, t.2, jasi, 1956, p.1–56.

[39] Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. Археология Румынии. М., 1973, с.317, 336–337.

[40] Там же.

ризовать различные стороны памятников культуры Первого Болгарского царства в южной части Пруто-Днестровского междуречья.[41]

Сводные публикации археологических памятников этой культуры даны в работах Г.Ф. Чеботаренко.[42]

На территории Румынии памятники Балкано-Дунайской культуры (культуры Первого Болгарского царства) известны под названием «культура Дриду». Наиболее подробно они описаны в работах румынского археолога В. Спинея.[43]

Следует указать, что в современной румынской археологической науке господствует точка зрения, что эта культура в основе своей носила восточно-романский характер. Эта оценка полностью расходится с мнением отечественных и болгарских археологов об этнической принадлежности носителей Балкано-Дунайской культуры, которые считают, что она носила южнославянско-тюркский характер.[44]

Своеобразной «промежуточной» группой археологических памятников, относящихся как к оседлому славянскому, так и к кочевому, или уже полукочевому, переходящему к оседлости тюркскому населению являются материалы раскопок ряда поселений, расположенных в той полосе Днестровско-Карпатского региона, где лесостепь начинает переходить в собственно степь. Она протянулась в центральной части региона от Сирета на западе и до Днестра на востоке. Археологические материалы с раскопок этих поселений опубликованы В. Спинеем (Пруто-Сиретское междуречье)[45] и Г.Ф. Чеботаренко (Пруто-Днестровское междуречье).[46]

К четвертой категории археологических источников по истории Днестровско-Карпатских земель следует отнести материалы раскопок курганных погребений средневековых кочевников. Они на состояние середины 80-х гг. были опубликованы в СССР и в

---

[41] Чеботаренко Г.Ф. Материальная культура Первого Болгарского царства в Прутско-Днестровском междуречье. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1968, с.3.

[42] Чеботаренко Г.Ф. Материалы к археологической карте памятников VIII–X вв. южной части Прутско-Днестровского междуречья. — Далекое прошлое Молдавии. Кишинев, 1969; его же: Поселение Калфа. Кишинев, 1973.

[43] Spinei V. Moldova in secolele IX–XIV. Bucuresti, 1982.

[44] Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981, с.75–76.

[45] Spinei V. Contributii la istoria spatiului Est-Carpatie din secolele al XI-lea pina la invazia mongola din 1241. — Memoria antiquitalis VI–VIII (1974–1976). Muzeul de istoria Piatra Neamt, 1981, p.123–126.

[46] Чеботаренко К.Ф. Население центральной части Днестровско-Прутского междуречья в X–XII вв. Кишинев, 1982; Spinei V. Romanisi Turanici. Iast, 1985.

Румынии в монографиях археологов В. Спинея и А.О. Добролюбского.[47]

Хронологически они охватывают период с IX по XIV вв. Чтобы выделить древности изучаемого в настоящей работе периода с конца IX до середины XII в., надо использовать методику изучения курганных памятников средневековых кочевников Восточной Европы, которую разработал и многократно успешно применял видный отечественный археолог Г.А. Федоров-Давыдов.

Обобщение материалов археологических исследований кочевнических древностей Днестровско-Карпатских земель, а также Балкано-Дунайской культуры было сделано С.А. Плетневой в книге «Степи Евразии в эпоху средневековья» (один из томов 20-титомного издания «Археология СССР»), вышедшей в 1981 г.[48]

Восточнославянские древности, относимые археологами к тиверцам и уличам, описаны в томе этого же издания «Археология СССР», посвященном восточным славянам в VI–XIII вв. Автор всего тома и соответственно глав о тиверцах и уличах В.В. Седов.[49]

Материалы с раскопок городских поселений древнерусского населения Пруто-Днестровского междуречья обобщены в томе «Археологии СССР» «Древняя Русь. Город, замок, село». Автор тома Б.А. Рыбаков.[50]

Одним из важнейших источников для изучения этнической истории Днестровско-Карпатских земель IX–XII вв. являются материалы антропологических исследований открытых археологами средневековых могильников. Здесь в распоряжении историков данные научных исследований отечественного ученого-антрополога М.С. Великановой.[51] На основе имеющихся материалов археологических раскопок могильников X–XII вв. в центральной зоне Пруто-Днестровского междуречья М.С. Великанова установила ряд особенностей этнического состава местного населения в ту эпоху, что позволило историкам сделать о таковом куда более определенные выводы, нежели ранее.

Большую ценность для исследователя представляют нумизматические источники по истории Днестровско-Карпатского региона

---

[47] Добролюбский А.О. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. Киев, 1986.

[48] Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

[49] Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.

[50] Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985.

[51] Великанова М.С. Палеантропология Пруто-Днестровского междуречья. М., 1975.

в IX–XII вв. Нумизматические материалы, к которым относятся монеты византийские и куфические (отчеканенные в среднеазиатской державе Саманидов в X в.), достаточно подробно изучены и опубликованы. Здесь прежде всего должно выделить труды В. Спинея и А.А. Нудельмана.[52]

Топонимические и ономастические источники по истории Румынии были в свое время подробно исследованы румынским ученым Н. Драгану. В его работе, посвященной истории румын в IX–XIV вв., немалое внимание уделено топонимике и ономастике Днестровско-Карпатских земель этой эпохи.[53]

Топонимические источники по раннесредневековой истории изучаемого региона можно найти в книге румынского историка И. Йордана.[54] Славянскую топонимику на территории Румынии в свое время исследовал Е. Петревич,[55] тюркскую же на территории Пруто-Днестровского междуречья — И.В. Дрон.[56]

Обзор литературы

1. Отечественная историография

Раннесредневековая история земель Днестровско-Карпатского региона и, в частности, ее период с IX по середину XIII столетия попадали в сферу внимания многих историков разных стран и народов. Это русские и советские историки, историки Болгарии, большое внимание, разумеется, уделяли этой эпохе в истории региона румынские ученые. В то же время редко когда историки уделяли специальное внимание истории Днестровско-Карпатских земель в указанную эпоху в целом. Такие исследования появились только в 80–90-е гг. текущего столетия.[57]

Интерес к Днестровско-Карпатским землям историков разных стран объясняется тем, что их история — это и история Румынии,

---

[52] Spinei V. Contributii la istoria…, p.131–140. Нудельман А.А. Очерки истории монетного обращения в Днестровско-Прутском регионе. Кишинев, 1985.

[53] Draganu M. Romanii in Veacurile IX–XIV pe baza toponimiei si onomasticei. Bucuresti, 1933.

[54] Iordan I. Toponimia romaneasca. Bucuresti, 1960.

[55] Петрович Е. Славяно-болгарская топонимика на территории Румынской Народной Республики. — Romanoslavica, IX. Bucuresti, 1963.

[56] Дрон И.В. К вопросу о периодизации тюрко-молдавских взаимосвязей. — Славяно-молдавские связи и ранние этапы этнической истории молдаван. Кишинев, 1983, с.98–120.

[57] Spinei V. Moldova in secolele IX–XIV; Romani si Turanici. Князький И.О. Славяне, волохи и кочевники Днестровско-Карпатских земель (конец IX–середина XIII вв.). Коломна, 1997.

и история Болгарии, и история Руси, и история кочевых народов южнорусских степей. Да и сама она находится на стыке ряда отраслей исторической науки. Тому, кто ею занимается, должно знать и историю Древней Руси, и разбираться в ряде проблем истории Первого Болгарского царства и Византийской империи, вникать в раннесредневековую историю волохов — предков современных восточных романцев, не говоря уже о знании проблем тюркских кочевых народов Северного Причерноморья, ни один из которых не минул Днестровско-Карпатского региона.

Потому-то исследователю истории земель между Карпатами и Днестром в IX–середине XIII вв. приходится обращаться как к трудам по истории Киевской Руси, так и работам по истории Византии, Болгарии, истории румын догосударственной эпохи (до образования в XIV в. княжеств Валахия и Молдавия), печенегов, торков, половцев, также оставивших свой след в этих землях в конце первых веков II тысячелетия.

В первую очередь обратимся к трудам отечественных историков, в той или иной мере затрагивавших в своих исследованиях историю земель Днестровско-Карпатского региона в IX–середине XIII вв. К таковым относятся работы русских дореволюционных историков, советских — русских, молдавских и украинских авторов, современных российских исследователей.

Отдельные моменты истории Днестровско-Карпатских земель в эпоху Киевской Руси были отмечены в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Это касается сведений о восточнославянском племени тиверцев, о печенегах в Поднестровье и Подунавье.[58] О печенегах и половцах в Поднестровье, Подунавье и Прикарпатье упоминал А. Куник, исследовавший венгерские источники о кочевниках южнорусских степей.[59]

Истории пребывания в Днестровско-Карпатском регионе кочевых тюркских народов в первые столетия II тысячелетия уделил внимание Ф.К. Брун.[60] Эта же тематика нашла отражение и в исследовании Ф.И. Успенского, посвященной образованию Второго Болгарского царства.[61]

Важное значение для понимания роли тюркских кочевников в истории земель Поднестровья, Нижнего Подунавья, Восточного

---

[58] Карамзин Н.М. История государства Российского. Т.I. М., 1989.

[59] Куник А. О тюркских печенегах и половцах по мадьярским источникам. — Записки Академии наук. Т.II, вып.5. СПб., 1855.

[60] Брун Ф.К. Черноморье. Т.I. Одесса, 1879.

[61] Успенский Ф.И. Образование Второго Болгарского царства. Одесса, 1879.

Прикарпатья имеют работы видного русского ученого П.В. Голубовского, посвященные истории печенегов, торков и половцев.[62]

О войне византийцев с половцами в 1148 г., происходившей в Нижнем Подунавье и Восточном Прикарпатье, писал К.Я. Грот.[63]

Особо стоит отметить работу русского историка А. Накко, посвященную истории Бессарабии — территории Пруто-Днестровского междуречья с древнейших времен, где автор касается как вопросов происхождения румынского народа, так и проблем пребывания в регионе славян и тюрок.[64] Важно, что А. Накко не ограничивался в своем исследовании только пределами российской Бессарабской губернии, но и касался проблем истории Запрутской Молдовы, Валахии и Трансильвании, в той или иной мере связанных историей изучаемого им края. По сути, работа А. Накко первая в отечественной историографии в целом описывала историю всего Днестровско-Карпатского региона в раннесредневековую эпоху. Исключительное значение имела работа российского ученого для изучения истории восточных романцев. Он одним из первых в европейском ученом мире доказывал, что этногенез румын происходил на территории бывшей римской провинции Дакия к северу от Дуная — земли Баната, Олтении и Трансильвании, — где романизованное население проживало автохтонно со времен Римской империи. А. Накко опровергал утверждения трансильванского историка и лингвиста немецкого происхождения Роберта Рёслера о том, что все романизованное население римской Дакии после ее эвакуации императором Аврелианом в 271 г. ушло к югу за Дунай, а румыны являются потомками волохов, совершивших вторичную миграцию в Карпато-Дунайские земли уже в первые столетия II тысячелетия в XI–XIII вв.[65]

О русских городах на Дунае, упоминаемых как в Воскресенской летописи, так и актах Константинопольской патриархии, писал русский византинист Ю. Кулаковский.[66]

Ряд проблем истории Днестровско-Карпатского региона затронул в своих трудах видный русский историк — византинист В.Г. Васильевский. Он, ссылаясь на список русских городов, сохранив-

---

[62] Голубовский П.В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1984: его же: Половцы в Венгрии. Киев, 1889.

[63] Грот К.Я. Из истории Угрии и славянства в XII в. Варшава, 1889.

[64] Накко А. История Бессарабии с древнейших времен. Ч.I, вып.2. Одесса, 1874.

[65] Rosler R. Romanishe Studien. Untersuchungen zur alteren Geschich.te Romaniens. Leipzig, 1871, p.45–58.

[66] Кулаковский Ю. Где находилась Вичинская епархия Константинопольского патриархата? — Византийский временник. T.IV, вып.3–4. 1897, с.335.

шийся в Воскресенской летописи, указывал на многовековое пребывание Руси в Подунавье, Поднестровье и в Восточном Прикарпатье.[67] Также В.Г. Васильевский уделял большое внимание роли тюркских кочевников — печенегов и торков — в истории этих земель, отдельная работа его посвящена византийско-печенежским отношениям. Специально исследовал В.Г. Васильевский тему «Русские на Дунае в XI в.».

Говоря о работах русских ученых, посвященных истории тюркских кочевников в южнорусских степях, где авторы в той или иной мере касались отдельных проблем истории Днестровско-Карпатских земель в домонгольскую эпоху, нельзя не выделить труды представителя русского зарубежья историка Д.А. Расовского. Он сумел определить пути движения кочевых орд печенегов, торков, берендеев и половцев на земли Венгерского королевства, и большею частью они как раз и проходили через Днестровско-Карпатский регион.[68] Им также исследована и Придунайская Кумания, сложившаяся в результате занятия половцами степей Нижнего Поднестровья, Попрутья и Нижнедунайской низменности. Большое внимание Д.А. Расовский уделял влиянию кочевников на международные дела в Карпато-Балканском регионе, их роли в истории Венгрии, Византии, Болгарии, Латинской империи.

Один из крупнейших историков русского зарубежья Г. Вернадский подробно исследовал русско-византийские отношения XII в. именно в связи с ролью в них кочевников Северного Причерноморья. Он касался вопросов о роли и месте Руси в международных отношениях на юго-востоке Европы в это время, о византийском влиянии на Русь, о русском и византийском противостоянии кочевому миру южнорусских степей.[69]

В схожем с Г. Вернадским ключе в советской историографии довоенной поры важные проблемы русско-византийских отношений, часто затрагивавшие и судьбы Днестровско-Карпатских земель, исследовал М.Д. Приселков.[70]

---

[67] Васильевский В.Г. Труды. Т.I. СПб., 1908.

[68] Расовский Д.А. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии. — Seminarium Kondakoviarum, t.VI, Praga. 1933, с.3–39, его же: Роль половцев в войнах Асеней с Византийской и Латинской империями. — Списание на Българската Академия на науките, 58, 1939, с.203–211.

[69] Vernadsky G. Relations byzantino-russes au XII siecle. — Byzantion, 1927–1929. T.4.

[70] Приселков М.Д. Русско-византийские отношения IX–XII вв. — Вестник древней истории. №3(8), 1939, с.88–115.

О связях Половецкой степи с Нижним Подунавьем упоминал К.В. Кудряшов в своих очерках исторической географии половецких степей, вышедших вскоре после Великой Отечественной войны.[71]

При всей важности трудов отечественных историков XIX–первой половины XX в. для изучения раннесредневековой истории земель Днестровско-Карпатского региона нельзя не учитывать того обстоятельства, что в большинстве своем они специально изучением проблем Поднестровья, Подунавья, Прикарпатья и Буковины не занимались. К тому же, к сожалению, в их распоряжении были только письменные источники, поскольку археологических исследований на научном уровне раннесредневековых памятников III–XIII вв. как в Бессарабии, так и в Запрутской Молдове, по существу, в те времена не велось.

Положение решительным образом изменилось только после Великой Отечественной войны. Именно тогда стали появляться первые специальные исследования по раннесредневековой истории региона. Начало этому положили работы первооткрывателя славяно-русских археологических памятников на территории Пруто-Днестровского междуречья Г.Б. Федорова. Работы Г.Б. Федорова, посвященные восточнославянским древностям на территории МССР, начали выходить с 1953 г. Из 20 опубликованных им работ стоит особо выделить монографию «Население Пруто-Днестровского междуречья в I тысячелетии н.э.», вышедшую в 1960 г.[72] В ней автор на материалах археологических источников исследовал этапы расселения славян в регионе, их взаимоотношения с соседями, в том числе с кочевниками южнорусских степей.

Г.Б. Федорову принадлежит честь открытия южнославянских древностей в Днестровско-Карпатских землях. Он первым начал изучать материальную культуру Первого Болгарского царства на юге региона.[73]

Также перу Г.Б. Федорова принадлежит и первое исследование проблем генезиса и развития феодальных отношений у древнерусского населения Днестровско-Прутского междуречья в IX–XII вв.

Вслед за трудами Г.Б. Федорова по раннесредневековой истории земель Пруто-Днестровского междуречья стоит выделить ис-

---

[71] Кудряшов К.В. Половецкая степь. М., 1948.

[72] Федоров Г.Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н.э. М., 1960.

[73] Федоров Г.Б. Салманович М.Я. Этническая и культурная история населения Юго-Запада СССР от начала железного века до XIX столетия. — VII Международный Конгресс археологических и этнографических наук. М., 1964, с.1–11.

следования Н.А. Мохова, посвященные истории Молдавского княжества эпохи феодализма.[74] Опираясь на достижения отечественной археологии в изучении раннесредневековой материальной культуры региона и используя сведения письменных источников — прежде всего «русских летописей», Н.А. Мохов оценивал период истории Днестровско-Карпатских земель в IX–XII в. как тесно связанный с историей Древней Руси, вслед за Г.Б. Федоровым он отмечал разрушительные последствия кочевнических нашествий для древнерусских центров в Поднестровье.

В то же время необходимо отметить, что поскольку основное внимание Н.А. Мохова в его исследованиях отводилось уже истории Молдавского княжества, сформировавшегося в Днестровско-Карпатских землях после 1359 г., то эпоха предгосударственная, раннесредневековая освещалась им кратко и достаточно поверхностно. Н.А. Мохов скорее обобщал выводы своих предшественников по истории региона в домонгольскую эпоху, нежели специально таковую исследовал. И все же работы Мохова были шагом вперед, поскольку, если Г.Б. Федоров ограничивал свои исследования территорией Пруто-Днестровского междуречья, то Н.А. Мохов обращался также и к истории всего региона, где впоследствии образовалось молдавское средневековое государство.

В 60–70-е гг. ряд проблем этнической истории Днестровско-Карпатских земель VI–XIV вв. исследовал кишиневский археолог И.Г. Хынку.[75] В центре его внимания были вопросы об этнической принадлежности носителей Балкано-Дунайской культуры, о взаимоотношениях восточно-романского и восточнославянского населения в регионе. Отдельные его положения о восточно-романском характере Балкано-Дунайской культуры на территории Пруто-Днестровского междуречья, о романо-славянском билингвизме тиверцев вызвали серьезные возражения со стороны других кишиневских ученых. С критикой концепций И.Г. Хынку выступили П.П. Бырня и И.А. Рафалович, опубликовавшие статью, обобщав-

---

[74] Мохов Н.А. Формирование молдавского народа и образование молдавского государства. Кишинев, 1959; его же: Молдавия в эпоху феодализма. Кишинев, 1968.

[75] Хынку И.Г. К вопросу о судьбах романизированного населения Дунайско-Днестровских земель в VI–IX вв. (волохи и славяне). — Тезисы докладов первого симпозиума по археологии и этнографии Юго-Запада СССР. Кишинев, 1964; его же: Лимбарь — средневековый могильник XII–XIV вв. в Молдавии. Кишинев, 1970.

шую достижения отечественной исторической науки по изучению проблем этнической истории Днестровско-Карпатских земель в конце I–начале II тысячелетия новой эры.[76] Опираясь прежде всего на материалы археологических исследований, а также на ряд письменных источников, П.П. Бырня и И.А. Рафалович доказывали, что период истории Днестровско-Карпатских земель в VI–XIII вв. должно рассматривать как славяно-русский, а не восточно-романский по преимуществу.

Проблемы этнической истории Днестровско-Карпатского региона находили также отражение в таких изданиях 70-х гг., как «Очерки истории культуры Молдавии», «Древняя культура Молдавии».[77]

Многие проблемы истории Днестровско-Карпатского региона затрагивались в трудах отечественных византинистов, специалистов по истории Древней Руси, Венгерского королевства.

М.В. Левченко неоднократно касался вопроса о русском населении Нижнего Подунавья и государственном присутствии здесь Киевской Руси в своих «Очерках по истории русско-византийских отношений».

Многие проблемы влияния в землях Днестровско-Карпатского региона государств-соседей, а также судьбы древнерусского населения Поднестровья, Нижнего Подунавья и Восточного Прикарпатья затрагивались в трудах В.Т. Пашуто, посвященных истории Галицко-Волынской Руси и внешней политике Древней Руси.[78]

Г.Г. Литаврин и В.Л. Янин рассматривали русско-византийские отношения IX–XII вв. с учетом упрочения позиций Руси в междуречье Днестра и Сирета.[79]

К этнической истории Восточного Прикарпатья в IX–XIII вв. обращался специалист по истории Венгрии В.П. Шушарин.[80]

Проблемам истории восточно-романского населения в Среднем и Нижнем Подунавье были посвящены специальные работы В.Д. Ко-

---

[76] Бырня П.П., Рафалович И.А. Проблемы этнической истории Днестровско-Карпатских земель в конце I–начале II тысячелетия н.э. — Славяно-молдавские связи и ранние этапы этнической истории молдован. Кишинев, 1983.

[77] Рикман Э.А., Рафалович И.А., Хынку И.Г. Очерки истории культуры Молдавии. Кишинев, 1971; Древняя культура Молдавии. Кишинев, 1975.

[78] Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950; его же: Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

[79] Литаврин Г.Г., Янин В.Л. Некоторые проблемы русско-византийских отношений в IX–XV вв. — История СССР, №4, с.34–53.

[80] Шушарин В.П. Этническая история Восточного Прикарпатья в IX–XII вв. — Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972, с.166–179.

ролюка и Г.Г. Литаврина.[81] Г.Г. Литаврин также внес значительный вклад в изучение роли тюркских кочевников — печенегов и половцев — в истории Болгарии и Византии в XI–XII вв.[82]

К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних», сообщающего о многочисленных русских городах в Днестровско-Карпатских землях, обращался Е.П. Наумов.[83]

Большой интерес для исследователя, изучающего историю Северо-Западного Причерноморья, Днестровско-Карпатского региона, представляет монография М.В. Бибикова «Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII–XIII вв.)».[84] Это глубокое исследование, проведенное с применением самых разнообразных источниковедческих методик, уделяет немалое внимание сведениям о тюркских кочевниках — печенегах и половцах — в Северо-Западном Причерноморье, Нижнем Подунавье, на территории Византийской империи, которые содержатся в византийских хрониках, актовых источниках.

М.В. Бибиков подробно исследовал Веройскую войну Византии с кочевниками начала 20-х гг. XII в.[85]

Немалое внимание проблемам этногенеза славян и восточных романцев в Карпато-Балканском регионе уделял видный отечественный славянист В.Д. Королюк. Его статьи, посвященные политической и экономической истории славян и восточных романцев, были объединены в специальный сборник, вышедший в 1985 г.[86] Сборник был посвящен памяти Владимира Дорофеевича, ушедшего из жизни в 1981 г.

Многие проблемы этнической и политической истории Днестровско-Карпатских и Карпато-Дунайских земель затрагивались в

---

[81] Королюк В.Д. Славяне, волохи, римляне и римские пастухи венгерского «Анонима». — Юго-Восточная Европа в Средние века. Кишинев, 1972, с.139–158; Литаврин Г.Г. Влахи византийских источников X–XIII вв. — Юго-Восточная Европа в Средние века. Кишинев, 1972, с.91–138.

[82] Литаврин Г.Г. Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960; его же: Византийское общество и государство в X–XI вв. М., 1977.

[83] Наумов Е.П. К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних». — Летописи и хроники. 1973. М., 1974, с.150–163.

[84] Бибиков М.В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII–XIII вв.). — Древнейшие государства на территории СССР. 1980. М., 1982, с.5–151.

[85] Бибиков М.В. Источниковедческие проблемы изучения истории кочевников в Нижнем Подунавье в XII в.

[86] Королюк В.Д. Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. М., 1985.

книге «Раннефеодальные государства на Балканах (VI–XII вв.)», вышедшей также в 1985 г.[87] Ответственный редактор книги — Г.Г. Литаврин, авторы — Г.Г. Литаврин, Е.П. Наумов, М.М. Фрейденберг, О.В. Иванова, О.А. Акимова, А.В. Чернышов. Ряд важных моментов истории изучаемого в настоящей диссертации региона отражен в главах о Византийском государстве в VII–XII вв. и о формировании и развитии Болгарского раннефеодального государства (конец VII–начало XI в.).[88] Автор обеих глав Г.Г. Литаврин.

Истории Днестровско-Карпатских земель в IX–XIII вв. уделялось внимание и в обобщающих исторических трудах, выходивших в советской Молдавии в 60–80-е гг. Это и том I двухтомной «Истории МССР», вышедшей в 1965 г., книга «Молдаване», вышедшая в 1977 г., однотомная «История МССР», опубликованная в 1981 г., и, наконец, I том «Истории Молдавской ССР», планируемой изначально как шеститомная, вышедший в 1987 г.[89]

Проблемы раннесредневековой истории региона здесь освещались по-разному. В I томе «Истории МССР» 1965 г. они освещались предельно кратко, отмечая лишь вхождение части Днестровско-Карпатских земель в состав Киевской, затем Галицко-Волынской Руси и фиксируя разрушительную роль печенегов и половцев в жизни региона.

В книге «Молдаване» отмечалось древнерусское наследие в истории молдавского народа в этнокультурном плане — участие восточных славян в этногенезе молдавской народности эпохи феодализма, языковое влияние (около четверти слов в молдавском языке славянского происхождения), использование восточными романцами славянской письменности (румынами до 1859 г.).

В однотомной «Истории МССР» специального раздела, посвященного взаимоотношениям славянского и тюркского населения на землях региона в IX–XII вв., нет. Дается лишь краткий обзор последствий вторжений кочевников в Днестровско-Карпатские земли в XI–XIII вв.

Определенный шаг вперед в изучении раннесредневековой истории земель Днестровско-Карпатского региона был сделан в I томе «Истории Молдавской ССР». По счастью, том успел выйти в 1987 г., поскольку в дальнейшем это издание, планировавшееся как

---

[87] Раннефеодальные государства на Балканах. VI–XII вв. М., 1985.

[88] Раннефеодальные государства на Балканах..., с.99–188.

[89] История МССР. Т.I. Кишинев, 1965; Молдаване. Кишинев, 1977; История МССР. Кишинев, 1982, История Молдавской ССР. Кишинев, 1987. Т.I.

шеститомное, по политическим соображениям в связи с выходом Молдавии из состава СССР было прекращено.

Первый том охватывал эпоху в истории земель будущего средневекового Молдавского княжества с древнейших времен и вплоть до образования во второй половине XIV в. молдавского государства. В нем помимо значительного раздела, посвященного истории Днестровско-Карпатских земель в составе Древней Руси, есть и специальный параграф о населении региона и кочевниках в XI–первой половине XII вв. Однако ввиду самого характера этого изучения данные разделы носят не столько научно-исследовательский характер, сколько обобщают материалы имевшихся к тому времени немногочисленных работ, непосредственно посвященных данной тематике.

Истории земель Днестровско-Карпатского региона в IX–XII вв. было уделено внимание и в вышедшей в 1987 г. «Краткой истории Румынии» (автор раздела Л.Е. Семенова), где были обобщены достижения отечественной историографии в изучении политической и этнической истории этой территории в раннесредневековую эпоху.[90]

Политические события конца 80-х–начала 90-х гг., связанные с распадом СССР, образованием независимой Молдавии самым радикальным образом сказались на трактовке молдавскими историками истории Днестровско-Карпатских земель в IX–XII вв. Вышедшая в 1992 г. в Кишиневе «История румын» однозначно прерывала традиции молдавской исторической науки советского времени.[91]

Основная мысль этой книги — перманентное историческое единство восточных романцев — румын. Румынский народ, конституировавшись этнически, духовно и лингвистически на рубеже VI–VII вв. на территории Карпато-Балканских земель, включая и всю территорию Днестровско-Карпатского региона, является с того времени и до настоящего единственным здесь автохтонным населением.

Чем-либо оригинальным эта концепция не отличалась. Фактически это вполне целенаправленное повторение того, что многократно утверждалось в румынской историографии и что, по сути, является краеугольным камнем национально-патриотического направления в ней. Суть этого направления — непрерывное развитие одного и того же этнического субстрата на одной и той же территории на протяжении более чем двух с половиною тысячелетий,

[90] Краткая история Румынии. М., 1987.
[91] Istoria romanilor. Chisinau, 1992.

начиная с эпохи проживания в Карпато-Балканском регионе древних фракийцев. Субстрат этот являл собой своеобразный этнический монолит, о который разбивались все иноплеменные вторжения. Исключение — романизация даков в эпоху господства римлян на землях к северу от Дуная (106–171 гг.), когда и была заложена основа собственно румынского народа.[92] Роль иных народов в этногенезе восточных романцев признается совершенно незначительной, также не допускается и само существование самостоятельного молдавского народа.

Подобное совпадение взглядов историков современной Молдавии с известными уже румынскими было бы упрощенно понимать как простое заимствование. Смысл этого совпадения прежде всего политический: единая история, единая нация, единое государство. Цель вполне понятна — скорейшее государственное объединение Молдавии и Румынии.

Такой подход, однако, в Молдавии приветствовали далеко не все. В итоге в этническом самосознании молдаван произошел в середине 90-х гг. глубокий раскол.[93] Призывы к скорейшему объединению двух восточно-романских государств породили, с другой стороны, призывы хранить и укреплять «этническую и культурную самобытность молдаван» — так характеризует современную этнополитическую ситуацию в Молдавии, прямо влияющую на состояние исторической науки, С.А. Мадиевский в введении к своей книге, посвященной румынскому обществу конца XIX–начала XX в.[94]

Противостояние в современной Молдавии двух этнополитических ориентаций с тенденцией, скорее, не к затуханию, но к обострению создает весьма неблагоприятную обстановку в исторической науке республики. Не может здесь не сказаться и фактическое прекращение научных контактов Кишинева с Москвой. В то же время в российской исторической науке изучение ряда проблем истории Днестровско-Карпатских земель в IX–XIII вв. продолжается. Примером этого является выход уже упоминавшейся книги Б.А. Тимощука, где исследуются, в том числе, племенные княжения хорватов и тиверцев.[95]

---

[92] К примеру, см. Berciu B. Probleme privind formarea poporului roman in lumine cercetarilor archeologice recente. — Revista de istorie, 8, 1975, t.28, p.1156.

[93] Мадиевский С.А. Румынское общество от буржуазных преобразований 60 гг. XIX в. до 1918 г. Кишинев, 1996, с.8.

[94] Там же.

[95] Тимощук Б.А. Восточные славяне. От общины к городам.

Историко-археологическое исследование Карпато-Днестровских земель во второй половине IX–первой половине XIII в. написано Р.А. Рабиновичем.[96]

Значительное внимание раннесредневековой истории Днестровско-Карпатских земель уделяют российские ученые И.Г. Коновалова и В.Б. Перхавко. В монографии И.Г. Коноваловой, посвященной Восточной Европе в сочинении ал-Идриси, один из параграфов посвящен исследованию известий Идриси о Северо-Западном Причерноморье и Нижнем Подунавье.[97] Связи Древней Руси с Нижним Подунавьем в X–XII вв. оказались в центре внимания в совместном монографическом исследовании И.Г. Коноваловой и В.Б. Перхавко «Древняя Русь и Нижнее Подунавье». На основании глубокого изучения источников в монографии делается четкий, обоснованный вывод о том, что регион Нижнего Подунавья входил в сферу непосредственных политических и экономических интересов Древней Руси, которой в это время — в первой половине XII в. — принадлежало там серьезное влияние, почему Идриси и относил Днестровско-Карпатские земли вплоть до Дуная к территории Руси.[98]

2. Зарубежная историография

История Днестровско-Карпатских земель являлась и является, естественно, объектом исследования в румынской историографии. Интерес к периоду, предшествовавшему образованию средневекового Молдавского княжества, проявляли все без исключения молдавские летописцы.[99] Опираясь на историческое предание о переселении волохов на земли к востоку от Карпат в середине XIV в., что и стало началом образования молдавской государственности, все они указывали, что предшествующим населением в регионе были русские (русины), которых волохи здесь, придя из-за Карпат, и встретили. Летописец Уреке (конец XVII в.) писал о молдавских русинах своего времени как о прямых потомках древнего русского населения края и подчеркивал, что «и ныне в Молдавии звучит русская речь».[100] О русских как о постоянном населении Молдавского кня-

---

[96] Рабинович Р.А. Карпато-Днестровские земли во второй половине IX–первой половине XIII в. (Историко-археологическое исследование). Автореферат диссертации на соискание степени кандидата исторических наук. СПб., 1997.

[97] Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси, с.148–159.

[98] Коновалова И.Г. Перхавко В.Д. Древняя Русь и Нижнее Подунавье. М., 2000, с.171.

[99] Letopisetul Tarii Moldovei si o sama de cuvinte. Bucuresti, 1882.

[100] Уреке Григоре — летописецул Цэрий Молдовей. Кишинев, 1971, с.65–66.

жества с древнейших времен писал молдавский историк первой половины XVIII в., сподвижник Петра Великого Дмитрий Кантемир.[101]

Таким образом, и фольклорные исторические источники, и молдавские летописцы, и ранняя молдавская историография однозначно писали о восточнославянском населении Днестровско-Карпатских земель как о коренном на этой территории, более того, предшествующем восточно-романскому.

Интерес к восточнославянскому прошлому Днестровско-Карпатского региона сохранялся и в румынской историографии XIX столетия. Более того, известный румынский писатель и историк Богдан Петричейку Хаждеу, отличавшийся русофильскими взглядами, даже сочинил знаменитую «Берладскую грамоту» и опубликовал ее в 1860 г. Из нее «следовало», что в 1134 г. русский князь Иванко Ростиславич, правивший в Берладе (древнерусскую Берладь Хаждеу отождествил с румынским Бырладом), дал право беспошлинной торговли византийским купцам из приморского города Месемврии в своих городах Берладе и Текуче.[102] И хотя вскоре румынским историком И. Богданом и русским ученым А.И. Соболевским после палеографического, текстологического и смыслового анализа этого «документа» было безусловно доказано, что грамота эта не более, чем умело составленный фальсификат,[103] многие историки и в XX в. продолжали ссылаться на сочинение Б.П. Хаждеу, как на подлинный исторический документ. Как таковой «Берладская грамота» фигурирует у В.Т. Пашуто, М.В. Левченко, Н.А. Мохова.[104]

Истории славян на территории Румынии в раннесредневековую эпоху, взаимоотношениям их с восточными романцами немалое внимание уделял крупнейший румынский историк конца XIX–первой половины XX в. Николае Йорга.[105] В отдельных его трудах присутствовал и момент политический, связанный со стремлением обосновать румынскую принадлежность Бессарабии.[106]

---

[101] Cantemir D. Hronicul vecimei a Romano-Moldo — Vlahilor. Bucuresti, 1901, p.222–226.

[102] Instructiunea publica, Jasi; (24) Januarie, 1860.

[103] Bogdan I. Diploma birladeana din 1134 si principatului Birladului. — Analele Romana, seria 2, XII (1888–1889), p.65; Соболевский А.И. Грамота князя Иванка Берладника. — Труды восьмого археологического съезда в Москве 1890. П., М., 1895, с.173–174.

[104] Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, с.168; Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений, с.438; Мохов Н.А. Молдавия в эпоху феодализма, с.84.

[105] Iorga N. Romani si slavi. Bucuresti, 1928.

[106] Iorga N. Bessarabia nostra. Bucuresti, 1912.

Надо сказать, что воздействие политики на историческую мысль Румынии с самого зарождения румынской исторической науки было чрезвычайно сильно. Это связано и с многовековым политическим господством венгров в Трансильвании — исторической прародине румын (Трансильванское княжество и после падения королевства Венгрии во время турецкого господства XVI–XVII вв. оставалось государством, где господствовал мадьярский элемент, хотя восточные романцы и составляли большинство населения), и с вхождением Бессарабии в состав России после 1812 г.

Национально-патриотическое направление в румынской исторической науке было призвано обосновать естественные права румын на территории по тем или иным причинам Румынией утраченные, а после 1918 г., когда Трансильвания, Банат и Бессарабия были заняты румынами, законность владения этими землями. Отсюда и «навязчивая национальная идея»,[107] проходящая красной нитью через всю историю румынской исторической науки XIX–XX вв. Исключение — период с конца 40-х до середины 60-х гг., когда это направление в социалистической Румынии считалось буржуазно-националистическим, но со времени наступления «эры Чаушеску» (1965–1989 гг.) «эта традиция, как Феникс из пепла, возродилась — в причудливом симбиозе с официальным марксизмом-ленинизмом».[108]

Румынский историк А.Ф. Платон объяснял неизбежность приоритета в румынской исторической науке национально-патриотического направления именно из необходимости обоснования естественных прав румын: «Наше тяготение ко всему тому из прошлого, что может убедительно подкрепить наши естественные права, представляет собой императив, гораздо более сильный, чем у других, и потому способный затмить все остальное, вытеснив из сферы научных интересов то, что кажется несущественным, поскольку не подчинено прямо и с непосредственным эффектом указанной цели».[109]

«Естественные права» здесь — права на территории, законная принадлежность которых служит предметом явной или скрытой полемики румынских историков с коллегами из соседних стран».[110]

---

[107] Platon A.F. Pentru a istorie mentalitatilor in spatiu romanese. — Analele stiintifice ale Universitatii «Al. I. Cusa» din jasi (serie noua). Sectiunea III a. Istorie. 1986. T.XXII, p.84.

[108] Мадиевский С.А. Румынское общество, с.9.

[109] Platon A.F. Op. Cit., p.85.

[110] Мадиевский С.А. Румынское общество, с.6.

После падения режима Чаушеску в конце 1989 г. в посткоммунистической Румынии национально-патриотическое направление стало безусловно господствующим, избавившись от марксистско-ленинских наслоений. Очевидно, это отвечает состоянию общественного и тем более профессионального сознания в современной Румынии. Потому-то иное направление в румынской исторической науке, которое условно можно назвать «социально-критическим»[111] или же «объективистским», представители которого ориентируются на историческую истину, а не на непосредственные государственные интересы, по общественному значению, по влиянию на идейно-психологический климат в историографии явственно уступает традиционной национально-патриотической идеологии.[112]

В силу таких обстоятельств неизбежным является сохранение в современной румынской исторической науке господства теории крайнего автохтонизма, согласно которой этногенез румын тысячелетиями шел в одних и тех же территориальных пределах. Сначала это гето-даки на землях от Тиссы до Днестра, затем там же романизованное население, затем в конце VI–начале VII вв. на территории от Северных Балкан до Бескидов (Западных Карпат) и от Паннонии (Среднедунайская низменность) до Днестра, иногда утверждается, что вплоть до Южного Буга конституировалось этнически, духовно и лингвистически ядро румынского народа.

Влияние теории крайнего автохтонизма на труды современных румынских историков невозможно переоценить, что и создает значительные трудности при работе с румынской историографией по раннесредневековой истории Днестровско-Карпатских земель.

В то же время в 50–60-е гг. работы румынских авторов о славянской проблематике в истории Карпато-Балканских земель носили вполне объективный характер. Стоит выделить работу И. Барни, посвященную международным отношениям в Нижнем Подунавье в X–XII вв., где исследовались взаимоотношения Руси, Византии и кочевнического мира.[113] Как уже отмечалось, активно в те годы велись археологические исследования славянских памятников на территории Румынии VI–XIII вв. Материалы эти регулярно публиковались.[114] Однако уже в 1970 г. эти же материалы оценива-

---

[111] Мадиевский С.А. Румынское общество, с.9.

[112] Там же.

[113] Barnea I. Byzance, Kiev et I Orient sur le Bas-Danube du X-au XII. — Nouveller etudes d'histoire. Bucarest, 1955.

[114] Studii si cercetare stiintifice istorie. Anul VII, t.2, jasi, 1956; Analele stiintifice ale universitatii «Al. I. Cusa» din jasi. Serie nuova, sectiunea III, t.II, 1956.

лись далеко не так, как в 50-е гг., и речь уже шла о быстрой ассимиляции мигрантов-славян местным романским населением в IX в.[115]

Из числа румынских ученых, занимавшихся в последние десятилетия политической и этнической историей Днестровско-Карпатского региона, необходимости отметить Дана Теодора, много лет занимавшегося изучением культуры Дриду на территории Восточного Прикарпатья. Его монография, посвященная Восточному Прикарпатью в VI–IX вв., основана в первую очередь на археологических данных, большое количество которых впервые вводились в научный оборот.[116]

Вопросы социально-экономической истории региона в XI–XIV вв., процесс формирования Молдавского феодального государства были в центре внимания исследований К. Чиходару.[117]

Большой вклад в изучение истории пребывания тюркских кочевников — печенегов и половцев — на Нижнем Дунае, в Карпато-Дунайских и Днестровско-Карпатских землях внесли работы румынского историка и археолога Петре Дьякону.[118] П. Дьякону рассматривал активность печенегов и половцев на Нижнем Дунае и на Балканах в тесной связи с событиями в южнорусских степях, где номадам противостояла Древняя Русь.

Крупнейшим современным румынским исследователем проблем истории Днестровско-Карпатских земель в XI–XIV вв. является ясский ученый Виктор Спиней. Его перу принадлежит большое число научных трудов, охватывающих все стороны жизни региона в первые века II тысячелетия, проблемы как этнической, так и политической истории территории будущего Молдавского княжества.[119]

В то же время нельзя не отметить заметное влияние на взгляды Спинея национально-патриотической теории крайнего автохто-

---

[115] Комша М. Проникновение славян на территорию Румынской Народно-Демократической республики и их связи с автохтонным населением. — Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т.5. М., 1970, с.20.

[116] Teodor D. Territoriol est-carpatic in veacurile V–IV. Jast, 1978. Мадиевский С.А. Румынское общество от буржуазных преобразований 60 гг. XIX в. до 1918 г. Кишинев, 1996, с.8.

[117] Cihodaru C. Observatii…

[118] Diaconu P. Les Petchenegues au Bas-Danube. Bucarest, 1970; Les Coumans au Bas-Danube aux-et XII siecles. Bucuresti, 1978.

[119] Spinei V. Cotributii…; Moldova in…; Nomadi si Turanici. Iast, 1985; Restructurari etnice la nordul gurilor Dunarii in secolele XIII–XIV. Carpica. 1993. T.XXIV; Ultimele valui migritoare de la nordul Marii Negre si al Dunarii de jos. Iasi, 1996.

низма, характерное для современной румынской историографии вообще.[120]

Проблемы раннесредневековой истории земель Днестровско-Карпатского региона находили отражение также в исторической науке Венгрии и Болгарии. Материалы по истории Молдавии X–XII вв. специально публиковались в Будапеште в 1936 г.[121]

Передвижения венгров и кочевых тюркских орд в IX–X вв. по территории Днестровско-Карпатских земель исследовал Д. Дьерффи.[122] Кочевнические древности на территории Молдавии отражены в работе Иштвана Фодора, посвященной истории глиняных котлов.[123]

В исторической науке Болгарии кочевническая тема — печенеги, половцы — была предметом исследований крупнейших болгарских историков — В.Н. Златарского, П. Мутафчиева, К. Иречека.[124] Специально роль печенегов и половцев в болгарской истории исследовал профессор Стоян Младенов.[125]

Славяно-болгарским населением Подунавья, связанным тесно с южной частью Днестровско-Карпатского региона, занималась Ж. Вежарова.[126] Ее работы построены в первую очередь на археологических материалах — раскопках селищ, некрополей.

Проблему границ Руси и Болгарии в Днестровско-Карпатском регионе исследовал болгарский ученый Е. Михайлов.[127]

Большой вклад в изучение истории Нижнего Подунавья внесла В. Тыпкова-Заимова.[128]

---

[120] Князький И.О. Славяне, волохи и кочевники Днестровско-Карпатских земель (конец IX–середина XIII вв.). Коломна, 1997, с.35.

[121] Kavaselve es Moldova nepei a X–XII szazadban-Etnografia Nepilet. Budapest, 1936.

[122] Дьерффи Д. Время составления Анонимом «Деяний венгров» и степень достоверности этого сочинения. — Летописи и хроники. М., 1974.

[123] Fodor I. Der ursprung der Ungarn gefunden tonkessel. — Acta archeologica Academiae Scientiarum Hungariae 29 (3–4). Budapest, 1977.

[124] Златарски В.Н. История на Бъгарската държава чрез средните векове. София, 1970–1972. Т.I–III; Мутафчиев П. Избрани произведения. София, 1973. Т.1,2; Иречек К. История на българите. София, 1978.

[125] Младенов Ст. Печенези и узи-кумани въ българската история. — Болгарская историческая библиотека, IV, I, 1931.

[126] Вьжарова Ж. Славянски и славянобългарски селища в българските земли от края на VI–IX век. София, 1965; ее же: Славяне и прабългари по дании на некрополите от VI до IX в. на территория на България. София, 1976.

[127] Михайлов Е. За русско-българската граница до края на X в. — Годишник на Софийския университет. Философско-исторический факультет, 1973. Т.65, кн.3.

[128] Тъпкова-Заимова В. Долни Дунаев — гранична зона на византийская запад. София, 1976; ее же: Les popularion sedentaires et les tribal en migration face a la civilisation byzantine (Territoires bulgares et contexte balkanique). — Revue bulgare d' histoire, 1980, пар.2.

Оценивая имеющуюся историографию по истории Днестровско-Карпатских земель в IX–XIV вв. в целом, можно отметить, что хотя специальных работ, посвященных этой тематике, немного, но вкупе труды отечественных, румынских, болгарских и венгерских авторов позволяют составить довольно подробную картину политических, этнических и социально-экономических проблем жизни региона в конце I–начале II тысячелетия.

Перечисленные работы, разумеется, не исчерпывают всех исследований, затрагивающих в той или иной степени проблемы этнической, политической и социально-экономической истории Днестровско-Карпатских земель с IX до сер. XIII в. Остальные работы рассматриваются по ходу исследования в разделах монографии, затрагивающих их тематику.

Глава 1. РУСЬ, БОЛГАРИЯ И ВИЗАНТИЯ В ДНЕСТРОВСКО-ДУНАЙСКИХ ЗЕМЛЯХ

Днестровско-Дунайские земли в течение I и в начале II тысячелетия были неоднородны в политическом отношении. Также неоднородна была и их этническая структура. Южная степная часть региона на протяжении VII–X вв. была тесно связана с Первым Болгарским царством.

Впервые предки болгар — так называемые «протоболгары» — могли оказаться в землях Днестровско-Дунайского региона еще в 375 г. во время нашествия гуннов, достигнувшего тогда Северо-Западного Причерноморья. О пребывании гуннов на территории Днестровско-Карпатских земель свидетельствует находка археологом А.А. Нудельманом гуннского бронзового котла, обнаруженного у с. Шестачи Резинского района Молдавии на севере республики.[129] К гуннскому же времени относятся богатое погребение кочевнического вождя рубежа IV–V вв., открытое у с. Концешты на р. Прут в северной части Запрутской Молдовы, а также золотая диадема, найденная у с. Бухеени на северо-востоке Запрутской Молдовы.[130]

Письменные свидетельства о протоболгарах крайне скудны. Очевидно, что принадлежали они к тюркскому этническому массиву.[131] Первые сведения о них относятся к IV в., когда они жили еще на Северном Кавказе, перекочевав в тамошние степи из глубин Центральной Азии.[132] Затем они обосновались в Приазовье, где ассимилировали остатки местных иранских (сармато-аланских) племен.[133]

Во второй половине IV в. протоболгары вошли в состав многоплеменной гуннской орды и вместе с ними двинулись на запад. Вместе с гуннами протоболгары участвовали в битвах с готами и затем обосновались в Паннонии, пройдя через Днестровско-Дунайские земли. Должно быть, в гуннском племенном союзе они играли немаловажную роль, особенно во времена знаменитого Аттилы. Не случайно ведь его имя веками сохранялось в болгарском эпосе, а в

---

[129] История МССР. Т.I. Кишинев, 1965, с.56.
[130] Федоров Г.Б. Полевой Л.Л. Археология Румынии, с.277–278.
[131] Бешевлиев В. Първобългарите. Быт и культура. София, 1981, с.11–20.
[132] Раннефеодальные государства на Балканах. VI–XII вв. М., 1985, с.135.
[133] Там же.

«Именнике болгарских ханов» Аттила под именем Авитохола даже выступает в роли их первого вождя из рода Дуло.[134]

После распада в 453 г. державы Аттилы протоболгары отошли к Нижнему Дунаю, заняв таким образом южную часть Днестровско-Карпатского региона. В 513–515 гг. именно оттуда они оказывали помощь имперскому полководцу Виталиану, восставшему в Добрудже с целью овладения престолом.[135]

В конце 50-х–начале 60-х гг. VI в. нижнедунайские протоболгары были подчинены тюркским племенем аваров. В 60-е гг. западная часть протоболгар вошла в Аварский каганат и обосновалась вместе с аварами в Среднем Подунавье — в Паннонии.[136]

В то же время восточная ветвь протоболгар оставалась в Приазовье, где она попала сначала под власть Тюркского, а после его распада в начале 80-х гг. VI в. — Западнотюркского каганата.[137] В его составе протоболгары занимали приазовские степи и Таманский полуостров.[138] В 632 г. они добились независимости и в результате, там образовалось протоболгарское военно-политическое объединение во главе с ханом Кубратом, известное у византийцев под именем «Великая Болгария».[139] Кубрат, подобно Аттиле, происходил из знатнейшего тюркского рода Дуло.[140] Род этот в Тюркском каганате оспаривал власть с правящим родом Ашина.[141]

Кубрат умер в середине 40-х гг. VII в. По его смерти Великая Болгария распалась на три части, которыми правили сыновья покойного хана. Утратившая единство приазовская Болгария не смогла выдержать натиска новой волны тюрок-хазар. Хазарский каганат сделал своим данником протоболгар, живших в Восточном Приазовье, где ханом был сын Кубрата Батбаян.[142] Другой сын Кубрата — хан Катраг увел свою кочевую орду из междуречья Дона и Северного Донца на Среднюю Волгу, где впоследствии образовалась Волжско-Камская Болгария. Третье племя протоболгар — кутри-

---

[134] Раннефеодальные государства на Балканах. VI–XII вв. М., 1985, с.135.

[135] Прокопий Кесарийский. История войн. — Гръцки извори за българската история. София, 1958. Т.II, с.151.

[136] Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982, с.53.

[137] Раннефеодальные государства на Балканах..., с.137.

[138] Плетнева С.А. Хазары. М., 1976, с.21.

[139] Раннефеодальные государства на Балканах..., с.137.

[140] Плетнева С.А. Хазары, с.21.

[141] Там же, с.21.

[142] Раннефеодальные государства на Балканах..., с.137.

гуры — во главе с ханом Аспарухом, долее других сопротивлявшиеся хазарам, было вынуждено откочевать на запад.[143]

Двигаясь по Северному Причерноморью от Подонья в западном направлении, протоболгары-кутригуры достигли Днестра. Здесь они приблизились непосредственно к византийским владениям. В 70-е гг., по мнению Г.Г. Литаврина, протоболгары во главе с Аспарухом обосновались в местности, именуемой Онгл.[144] Эта естественно защищенная местность находилась, скорее всего, в низовьях Сирета, Прута и в правобережье Нижнего Днестра.[145] Естественной южной границей Онгла был Дунай. Именно из Онгла Аспарух и начал наступление на юг, на Балканы, что и привело после победной для протоболгар войны с Византией в 680–681 гг. к образованию Первого Болгарского царства. Здесь же, очевидно, и происходили первые контакты тюрок-протоболгар с местным славянским населением Нижнего Подунавья, положившее начало формированию нового этноса — болгар. Но уже не тюркского, а южнославянского народа. Так что юг Днестровско-Карпатского региона можно смело назвать прародиной болгар как южных славян, а также той землей, где и зародилась их государственность, развивавшаяся затем в могучее Первое Болгарское царство, говорившее с Византией не только на равных, но порой и свысока. Так было во времена его расцвета в IX–нач. X вв.

Насколько сохранялось болгарское присутствие в южной части Днестровско-Карпатских земель в VIII–IX вв. — вопрос до настоящего времени неясный. Письменные источники сколь-либо точных сведений об этом не дают. Неопределенны сведения и археологических источников. Согласно данным археологических раскопок уверенно о присутствии болгар здесь вновь можно говорить лишь с конца IX столетия.

Что же касается тюрко-болгар, то историческими памятниками их пребывания в Днестровско-Карпатских землях, и конкретно в Среднем Попрутье, являются, скорее всего, топоним Сырма — название села в Леовском районе Молдавии и гидроним Сырма — название реки Сырма, левого притока р. Прут.[146] Эти названия восходят к тюрко-болгарскому топонимическому термину «сырма» — «овраг», «речка».[147] Термин этот примерно в том же значении со-

---

[143] Раннефеодальные государства на Балканах..., с.137.

[144] Там же, с.142.

[145] Там же, с.141.

[146] Дрон И.В. К вопросу о периодизации тюркско-молдавских взаимосвязей, с.201.

[147] Донидзе Г.И. Гидронимические термины в тюркских языках. — Ономастика. М., 1969, с.166.

хранился и в чувашском языке.[148] Термин «сырма» Г.Е. Корниловым квалифицируется как булгарско-чувашский, исходя из того, что ареал распространения гидронимического форманта «сырма» совпадает с территорией бывшей Волжской Булгарии эпохи X–XIII вв.[149]

Топонимы «сырма», возможно, действительно восходят к тюркоболгарам, господствовавшим в южной части Днестровско-Карпатских земель в VII–VIII в. В IX веке на их месте уже были болгары-славяне, подданные Первого Болгарского царства. Становление политического господства Болгарии в южной части Днестровско-Карпатских земель произошло после 896 г. и привело к усиленной колонизации этого края выходцами из Северо-Восточной Болгарии и Добруджии.[150] Результатом этого явилось распространение на этой территории так называемой Балкано-Дунайской культуры, которая представляла собой провинциальное ответвление культуры Первого Болгарского царства.[151] По мнению ряда специалистов, Балкано-Дунайская культура, так же как и культура Первого Болгарского царства, чьей составной частью она являлась, сложилась в основном из двух элементов: протоболгарского (салтовского) и южнославянского.[152] Здесь следует оговорить, что протоболгары — салтовцы — это тюркское население. Не следует его в это время отождествлять с болгарами к югу от Дуная, где на основе этнических контактов славян с тюрками-протоболгарами уже сложилась новая южнославянская болгарская народность и тюркские элементы были практически ассимилированы славянами. Имеется также точка зрения, которой придерживаются в основном румынские ученые, что данная культура (румынские историки именуют Балкано-Дунайскую культуру культурой Дриду) является прарумынской и господствующим элементом в ней является восточнороманский.[153]

---

[148] Там же, с.166.

[149] Корнилов Г.Е. Об одном гидронимическом ареале Среднего Поволжья. — Исследования гидронимики. Киев, 1971, с.158–166.

[150] Чеботаренко Г.Ф. Калфа — городище VIII–X вв. на Днестре. Кишинев, 1973, с.5.

[151] Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981, с.76–77.

[152] Станчев С. Славяни и прабългари в старо-българската културa. — Археология, 1962, IV, София; Плетнева С.А. От кочевий к городам, М., 1967, с.188–189; Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. Археология Румынии, с.319; Чеботаренко Г.Ф. Калфа… С.II; Степи Евразии в эпоху средневековья, с.75–77; Comsa M. Unele concluzii istorice pe basa ceramicii din secolele VI–XII. — Studii si cercerare de istorie veche, VIII, 1957, I-U, p.267–294.

[153] Zaharia E. Sapaturile de la Dridu. Bucuresti, 1967, p.1358; Toropu O. Romanitatea tirzie si straromanii in Dacia Traiana sud carpatica (secolele III–XI). Craiova, 1976, p.191–200; Spinei V. Contributii…, p.114–123.

В Днестровско-Карпатских землях, по мнению румынских историков, восточно-романская культура Дриду господствовала в VIII–XI вв. на всей территории Запрутской Молдовы и большей части Прутo-Днестровского междуречья за исключением полосы земель между Реутом и Днестром.[154] Румынский археолог В. Спиней насчитывает 242 населения культуры Дриду в Днестровско-Карпатских землях, из них около 70 в Пруто-Днестровском междуречье.[155]

Следует указать однако, что мнение о восточно-романском характере Балкано-Дунайской культуры VIII–XI вв. в настоящее время не выдерживает критики. Прежде всего необходимо отметить, что к 242-м поселениям культуры Дриду произвольно относят большое число восточнославянских поселений в Пруто-Днестровском междуречье. Такие поселения, как Лукашевка, Устье, Старые Малаешты, Хуча, Костешты и ряд других, которые В. Спиней помечает на карте как восточно-романские XI в.,[156] исследованы советскими археологами и совершенно определенно являются древнерусскими.[157] Утверждение о некоем «феномене симбиоза» с последующим «феноменом ассимиляции» восточнославянской культуры Хлинча III и II на территории Запрутской Молдовы восточно-романской культурой Дриду[158] практически не аргументировано и данными археологических исследований не подтверждаются. Восточнославянские памятники культуры Хлинча I, II, VIII–XI вв. по всем категориям изделий связаны с восточнославянскими памятниками на территории Молдовы и Украины и составляет с ними единый этнокультурный комплекс.[159] Свидетельством этого является распространение на поселениях культуры Хлинча в центральной части территории Запрутской Молдовы в VIII–XI вв. типично древнерусской как лепной, так и гончарной с волнистым и линейным орнаментом керамики. Тип жилищ-селищ — полуземлянки — также идентичен жилищам сельских поселений древнерусского населения Поднестровья.

Важнейшим аргументом в пользу восточнославянского характера поселений центральной части Запрутской Молдовы VIII–XI вв. является их земледельческий характер. Эти поселения никак не

---

[154] Spinei V. Contributii…, p.116.

[155] Ibidem, p.116–118.

[156] Ibidem, p.118.

[157] Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф. Памятники древних славян (VI–XIII). Кишинев, 1974, с.73.

[158] Spinei V. Contributii, p.120–121.

[159] Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. Археология Румынии, с.302.

могли принадлежать восточно-романскому населению — волохам, поскольку волохи, как единодушно отмечают письменные источники, вели подвижный образ жизни, занимаясь преимущественно пастушеским скотоводством.[160] Отгонные скотоводы обычно не имеют своей материальной культуры, зафиксированной археологически.[161]

Поселения культуры Хлинча носят оседлый характер с выраженными восточнославянскими чертами.

Археологические исследования на территории Запрутской Молдовы, проведенные румынскими археологами в 50-е гг., показали, что основным местным населением этой территории в VIII–X вв. было восточнославянское.[162] М. Петреску-Дымбовицей был сделан вывод, что восточнославянское население проживало в Пруто-Карпатском регионе со времени разложения патриархальной общины, с VIII в.[163]

По мнению румынского археолога, «остатки материальной культуры, открытые недавно в Молдове (Запрутской — И.К.), имеют большое историческое значение, так как они археологически подтверждают присутствие в Молдове восточнославянских племен.

В свою очередь, археологическое установление присутствия восточных славян в Молдове (Запрутской) в VIII–X вв., а может быть, еще и раньше, подтверждается и филологией, а именно «обилием топонимических терминов и восточнославянских слов в молдавской лексике».[164]

Результаты исследований другого румынского археолога М. Комши показали, что славянские поселения VI–X вв. на территории Румынии обнаружены не только в Западной Молдавии (между Прутом и Восточными Карпатами — И.К.), но и в Бухаресте и его окрестностях.[165]

---

[160] Бырня П.П., Рафалович И.А. Проблемы этнической истории Днестровско-Карпатских земель в конце I–начале II тыс. н.э. — Славяно-молдавские связи и ранние этапы этнической истории молдаван. Кишинев, 1983, с.93.

[161] Семенов С.А. Происхождение земледелия. Л., 1974, с.296–297.

[162] M. Zaharia, M. Petrescu-Dimbovita si E. Zaharia. Cercetari archeologice in orasul Jasi si imprejurimi. — Studii si cercetari stiintifice istorie, anul XIII, t.2. Jasi, 1956, p.52.

[163] Ibidem.

[164] Contributii archeologice la problema incepeturilor feuda-lismului in Moldova. — Anale stiintifice ale univarsitatii «Al. J. Cusa» din jasi /serie nuova/, sectiunea ill, t.1, 1956, f.1–2, p.15.

[165] Комша М. Некоторые исторические выводы в связи с несколькими историческими памятниками VI–XII вв. на территории РНР. — Даста, I. Bucuresti, 1957, с.310.

Еще один румынский археолог К. Хоредт, исследовавший славянские древности в Трансильвании, отмечал, что славяне пришли туда с востока, т.е. как раз с территории Запрутской Молдовы, из западной части Днестровско-Карпатского региона.[166]

Анализ топонимических данных подтверждает материалы археологических раскопок о проживании в VIII–X вв. в Запрутской Молдове восточных славян, поскольку топонимика края содержит обилие восточнославянских терминов.[167]

Данные палеоантропологии Пруто-Днестровского междуречья времен Балкано-Дунайской культуры подтверждают мнение о протоболгаро(салтовско-)-славянском характере этой культуры.[168]

Мужские черепа из могильников центральной части Пруто-Днестровского междуречья времен Балкано-Дунайской культуры, исследованные антропологом М.С. Великановой, имеют заметную горизонтальную уплощенность. В них преобладает брахикранный компонент, отмечаются монголоидные особенности. Они очень близки к салтово-маяцкому этническому типу — протоболгарско-аланской культуре населения степной части Восточной Европы VIII–X вв. Причем такие мужские черепа ближе именно к болгарской, точнее протоболгарской, тюркской группе этого населения.[169] В силу этого они никак не могут быть отнесены к восточно-романским. Те, кому эти черепа принадлежали при жизни, были тюрками, но никак не румынами (волохами). Женские черепа тоже обнаруживают совершенно определенные антропологические особенности в величине носового указателя. В них преобладает долихокранный компонент в отличие от мужских, где явно заметнее брахикранный компонент.[170] Женские черепа, принадлежавшие представительницам населения Балкано-Дунайской культуры в Пруто-Днестровском междуречье, имеют краниологический тип определенно славянский.[171] М.С. Великанова специально сопоставляла эти антропологические материалы с соответствующими сериями из восточно-романских могильников на территории Румынии и Болгарии. Научный анализ обеих серий исключил родственную связь

---

[166] Horedt K. Ceramica slava din Transilvania. — Studii si cercetari de istorie Veche, L, anul II, julie — Decembrie, 1951. Bucuresti, p.216–217.

[167] Contributii archeologice la problema…, p.15.

[168] Великанова М.С. Палеоантропология Пруто-Днестровского междуречья. М., 1975, с.130, 158.

[169] Великанова М.С. Палеоантропология Пруто-Днестровского междуречья, с.115.

[170] Там же, с.117.

[171] Там же, с.117–120, табл.77, 78.

населения Пруто-Днестровского междуречья в IX–X вв. с восточными романцами Балкано-Карпатского региона.[172]

Данные топонимики также противоречат мнению о восточно-романском характере Балкано-Дунайской культуры. Славянские топонимы на территории Румынии предшествуют романским, и что особенно важно, топонимы, происхождение которых восходит к эпохе Балкано-Дунайской культуры на территории Олтении, Мунтении и Южной Молдавии, имеют четко выраженную славяно-болгарскую основу.[173] Этот факт уже отмечали отечественные исследователи.[174]

Благодаря исследованиям отечественных археологов в настоящее время четко выделены главные черты, характеризующие Балкано-Дунайскую культуру:[175]

1. Открытые большие поселения на берегах рек.
2. Жилища-полуземлянки с тарелкообразными очагами в центре пола.
3. Кухонные яйцевидные горшки с пухлым венчиком и линейным орнаментом на стенках, проведенным многозубым острым штампом.
4. Небольшое количество лощеной серой посуды (столовой).
5. Захоронения в ямах головой на запад без вещей.
6. Захоронения в круглых ямах (как в Саркеле, одном из центров Салтовской культуры VIII–X вв.).
7. Специальное (ритуальное) разрушение скелетов.
8. Тризны и кенотафы в круглых ямах (захоронения останков животных).
9. Антропологическое сходство покойников с эливкинцами — протоболгарами.

Особое значение имеют данные палеоантропологических исследований, проведенных М.С. Великановой, поскольку именно они позволяют с наибольшей точностью определить этнический состав носителей Балкано-Дунайской культуры в Пруто-Днестровском междуречье. Основная их масса относится к протоболгарскому, «эливкинскому» варианту населения Салтовской культуры.[176] Вос-

---

[172] Великанова М.С. Палеоантропология Пруто-Днестровского междуречья, сс.117–128; 130–192; 136–137; табл.77–82.

[173] Петрович Е. Славяно-болгарская топонимика на территории Румынской Народной Республики; Географическое распределение славянских топонимов на территории Румынии. — Romanaslavica, IX. Bucuresti, 1963, p.15.

[174] Чеботаренко Г.Ф. Калфа…, с.9.

[175] Рикман Э.А. Рафалович И.А. Хынку И.Г. Очерки истории культуры Молдавии. Кишинев, 1971, с.176.

[176] Великанова М.С. Палеоантропология…, с.130.

точные же романцы на этих землях палеоантропологически отмечаются лишь с XIV в.[177]

Все перечисленные девять признаков находят прямые аналогии в болгарских памятниках Подонья и Подунавья. Именно эти особенности и позволяют считать Балкано-Дунайскую культуру одним из вариантов Салтово-Маяцкой в широком смысле этого слова, т.е. одним из болгарских локальных вариантов культуры, памятники которой известны в восточноевропейских степях от Волги до Дуная,[178] от Кавказских предгорий до камских лесов.

Если говорить об отличительных особенностях Балкано-Дунайского варианта Салтово-Маяцкой культуры, то наиболее существенным, о котором пока можно говорить, является датировка памятников. Даже самые ранние из них относятся к последнему периоду существования Салтово-Маяцкой культуры — к концу IX–X вв. Из этого проистекает очень сильная христианизация погребального обряда — отсутствие вещей в могилах, погребение со скрещенными руками и пр. Кроме того, бросается в глаза малое количество обломков тарной керамики, характерной для Салтово-Маяцкой культуры: совершенно очевидно, что связь с Крымом не поддерживалась, а для Византии это были весьма далекие и глухие провинции. Провинции, тем более, дунайскими болгарами захваченные. Наконец, весьма существенным отличием Балкано-Дунайской культуры от основного типа Салтово-Маяцкой является перемешанность этой культуры с культурами других этносов, в частности — славян. Следует признать, что очень быстро эта культура приобрела общий для всего Подунавья южнославянский облик.[179]

Это обстоятельство, так же как и быстрая христианизация населения Балкано-Дунайской культуры, может быть объяснимо только одним: эти территории оказались под властью Болгарского царства, с 865 г. ставшего христианским государством.

Балкано-Дунайская культура, как и Салтово-Маяцкая, не может быть названа кочевнической. Это типичная земледельческо-скотоводческая культура, образовавшаяся в результате оседания кочевников, в данном случае протоболгар, на землю и слияние их с земледельческими оседлыми народами, представителями каковых в Днестровско-Карпатском регионе и в Нижнем Подунавье были славяне.

---

[177] Великанова М.С. Палеоантропология…, с.143.
[178] Степи Евразии в эпоху средневековья, с.76.
[179] Там же, с.76.

Археологические следы кочевания заметны только в планировке жилищ (очаг в центре), в форме самого очага и в сравнительно большом числе находок, связанных с всадничеством (удил, стремян, сбруйных пряжек и пр.). Характерно также, что, несмотря на оседание, состав стада и, главное, породы скота оставались кочевническими (овцы, козы, мелкорослый рогатый скот, степные лошади). Несомненно, что Балкано-Дунайская культура в Молдавии представляла собой провинциальное отделение культуры Первого Болгарского царства, которое было постоянно связано со своим близким культурно и этнически восточным соседом — Хазарским каганатом. Эти крепкие связи и объясняют приводившие в недоумение несколько поколений археологов сходство протоболгарской культуры с Салтово-Маяцкой.[180]

Столь же выразительной, как связь Салтово-Маяцкой культуры с культурой Первого Болгарского царства, была ее близость к культуре Волжской Болгарии на первой стадии ее существования в Волго-Камье до исламизации.

Итак, выявленные советскими археологами основные признаки Балкано-Дунайской культуры на территории Молдавии имеют прямые аналогии как в памятниках Салтовской культуры Подонья, так и в памятниках Первого Болгарского царства в Подунавье.[181] Это является свидетельством генетических связей протоболгарской дунайской культуры с Салтовской. Сохранению этих связей способствовало, как отмечает С.А. Плетнева, то, что Первое Болгарское царство было постоянно связано с близким ему культурно и этнически Хазарским Каганатом.[182]

Всего в южной части Пруто-Днестровского междуречья известно 89 поселений культуры Первого Болгарского царства. Они разделяются на две группы по территориальному принципу: Нижнеднестровская (известны 27 памятников) и Нижнедунайская (62 поселения).[183] Памятники обеих групп, в свою очередь, разделяются на два хронологических этапа: ранний — VIII–IX вв., и более поздний — X в.

К раннему этапу (VIII–IX вв.) относятся поселения, для которых характерна лепная посуда или посуда, которая формирована с применением медленно вращавшегося гончарного круга, украшена линейным и волнистым орнаментом, нанесенным гребенкой или

---

[180] Степи Евразии в эпоху средневековья, с.77.

[181] Там же, с.76.

[182] Там же, с.77.

[183] Чеботаренко Г.Ф. Материальная культура…, с.18.

защипами пальцев по краю венчика. Эта керамика типична для поселений общеславянского периода археологической культуры типа Луки Райковецкой.[184] В Пруто-Днестровском междуречье подобная керамика известна на таких памятниках VIII–IX вв., как Бранешты, Одая, Лопайна.[185]

Ко второму, более позднему периоду относятся поселения X в. На этих поселениях обнаружена керамика с примесью песка или измельченного известняка, изготовленная на гончарном круге. Она украшена линейным и волнистым орнаментом, нанесенным гребенкой. На доньях сосудов часто имеются клейма. Подобного же типа керамика распространена и на территории Запрутской Молдовы, южной ее части в Румынии[186] и на территории Болгарии.[187]

На отдельных нижнеднестровских памятниках найдена керамика обоих хронологических этапов. Это объясняется тем, что они были обитаемы в оба хронологических этапа — и в период общеславянский VIII–IX вв., и в период господства здесь Первого Болгарского Царства в X в.

На большинстве нижнедунайской группы памятников культурный слой более однороден, значит, сложилась она непосредственно в X в. в период господства здесь Болгарии. Поселения X в. расположены, как правило, вблизи воды, на пологих склонах мелких рек и речушек. Многие памятники в районе придунайских озер расположены на первой приозерной террасе, окружены удобными для ведения сельского хозяйства землями. Кроме того, их топография (расположение на берегу озера) указывает на немалое значение рыболовства в хозяйстве.

Следует еще отметить, что на памятниках Балкано-Дунайской культуры в центральной части Пруто-Днестровского междуречья наряду с южнославянской, описанной выше керамикой встречается и круговая керамика, типично восточнославянская.[188] Очевидно, именно здесь, на уровне поселений Петруха, Лукашевка, и было русско-болгарское порубежье в X в., когда Первое Болгарское царство владело землями к северу от Дуная в Днестровско-Карпатском регионе.

---

[184] Гончаров К. Лука Райковецкая. Материалы и исследования по археологии. М., 1963, с.283–315.

[185] Чеботаренко Г.Ф. Материалы к археологической карте Пруто-Днестровского междуречья. — Далекое прошлое Молдавии. Кишинев, 1969, с.212.

[186] Zaharia E. Sapaturile de la Dridu. Bucuresti, 1957, с.21.

[187] Въжарова Ж. Славянски и славяноболгарски селища VI–XI вв. София, 1965, с.41.

[188] Чеботаренко Г.Ф. Материалы к археологической карте…, с.213.

Самым северным пунктом Балкано-Дунайской культуры, принадлежавшей Первому Болгарскому царству в Поднестровье, является укрепленное городище, открытое археологами у современного села Калфа, у впадения реки Бык в Днестр. Поселение было укреплено довольно мощными оборонительными валами и рвами.[189] Укрепленный характер поселения позволяет предположить, что оно могло быть северным форпостом Болгарии в этом регионе. Возможно, здесь и проходила граница владений Первого Болгарского царства. Развитие городища прекратилось внезапно. Об этом говорят следы пожара как в жилищах, так и на трассе оборонительных сооружений.[190] Вероятно, это связано с событиями конца 60-х гг. X столетия — с походами Святослава на Болгарию. «Повесть временных лет» сообщает, что в 968 г. «Иде Святослав на Дунай на Българы. И бивъшемься обоим, одоле Святослав българом, и възя город 80 по Дунаеви, и седе къняжа ту в Переяславьци, емля дань на Грецех».[191]

Видимо, разрушенное укрепление было одним из 80 городов, взятых Святославом у болгар в Нижнем Подунавье.[192]

В южной части территории Запрутской Молдовы памятники Балкано-Дунайской культуры Первого Болгарского царства (культуры Дриду, как ее называют румынские археологи) составляют большую группу сельских поселений, расположенных большею частью (около 70 поселений) в междуречье реки Бырлад и нижнего течения Прута. Часть поселений (десять) расположена на западном берегу Бырлада. Небольшая группа из четырех поселений в низовьях Прута примыкает с запада к нижнедунайским поселениям Балкано-Дунайской культуры Пруто-Днестровского междуречья. Некоторые поселения культуры Дриду открыты на землях к западу от Сирета. Они расположены в долинах рек Тротуш (четыре) и Путна (два), на западном берегу Сирета (одно).[193]

Самые северные поселения Балкано-Дунайской культуры на территории Запрутской Молдовы — Беряса, Дэнешть, Долгешть — находятся примерно на одной параллели с Калфой.[194] Можно полагать, что именно здесь проходили северные рубежи зоны политического и культурного влияния Первого Болгарского царства в Днестровско-Карпатских землях.

---

[189] Чеботаренко Г.Ф. Материальная культура…, с.5–6.
[190] Там же, с.23.
[191] Повесть временных лет. М.–Л., 1950, ч.I, с.48.
[192] Чеботаренко Г.Ф. Материальная культура…, с.23.
[193] Spinei V. Contributii…, p.116–117.
[194] Там же, с.117.

Проведенные на памятниках перечисленных групп поселений в Запрутской Молдове археологические исследования выявили многочисленный материал, позволяющий судить о характере этих поселений, о занятиях их населения. Поселения носили сельский, земледельческий характер. Об этом свидетельствуют многочисленные находки лемехов, мотыг, лопаток для очищения земли с плуга, ручных мельниц.[195] Жилищами их обитателей были полуземлянки с тарелкообразными очагами в центре пола. Многочисленная керамика представлена в основном горшками с пухлым венчиком и линейным орнаментом на стенках, частично лощеной серой посудой.

Тип жилищ, виды керамики в целом идентичны аналогичным материалам с поселений Балкано-Дунайской культуры на территории Пруто-Днестровского междуречья. Это позволяет сделать вывод, что Бырладо-Прутская группа поселений вместе с Нижнедунайской и Нижнеднестровской составляют единый комплекс культуры Первого Болгарского царства в Днестровско-Карпатских землях.

Ярко выраженный земледельческий характер поселений Балкано-Дунайской культуры в Днестровско-Карпатских землях, как в Пруто-Днестровском междуречье, так и в южной части Запрутской Молдовы, подтверждают многочисленные находки орудий землепашества при археологических раскопках (плуги, лемехи, мотыги), что не позволяет согласиться с мнением румынских археологов о восточно-романском характере этой культуры. Такие поселения не могли принадлежать волохам, основным занятием которых в этот период (IX–X вв.) было отгонное пастушечье скотоводство.[196] Материальная же культура этих поселений носит южнославянский характер.[197]

О вхождении южной части Днестровско-Карпатских земель в состав Первого Болгарского царства свидетельствуют и данные нумизматики. Характерны находки византийских монет X в. именно на территории Нижнего Подунавья и в Бырладо-Прутском междуречье, где были основные ареалы поселений Балкано-Дунайской культуры.[198]

Известно, что до начала XIII в. Болгария не имела собственной монеты и пользовалась в торговых сделках византийскими деньгами.[199] Монеты византийской чеканки распространяются в Первом

---

[195] Ibidem, p.118.

[196] Бырня П.П., Рафалович И.А. Проблема этнической истории…, с.93.

[197] Там же.

[198] Spinei V. Contributii… Нудельман А.А. Очерки истории монетного обращения в Днестровско-Прутском регионе. Кишинев, 1985, с.82.

[199] История южных и западных славян. М., 1969, с.16.

Болгарском царстве с X в.[200] Характерно, что именно в первой четверти X в. начинается новый этап наступления византийских монет в южную часть как Пруто-Днестровской, так и Пруто-Карпатской зоны Днестровско-Карпатских земель. (Первый этап был в VI–VII вв., с конца VII в. до начала X в. в Днестровско-Карпатских землях — безмонетный период.)[201]

В X в. в ареале поселений Балкано-Дунайской культуры были распространены монеты императора Льва VI (886–912 гг.), Константина VII Багрянородного (913–959 гг.), Никифора II (963–969 гг.), Иоанна I Цимисхия (969–976 гг.)[202]. Любопытно, что только монеты Иоанна I Цимисхия известны не по единичным находкам, а были обнаружены в кладе, зарытом близ современного поселка Арциз на реке Когилник на самом юге Пруто-Днестровского междуречья.[203]

Каков же был характер общественных отношений, уровень социально-экономического развития в южной части Днестровско-Карпатских земель с 896 по 968 гг., входившей в состав Первого Болгарского царства?

Здесь надо прежде всего учитывать те обстоятельства, что десятое столетие для Первого Болгарского царства ознаменовалось завершением строительства централизованной средневековой монархии, а также прочным становлением институтов феодального общества.[204] Несомненно, это должно было оказать соответствующее влияние и на северо-восточные окраинные владения Болгарии в Днестровско-Карпатском регионе.

В Болгарии в эту эпоху формируется три вида феодальной земельной собственности:

1. Владения царской фамилии, представлявшие собой поместья с зависимым населением и незанятые земли, служившие фондом пожалований царя.
2. Крупные имения светской знати.
3. Общинная собственность на неподеленные земли.[205]

Какие же виды феодальной земельной собственности могли быть на землях Первого Болгарского царства к северу от Дуная в Днестровско-Карпатских землях?

---

[200] История Болгарии. Т.I. М., 1954, с.78.
[201] Нудельман А.А. Ук.соч., с.77.
[202] Там же, с.79.
[203] Там же, с.78.
[204] Раннефеодальные государства на Балканах..., с.171.
[205] Там же, с.171–172.

Городище Калфа, которое, судя по всему, несло функцию пограничной крепости, скорее всего являло собой царскую собственность. В группе сельских поселений (десять) вокруг Калфы могло проживать зависимое сельское население.

На поселении Нтулия (X в.) были найдены остатки массивного каменного дома. Это тип жилища, типичный для территории Северо-Восточной Болгарии (Плиска, Преслав), где они являлись местами проживания знати. Не исключено, что это могла быть усадьба болгарского феодала.

Основным же видом собственности на землю в южной части Днестровско-Карпатских земель следует считать общинную. Характерно и размещение большинства поселений Балкано-Дунайской культуры: небольшие гнезда поселений, сгруппированные в определенных микрорайонах, удобных для земледелия. Такие группы поселений могли являть собою соседские общины местного южнославянского населения. Следует учитывать, что именно в X в. в Болгарии ускорился переход к соседской общине и, следовательно, к появлению собственности общинника на земельный надел.[206] Следовательно, справедливым будет предположить, что на территории южной части Днестровско-Карпатских земель, входившей в состав Первого Болгарского царства, могли начать распространяться те же виды феодальной собственности на землю, что и на остальной территории государства.

После наивысшего периода своего могущества при царе Симеоне (893–927 гг.) Первое Болгарское царство в правление Петра (927–970 гг.) распадается на две части. После войн киевского князя Святослава на Дунае (968–971 гг.) Болгария утратила земли к северу от Дуная, ослабевшая восточная Болгария становится добычей Византии в 971 г. В 1018 г. Василий II Болгаробойца овладел последней столицей Первого Болгарского царства — Охридом. Лимес Ромейской державы прочно устанавливается по Дунаю.

С гибелью Первого Болгарского царства окончательно прекращает свое существование и Балкано-Дунайская культура на землях к северу от Дуная.

С севера же к Дунаю выходят рубежи Киевской Руси. Овладев городом Переяславцем на Дунае, Святослав в 969 г. заявил своей матери княгине Ольге и киевским боярам: «Не любо ми есть жити Кыеве, хоще жити Переяславьци в Дунаи, яко там есть среда земли

[206] Раннефеодальные государства на Балканах..., с.171.

моей, яко ту вьем благам съходятся: от Грек — паволокы, злато, вино и овощеве разноличьнии; ис Чех и из Угър — серебро и комони; из Руси же — скора и воск и мед и челядь».[207] Это могло быть сказано князем Святославом только в том случае, если власть Киевской Руси прочно утвердилась на Нижнем Дунае. Заботу об укреплении позиций Руси в Подунавье проявил и сын Святослава Владимир (980–1015 гг.).

В 985 г. великий князь Киевский Владимир Святославич совершил поход на «низовских болгар», двинув войска «в лодиях и на коних». Это известие не может относиться к волжским болгарам, так как они в соседних строках летописи названы «българе веры Бохъмиче».[208]

Важным представляется следующее обстоятельство для объяснения летописного сообщения о «низовских болгарах». В 976 г. после смерти императора Иоанна Цимисхия Византия вновь утратила земли Нижнего Подунавья. Территория нижнедунайской фемы Паристрион была занята войсками болгарских соправителей — комитопулов Давида Моисея, Аарона и Самуила — сыновей правителя Западной Болгарии комита Николая Шишмана. Лишь четверть века спустя в 1001 г. усилиями Василия II Болгаробойцы ромеи восстанавливают свое господство в Паристрионе и северной границей Византии вновь становится Дунай. Следовательно, поскольку в 985 г. именно болгары господствовали на землях Нижнего Подунавья, не случайно и упоминание в летописи именно «низовских болгар», против которых и совершил поход великий князь Киевский Владимир. Наименование «понизье» для земель, прилегающих к Нижнему Дунаю, на Руси было традиционным. Вспомним, что в XII–XIII вв. территория, находящаяся на юге от непосредственных владений Галицко-Волынского княжества и простирающаяся до Черного моря и дельты Дуная, именовалась Галицким Понизьем. Связано это напрямую с географией региона. Днестровско-Карпатские земли являют собою естественный спуск от Карпат к Дунаю и Черному морю. Так что «Понизье» — вполне резонное наименование ландшафта этой территории.

Важно и то, что понятие «Понизье» на Руси обычно относилось к землям не просто лежащим «вниз по течению», но и находящимся к югу от того или иного важного центра Руси. Нижний Новго-

---

[207] Повесть временных лет, I, с.48.

[208] Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества. М., 1982, с.357. ПСРЛ, II, стб.142.

род, основанный при князе Юрии Всеволодовиче на Волге, находился ведь много южнее Новгорода Великого и, действительно, вниз по течению Волги.

«Повесть временных лет» писалась в Киеве, откуда Болгария Волжско-Камская никак не выглядела ни южной, ни низовской. Такой могла быть только Болгария Дунайская, находившаяся и на юге, и на Нижнем Дунае, куда и путь-то лежал через Карпато-Днестровское Понизье.

Стоит обратить внимание и на следующее обстоятельство. Согласно летописи русской рати в походе на Болгарию сопутствовали союзники-кочевники.[209] Использование союзных кочевых орд печенегов против Дунайской Болгарии было уже давней традицией Киевской Руси. Так поступал Игорь в 943 г., Святослав в 970 г. Почему Владимир должен был пренебречь опытом деда и отца? Да и кочевникам путь на Дунай был хорошо знаком, и они с охотою туда шли за богатой добычей. Сведений же о походах кочевников южнорусских степей на Волжскую Болгарию в домонгольскую эпоху в источниках не имеется. Что же касается способа похода «в лодиях и на конях», то точно так же Олег Вещий шел на Византию. Между прочим, через Дунайскую Болгарию. Да и как иначе могло идти на юг русское войско из Киева?

Как видим, очевидно, что если южная часть Днестровско-Карпатских земель до конца 60-х гг. X в. была зоной господства Первого Болгарского царства, то история их большей части, т.е. центральных и северных районов, с конца IX в. теснейшим образом связана с историей Киевской Руси. И не только с ее внешней политикой.

[209] Карамзин Н.М. История государства Российского. Т.I, М., 1989, с.149.

Глава 2. СЛАВЯНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ДНЕСТРОВСКО-ДУНАЙСКИХ ЗЕМЕЛЬ В III–X ВВ.

К IX в. восточные славяне были важнейшей этнической группой населения Днестровско-Дунайского региона. К этому времени их проживание в Поднестровье и Подунавье насчитывало не одно столетие. Поэтому, чтобы дать верную картину восточнославянского мира Днестровско-Дунайских земель, необходимо обратиться к эпохе, когда первые славянские поселения появились на территории к востоку от Карпат, на берегах Днестра, Дуная и Черного моря.

Датировка начала славянского расселения на этих территориях в современной историографии дается по-разному. Так, И.А. Рафалович полагал, что земли Пруто-Днестровского междуречья были заселены славянами в VI–VII вв.[210] Аналогичной точки зрения придерживались и авторы I тома «Истории Молдавской ССР»[211]. В то же время, по мнению В.Д. Королюка, Г.Г. Литаврина и Б.Н. Флори, можно говорить о расселении славян уже к III–IV вв. на довольно обширной территории Восточной Европы и о том, что их поселения тогда же достигали нижнего течения Дуная.[212] А это — южная часть Пруто-Днестровского междуречья в Днестровско-Карпатском регионе.

Основано данное мнение на сведениях, содержащихся в так называемых Певтингеровых таблицах — карте римских дорог, приходящейся на рубеж III–IV вв.[213] По палеографическим данным, Певтингерова карта (таблицы) была известна в XII–XIII вв., название же свое получила по имени одного из ее владельцев в XVI в. Но по форме и содержанию историки совершенно определенно полагают ее первоисточником позднеримского времени, к каковому ее основные данные и относятся.[214]

Древние славяне-венеды упомянуты на Певтингеровой карте дважды: в первом случае под именем «венеды-сарматы» на землях се-

---

[210] Рафалович И.А. Молдавия и пути расселения славян в Юго-Восточной Европе. — Юго-Восточная Европа в Средние века. Кишинев, 1972, с.30.

[211] История Молдавской ССР. Т.I. Кишинев, 1987, с.105.

[212] Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982, с.13.

[213] Там же.

[214] Свод древнейших письменных известий о славянах. Т.I (I–VI вв.). М., 1991, с.63.

веро-западнее Карпат по соседству с фракийским племенем бастарнов; во втором же случае под именем просто «венеды» на территории юго-восточнее Бастарнских Альп (Карпат), в междуречье Дуная и реки Агалингус, которая, беря начало на восточных склонах Карпат, впадает в Черное море северо-восточнее Дуная.[215] Поскольку к востоку от Агалингуса на карте указаны последовательно Гипанис (Южный Буг), Нусак (вероятно, Днепр), затем Танаис (Дон), то отождествление Агалинга с Днестром представляется наиболее приемлемым.[216]

Итак, на рубеже III–IV вв. древние славяне-венеды впервые упомянуты как обитатели южной части Днестровско-Карпатских земель, междуречья Днестра и Дуная. К слову, это вообще первое в истории упоминание в письменных источниках славян на территории Восточной Европы.

По поводу двукратного нанесения на Певтингерову карту названия «венеды» существуют различные мнения. Е.Ч. Скржинская полагала, что «это не свидетельствует о каких-то двух отдельных областях, но говорит, по-видимому, о большой протяженности сплошь заселенной ими территории, которую пересекали дороги, очевидно, в разных местах. Одна из них соединяла область венедов с областью бастариев (в Карпатах), другая — с областью даков (по Пруту и нижнему Дунаю).[217] Аналогично и мнение В.В. Седова.[218]

Возражая Е.Ч. Скржинской, А.В. Подосинов писал: «…тезис Скржинской слабо аргументирован: римские дороги не доходили до Приднестровья, а тем более до территории северо-западнее Карпат. Это видно и на Певтингеровой карте, где венеды помещены в стороне от сети дорог».[219]

По мнению ряда исследователей — Ловмяньского, Мачинского, Тихановой, Королюка и Наумова данные Певтингеровых таблиц (карты) свидетельствуют о перемещении части венедов на юго-восток Европы.[220]

Безусловным подтверждением подлинности сведений Певтингеровой карты о славянах в Приднестровье и Нижнем Подунавье в позднеантичную эпоху должны были бы стать данные археологи-

---

[215] Свод древнейших письменных известий о славянах. Т.I (I–VI вв.). М., 1991, с.73.

[216] Там же, с.63.

[217] Иордан. О происхождении и деяниях готов. Вступ. статья, пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской, с.209.

[218] Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979, с.31.

[219] Подосинов А.В. Певтингерова карта. — Свод древнейших письменных известий о славянах, с.74.

[220] Свод древнейших письменных известий о славянах. Т.I (I–VI вв.), с.74.

ческих исследований. Здесь, однако, у современных археологов единой трактовки материалов раскопок поселений нижнедунайского и нижнеднестровского регионов III–IV вв. нет.

М.И. Артамонов достаточно уверенно атрибутировал славянам-венедам археологическую культуру населения низовий Днестра и Дуная первых веков нашей эры.[221] Ему возражал Э.А. Рикман, который не считал славян основным населением Приднестровья во времена черняховской культуры (III–IV вв.), допуская, однако, что они были одной из этнических групп в этом регионе в ту эпоху.[222] И.С. Винокур безусловно полагает положение славян в Приднестровье во II–V вв. «доминирующим».[223]

При всем различии перечисленных трактовок в них можно выделить нечто общее: никто, собственно, не отрицает славянской принадлежности хотя бы части археологических памятников материальной культуры местного населения Приднестровья и Нижнего Подунавья как раз во времена составления Певтингеровой карты (рубеж III–IV вв.). Следовательно, данные ее можно считать подкрепленными и археологическими источниками.

Другой вопрос — степень славянского присутствия на Днестре и Дунае в позднеантичную эпоху. Думается, едва ли они могли доминировать в III–IV вв. в Приднестровье, поскольку именно там была центральная часть «варварского королевства» вестготов. Вестготы же господствовали с сер. III в. и на Нижнем Дунае, где им с трудом противостояли римляне. Славяне, очевидно, здесь выступали в роли союзников готов. Отсюда известнейшее сообщение Аммиана Марцеллина о том, что, идя в бой, готы кричали на разных языках, можно понимать так: одним из этих языков был язык славян-венедов, обитавших на берегах Днестра и Дуная. Так что в венедах Певтингеровых таблиц можно видеть одних из сокрушителей римского могущества в битве под Адрианополем в 378 г., названной Аммианом Марцеллином «вторыми Каннами».

Нашествие гуннов на Восточную Европу в 375 г. привело к гибели «варварских королевств» готов в Северном Причерноморье и массовому исходу их населения за Дунай на Балканы. Характерна

---

[221] Артамонов М.И. Вопросы расселения восточных славян и современная археология. — Проблемы всеобщей истории. Л., 1967, с.46.

[222] Рикман Э.А. О начале расселения и этнических контактах праславян в Карпато-Дунайских землях. — Тезисы докладов советской делегации на V Международной конференции славянской археологии. М., 1985, с.43.

[223] Винокур И.С. Черняховские племена на Днестре и Дунае. — Славяне на Днестре и Дунае. Киев, 1983, с.131.

почти одновременная датировка гибели большинства поселений Черняховской культуры.[224] Таким образом, важнейшим результатом нашествия гуннов, не минувшего и Днестровско-Дунайских земель, стала радикальная смена там этнического состава населения.

Картина жизни региона с конца IV до начала VI в. практически невосстановима по письменным источникам, крайне незначительны и археологические. В VI веке Днестровско-Дунайский регион становится одним из важнейших мест проживания славянского населения на юго-востоке Европы. Об этом свидетельствуют сведения, содержащиеся в «Готской истории» восточно-римского историка VI в. Иордана: «Славяне живут от города Навестуна и озера, которое называется Мурсианским, вплоть до Данастра и на севере до Висклы; болота и леса заменяют им города. Анты же, самые могущественные из них, там, где Понтийское море делает дугу, простираются от Данастра вплоть до Данапра. Эти реки удалены друг от друга на много переходов».[225]

Из текста Иордана явствует, что славяне жили на всей территории Днестровско-Дунайских земель, Поднестровье же было местом обитания сильнейшего из славянских племен — антов.

О славянах — склавинах и антах к северу от Дуная в правление императора Юстиниана (527–565 гг.) есть известнейшее сообщение Прокопия Кесарийского: «…они (склавины и анты — И.К.) обретаются на большей части другого берега Истра».[226]

Ареал обитания склавинов и антов в местах к северу от Дуная указан Прокопием достаточно широко и, в принципе, не противоречит сведениям Иордана, который определял территорию славян при помощи трех координат: низовья Дуная, Днестр, верховье Вислы.[227] Если искать у Прокопия известия о славянском населении Днестровско-Дунайских земель, то здесь выделяется его рассказ о том, как император Юстиниан предлагал славянам-антам для поселения некий древний город: «…В это время император Юстиниан направив каких-то послов к этим именно варварам (антам — И.К.) стал предлагать (им) поселиться всем вместе в древнем городе под названием Туррис, который лежит за рекой Истр; Траян, самодержец ромеев, в давние времена построил его,

---

[224] Рикман Э.А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры, с.230.

[225] Свод древнейших письменных известий о славянах. Т.I, с.107–108.

[226] Там же, с.185.

[227] Там же, с.134.

но издревле он безлюден, поскольку его разграбили тамошние варвары».[228]

Локализация города Туррис, ни в каких других источниках не упоминаемого, вызывает до настоящего времени большие споры.[229] Румынские историки идентифицируют Туррис с придунайскими городами Турну Мэгуреле, Галацем, Барбоши, Буржаком.[230]

Туррис также отождествляли и с античной Тирой (совр. Белгород-Днестровский Одесской области Украины).[231] По мнению же С.А. Иванова, Л.А. Гиндина и В.Л. Цымбурского, сообразуясь с текстом, можно все-таки заключить, что поскольку эти анты должны были защищать Нижнее Подунавье и Добруджу от кочевников, живущих в Северо-Западном Причерноморье, то «Туррис, видимо, находился где-то в Молдове, в значительном удалении от левого берега Дуная».[232] Если принять это мнение, то анты — безусловно, основное население Днестровско-Карпатского региона в VI в. Согласуются с этим и данные археологических источников. Именно в Поднестровье археология констатирует смешение переселенческих потоков антов и склавинов, причем анты, скорее всего, в конце V–первой четверти VI вв. продвинулись от Днестра на запад и юго-запад.[233] В связи с этим как раз в Днестровско-Карпатских землях и произошел их конфликт со склавинами, ранее антов освоившими эти территории и пытавшихся не пропустить антов к границам империи.[234] Так склавины пытались сохранить свою «монополию» на вторжения в Византию. Вскоре, однако, обе ветви славян нашли общий язык. Возможно, с 518 г., а несомненно, с 527 г. анты одновременно со склавинами обрушились на империю.[235] Затем в конце 30-х гг. VI в. последовала новая война антов со склавинами, которую анты проиграли. Но в 540 г. анты совершили уже самостоятельный поход на земли империи.[236]

Именно в Днестровско-Карпатских землях, в западной их части, в предгорьях Восточных Карпат в конце V–начале VI в. анты и

---

[228] Свод древнейших письменных известий о славянах. Т.I, с.134.

[229] Там же, с.228.

[230] Bolsakov-Chimpu A. La localisation de la fortess Turris. — Revue des studes Sud-Est europeannes. Bucuresti, 1969, t.7, p.47.

[231] Vernadsky G. Ancient Russia. Vol.1, New Haven, 1944, p.172.

[232] Свод древнейших письменных известий о славянах. Т.I (I–VI вв.), с.229.

[233] Раннефеодальные государства на Балканах..., с.51.

[234] Там же, с.51.

[235] Там же, с.51.

[236] Там же, с.52.

приобрели опыт сражений, но не в наступательных войнах, как отмечали О.В. Иванова и Г.Г. Литаврин, а в оборонительных, когда они сами укрывались в предгорьях, отбиваясь от врагов, идущих с востока, по древнему пути миграции кочевников между Черным морем и Карпатами.[237] Кочевниками, которым анты противостояли в Днестровско-Карпатских землях, были и гунны, и протоболгары, и авары. Этот-то опыт и решили использовать ромеи, заключив между 540 и 545 гг. упомянутое соглашение, представлявшее антам Туррис для организации противодействия агрессивным номадам.[238]

Натиск номадов, однако, оказался слишком силен. Могучая орда аваров, утвердившаяся к концу 60-х гг. VI в. в Подунавье вынудила подчиниться себе значительную часть проживавших в Карпато-Дунайских землях славян. Память о том, как Аварский каганат угнетал славян, присутствует в «Повести временных лет». Это широко известный рассказ об обрах (аварах), творивших жестокости над восточнославянским племенем дулебов, проживавшем в Карпато-Волынском регионе к северо-западу от Днестровско-Карпатских земель. Возможно, обитатели Поднестровья и Восточного Прикарпатья были некоторое время в положении, схожем с тем, в котором пребывали летописные дулебы.

Перемещение аваров в конце 60-х гг. VI в. в Средне-Дунайскую низменность, в Паннонию, очевидно облегчило положение славян в Нижнем Подунавье, на землях между Карпатами и Днестром. Известно, что именно эта территория была основной базой для антов в их походах за Дунай на территорию империи.

В конце VI–начале VIII в. в левобережье Нижнего Дуная — южная часть Днестровско-Карпатских земель — образуется союз «Семи родов» славянских племен.[239] Ощущая аваров бóльшими врагами, нежели ромеи, славяне левобережья Дуная вступили в союз с империей. Союз этот для антов имел роковые последствия. В 602 г. аварский каган повелел своему полководцу Апсиху истребить племя антов. Анты подверглись жесточайшему разгрому, после чего имя их со страниц трудов византийских авторов исчезает. Союз «Семи родов» переселился вкупе с рядом других славянских племен в область между Дунаем и Балканами.[240] По мнению Л. Ни-

[237] Раннефеодальные государства на Балканах..., с.51.
[238] Нидерле Л.Н. Славянские древности. М., 1956, с.59.
[239] Раннефеодальные государства на Балканах..., с.337.
[240] Там же, с.337.

дерле, именно в Нижнем Подунавье и Поднестровье и происходили трагические события 602 г.[241]

Разгром антов аварами в 602 г. и переселение значительной части их на юг за Дунай вовсе не означал ухода всего славянского населения из Днестровско-Карпатских земель. Археологические раскопки показали, что многочисленное славянское население продолжало обитать в Поднестровье и после 602 г.[242] Более того, за счет притока славян с севера и северо-запада оно все более и более увеличивалось. Если число известных славянских памятников Поднестровья VI–VIII вв. достигает только 30, то количество открытых памятников конца VII–начала X вв. приближается уже к 200.[243] Более того, археологи отмечают непрерывность существования славянских поселений центральной части Пруто-Днестровского междуречья с VI до XIII в.[244]

В начале VIII в. отмечается новая мощная волна славянского переселения в Днестровско-Карпатские и Карпато-Дунайские земли. Румынский археолог Мария Комша отмечала, что к концу VIII в. новая волна славянской колонизации распространяется и в Нижнедунайской низменности, достигая берегов Дуная.[245] Эта волна славян генетически была связана со славянским населением Среднего Поднестровья, Побужья и Волыни. Об этом свидетельствует распространение здесь в VIII в. керамики типа Луки Райковецкой, генетически восходящей к керамике пражского типа и характерной для славян перечисленных выше регионов в эту эпоху.[246] Распространение на территории Днестровско-Карпатского региона посуды биконических и округлобоких форм, подобно как и в материальной культуре восточных славян VII–VIII вв. в Среднем Поднестровье и Побужье, говорит о неразрывных связях славянского населения этих областей. Единство материальной культуры было следствием этнического единства ее носителей.[247]

Таким образом, в Днестровско-Карпатском регионе славянское население, впервые отмеченное здесь на рубеже III–IV вв., посте-

---

[241] Нидерле Л.Н. Славянские древности, с.140.

[242] Рафалович И.А. Молдавия и пути расселения славян в Юго-Восточной Европе, с.27.

[243] Рафалович И.А. Молдавия и пути расселения славян в Юго-Восточной Европе, с.27.

[244] Там же, с.27.

[245] Comsa M. Slavii de rasarit pe territoriul RPR si patrunderes elementului romanii in Moldova pe baza datelor archeologica. — Studii si cercetari de istorie veche, 1958, p.78.

[246] Рафалович И.А. Молдавия и пути расселения славян…, с.27.

[247] Рафалович И.А. Молдавия и пути расселения славян…, с.25.

пенно становится основным коренным этносом на этой территории. Можно уверенно говорить о непрерывном развитии здесь славянской культуры на протяжении VI–IX вв., причем число славян в регионе постоянно возрастало. Основу славянского населения Днестровско-Карпатских земель в VI–IX вв. составляли потомки антов (Поднестровье, Нижнее Подунавье), склавинов (Восточное Прикарпатье), а также восточнославянские племена, продвигавшиеся сюда в VIII–IX вв. с Волыни, Побужья и Среднего Поднестровья.

Обобщив приведенные данные письменных и археологических источников, можно утверждать, что предки летописных тиверцев были одним из антских племен.[248] Впервые анты появляются в бассейне Днестра еще в эпоху черняховской культуры (III–IV вв.).[249] Позднее анты известны в Поднестровье в VI–VII вв.[250] Места поселений тиверцев целиком расположены в области расселения антов.[251] Анты Поднестровья ничем не выделялись среди других групп этой ветви славянства. Попытки определить специфические черты тиверцев, позволившие бы выделить их этнически среди прочих восточнославянских племен, долгое время большого успеха не имели. Поэтому Поднестровские древности первоначально были отнесены исследователями к тиверцам прежде всего по территориальному признаку.[252] Северо-западные земли региона (Верхнее Попрутье) входили в состав племенного княжения хорватов, включенного в состав Киевской Руси лишь в 992 г.[253]

Некоторые исторические особенности восточных славян Днестровско-Карпатских земель помогают проследить и данные палеоантропологии. Согласно сравнительно-антропологическому анализу прослеживаются генетические связи восточнославянского населения Пруто-Днестровского междуречья с наиболее западными группами восточных славян — древлянами и кривичами. Наличие этих связей объясняется переселением на территорию Поднестровья части славянского населения из северо-западных областей современной территории Украины, где сформировалось племенное объединение древлян. Переселение это происходило на протяжении VII–IX вв. Археологически оно подтверждается наличием на

---

[248] Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв., с.129.
[249] Там же.
[250] Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960, с.115–170.
[251] Седов В.В. Указ.соч., с.129.
[252] Там же.
[253] Русанова И.П., Тимощук Б.А. Древнерусское Поднестровье. Ужгород, 1981, с.59.

поселениях Поднестровья и Попрутья лепной и раннегончарной керамики культуры Лука Райковецкая, распространенной на славянских памятниках VII–IX вв. северо-запада Украины и юга Белоруссии.[254] Следовательно, формирование восточнославянского племени тиверцев происходило на основе антского населения Поднестровья, впервые появившегося здесь в IV в. и прочно освоившего эту территорию в VI–VII вв. В его состав в VII–IX вв. влилась часть славянского населения, переселившегося сюда с севера.

На территории же Северной Буковины имеются заметные следы и западнославянского влияния.[255]

Эти данные позволяют предполагать возможную родственную связь между тиверцами, древлянами и кривичами. Что же касается западно-славянского этнического влияния на население Верхнего Попрутья, Среднего и Верхнего Поднестровья, то оно, несомненно, должно связываться с прикарпатскими хорватами.

Хорваты были племенем еще праславянского периода. Это бесспорно. В то же время древнейшая история хорватов до сих пор остается недостаточно изученной и отдельные аспекты многопланового и порой противоречивого развития древнехорватской народности все еще представляются весьма спорными.[256]

Разногласия ученых — историков, лингвистов — начинаются уже с истолкования самого имени племени «хорваты».[257] Общим во взглядах всех специалистов является признание того факта, что этническое имя «хорваты» неславянского происхождения.[258] Были версии его германского, даже кавказского происхождения. Производили имя хорватов и от названия Карпатских гор,[259] которые сами имя свое получили от обитавших на восточных их склонах фракийских племен карпов. Ныне большинство исследователей возводит этноним «хорваты» к древнеиранским наименованиям.[260] Хорваты могли быть одним из антских племен и получить свое имя в период славянизации ираноязычного населения в условиях черняховской культуры.[261]

---

[254] Рафалович И.А. Славяне VI–IX вв. в Молдавии. Кишинев, 1972, с.40–42.

[255] Великанова М.С. Палеоантропология Пруто-Днестровского междуречья, с.113.

[256] Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982, с.167.

[257] Там же.

[258] Там же.

[259] Там же.

[260] Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв., с.125.

[261] Там же.

Около 560 г. хорваты подвергались нападению со стороны авар, в результате которого значительная их часть переселилась в Далмацию, часть на запад — к верховьям Эльбы. Прежний единый союз племен, носивший общее название «хорваты» и охватывавший обширную территорию от Чехии до Восточной Галиции, распался, разошлись и исторические судьбы разных частей хорватского племени.

В итоге хорваты в период относительного славянского единства предположительно составлявшие крупную диалектно-племенную группировку (Великую Хорватию), занимавшую земли Северного Прикарпатья, в дальнейшем (после 560 г.) разделились на западных (белых), влившихся в состав словаков и чехов, южных (балканских) и восточных (русских) хорватов.[262] Южная граница проживания русских хорватов в Днестровско-Карпатских землях проходила по цепочке городищ на границе Запрутской Молдовы и Северной Буковины (Фунду-Герцей, Баранка, Дерска, Городище).[263] При исследовании оборонительной линии городища Фунду-Герцей обнаружены остатки каменной крепости — характерного признака хорватских городищ.[264] Эта цепочка городищ — Фунду-Герцей, Баранка, Дерска, Городище, должно быть прикрывала земли хорватского княжества с юга до времени его «окняжения» при Владимире Святославиче в 992 г. После этого оборонительное значение этих укреплений было утрачено, так как и тиверские, и хорватские земли прочно вошли в состав единой Киевской Руси.

Юго-восточной границей Хорватского княжества, возможно, была Хотинская возвышенность, начинающаяся у г. Черновцы на Пруте и простирающаяся до г. Хотина на Днестре. На одном из юго-восточных склонов возвышенности у с. Грозинцы сохранилось круглое городище IX–X вв. Его форма идентична городищам тиверцев Пруто-Днестровского междуречья.[265] Культурное влияние западных славян на население Северной Буковины прослеживается для VIII–X вв.[266]

Что же касается связей Днестровско-Карпатского региона с наиболее значимыми восточнославянскими княжениями, то пер-

---

[262] Тимощук Б.А. Общинный строй восточных славян VI–X вв. (по археологическим данным Северной Буковины). — Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1983, с.10.

[263] Там же, с.11.

[264] Тимощук Б.А. Восточные славяне, с.173.

[265] Там же.

[266] Тимощук Б.А. Указ.соч., с.9.

вым летописно обозначенным контекстом можно считать попытку князя полян, основателя Киева, Кия обосноваться в самой южной части этого региона — на Нижнем Дунае. Известно, что Кий ходил в Царьград, где «великие почести воздал ему, говорят, тот царь, при котором он приходил. Когда же возвращался, пришел он на Дунай, и облюбовал место и срубил городок невеликий, и хотел сесть в нем со своим родом, да не дали ему близживущие; так и доныне называют придунайские жители городище то — Киевец».[267]

Попытка основания Киевца на Дунае стала последним деянием Кия, поскольку он «вернувшись в свой город Киев, тут и умер; и братья его Щек и Хорив и сестра их Лебедь тут же скончались».[268]

Насколько можно доверять этим летописным сведениям о деяниях основателя города, кому суждено было впоследствии стать «матерью русских городов»? В настоящее время в российской исторической науке все более утверждается мнение о реалистичности событий, связанных с именем князя Кия. К примеру, А.А. Шайкин, тщательно проанализировавший все летописные сведения о Кие, пришел к следующим выводам: «…остается поражаться трезвости, можно сказать, реалистичности сведений о Кие, попавших в летопись. Кий княжил в роде своем, ходил в Царьград, византийский император (летописец честно признается, что не знает, к какому императору ходил Кий) одарил его; по дороге домой Кий пытался закрепиться на Дунае, построил даже городок Киевец, но вытесненный «близ живущими» возвращается в Киев, где и умирает со своими братьями. Имена братьев дали названия местам их захоронения: Щековица и Хоривица. Вот и все — никакой фантастики, никаких мифических мотивов и осмыслений».[269]

Значит, теперь необходимо конкретно осмыслить, чем же собственно был приход Кия на Дунай?

То обстоятельство, что Кий пытался обосноваться «с родом» своим на Дунае, где он «срубил» целый город, свидетельствует о немалой военной силе, которой обладал князь. Без таковой строить свой город в чужой земле попросту невозможно. Следовательно, справедливо будет полагать, что пришел князь Кий на Дунай с целым войском. А ведь на Дунае он оказался, возвращаясь из Константинополя. Получается, что и в столицу Византии он прибыл

---

[267] Изборник. Повести Древней Руси. М., 1986, с.26.

[268] Там же, с.26.

[269] Шайкин А.А. «Се повести временных лет» от Кия до Мономаха. М., 1989, с.19.

отнюдь не в малом сопровождении. Выходит, «поездку» Кия в Царьград-Константинополь можно и должно понимать как большой воинский поход рати полян во главе со своим князем на Византию, а затем и Нижнее Подунавье. Возможно, что и «почести великие», оказанные Кию, не что иное, как откуп византийцев, данный предводителю воинства, осадившего столицу империи, дабы он после этого удалился в свои пределы.

Но как датировать эти события?

Достаточно долгое время широко распространена была точка зрения Б.А. Рыбакова, датировавшая время Кия VI в.[270] Она, однако, построена сугубо на догадках и совершенно не согласуется с имеющимися в летописи сведениями, могущими служить основной ориентировочной датировки времени княжения основателя Киева.[271] Здесь выделяются прежде всего следующие события: притеснение полян древлянами и приход хазар к Киеву с требованием дани: «Вслед за тем, по смерти братьев этих (Кия, Щеки и Хорива), притесняли полян древляне и иные окрестные люди. И нашли их хазары сидящими на горах этих в лесах и сказали: «Платите нам дань».[272]

Приход к Киеву Аскольда и Дира, коим поляне рассказывают о Кие и жалуются на хазарскую дань: «… и отпросились они в Царьград и своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой городок. И спросили: «Чей это городок? Тамошние же жители ответили: «Были три брата Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хазарам». Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали у себя много варягов и стали владеть землею полян. Рюрик же в это время княжил в Новгороде.[273]

Первая дата русской летописи (852 г.) ставится непосредственно после рассказа о требовании хазарами дани с полян. Под 859 г. еще раз упоминается, что хазары дань «брали с полян и северян, и с вятичей — брали по серебряной монете и по белке с дыма».[274]

Приход Аскольда и Дира в Киев датирован в летописи 862 г. Рассказ о Кие отнюдь не выглядит далеким прошлым, Киев все еще небольшой городок, хоть и главный город большой земли полян — значит, молодой град; наконец, и здесь говорится о дани,

---

[270] Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982, с.294.
[271] Шайкин А.А. «Се повести временных лет», с.17.
[272] Изборник. Повести Древней Руси, с.26.
[273] Повесть временных лет. М.–Л., 1950, ч.I, с.215.
[274] Повесть временных лет, с.214.

собираемой хазарами с полян. Исключительно важным представляется для датировки времени Кия реконструированное А.А. Шахматовым известие древнейшего Киевского свода 1037–1039 гг. о появлении Аскольда и Дира в Киеве. Там они прямо объявляются непосредственными преемниками Кия, Щека и Хорива: «И по сих братьи княжиста Киеве Аскольд и Дир и беста владеюща полями».[275]

Как тут не вспомнить, что в Новгородской I летописи младшего извода, а также и в Псковской летописи начало Русской земли и основание Киева датируются совершенно определенно 854 г.[276] Строго говоря, нет ни малейших оснований принципиально отвергать эту дату. Более того, летописные датировки хазарской дани, прихода в Киев Аскольда и Дира очень неплохо с ней согласуются.

Учитывая, что Кий ходил походом на Царьград, стоит поискать и в византийской истории какое-либо событие, с таковым отождествимое. И поиски здесь непродолжительны: в правление Михаила III и Феодоры (между 842 и 856 гг.) был поход Руси на Константинополь. Конечно же, отождествление его с поездкой (походом) Кия в Царьград не более чем гипотеза, но она, думается, имеет право на существование.

Разумеется, дату основания Киева в 854 г. следует воспринимать как условную.[277] Но в целом соотнесение событий, связанных с именем Кия, с серединой IX в., представляется достаточно правомерным. Автору уже приходилось высказывать такое мнение.

Итак, можно предполагать с достаточной долей уверенности, что где-то в 50-е гг. IX столетия князь полян Кий пытался утвердиться в Нижнем Подунавье, где имел столкновение с местными жителями. Очевидно, это были болгары. Разумеется, Первое Болгарское царство, тогда, впрочем, еще ханство, не пожелало иметь чужой град в своей земле, да еще в жизненно важном устье Дуная. Это было первое столкновение киевского князя с болгарами. Следующее произошло при Аскольде и Дире. В 864 г. в Болгарии погиб сын Аскольда. Затем в Днестровско-Карпатские земли придет Киевская Русь, в состав которой они и войдут.

Легенда о Кие была специально исследована российским археологом В.Д. Перхавко, и согласно его мнению «исследование сооб-

---

[275] Котляр Н.Ф. О социальной сущности Древнерусского государства IX–первой половины X вв. — Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993. М., 1995, с.42.

[276] Повесть временных лет. Ч.I, с.13.

[277] Котляр Н.Ф. О социальной сущности Древнерусского государства IX–первой половине X вв., с.36.

щения о легендарном полянском князе Кие и якобы построенном им на Дунае Киевце показало сложный состав этой легенды, включающей как реалии, относящиеся к подунайскому городку Киос (Киус), так и домыслы, опирающиеся на общие представления летописца о дунайской прародине славян, строительной деятельности первых русских князей и военных походах руссов в Подунавье в X в. при киевском князе Святославе».[278]

Со времени образования в 882 г. единого Древнерусского государства со столицей в Киеве киевские князья Олег, затем Святослав, Владимир и другие настойчиво стремились к объединению под своей властью всех восточных славян. Тиверцы, судя по всему, вошли в состав Киевской Руси после 885 г. По свидетельству летописца в 885 г. киевский князь Олег вел с тиверцами и их соседями — уличами — войну: «И бе обладая Олег поляны, и древляны, и северяны, и радимичи, а сь уличи и тиверцы имяше рать».[279] Более ни о каких «ратях» Олега и тиверцев летописи не сообщают. В 907 г. тиверцы являются участниками общерусского похода на Византию, который возглавлял Олег, в 941 г. они же упоминаются в войске Игоря во время его войны с ромеями. Должно быть после «рати» 885 г. тиверцы постепенно были включены в государственную систему Киевской Руси. Отсутствие дальнейших ратей свидетельствует о том, что, возможно, это включение в основном шло мирным путем. Если в первой половине X в. тиверцы упоминаются в составе войск Олега и Игоря под своим племенным названием, то со второй половины века этот термин исчезает, хотя их поселения в Поднестровье продолжали существовать. Следовательно, в это время они уже окончательно влились в состав единой древнерусской народности.

Первое упоминание о восточнославянском племени тиверцев относится к IX в. Мы находим его у анонимного Географа (землеписца) Баварского (843–870 гг.).[280] Согласно его описаниям народ тиверцев имел 148 поселений, характеризуемых Географом как *civitas*, т.е. «община». Едва ли представляется в данном случае возможным перевод термина *civitas* как «город». Скорее это просто «укрепленное поселение», «крепость». *Civitas* тиверцев — это поселения, бывшие общинными укрепленными центрами групп сельских, земледельческих поселений.

---

[278] Коновалова И.Г. Перхавко В.Д. Древняя Русь и Нижнее Подунавье, с.190.

[279] Повесть временных лет. М.–Л., 1950. Т.I, с.20–21.

[280] Шафарик П.И. Славянские древности. Т.II, кн. III. М., 1848, прилож. XIX, с.68–74.

Румынский историк К. Чиходару упрекнул советских археологов Г.Б. Федорова и Л.Л. Полевого в «некритическом отношении» к данным Баварского Географа о 318 городах тиверцев.[281] Следует, однако, указать, что Баварский Географ говорит о 148 у тиверцев и о 318 — у племени уличей. Помимо этого данные археологических раскопок свидетельствуют о том, что едва ли названное Географом число тиверских общинных центров является сколь-либо заметным преувеличением.

На территории Молдавии известно около 100 древнерусских поселений этого же периода, из них 19 городищ, которые могли являться общинными центрами.[282] К этому необходимо добавить около 20 поселений такого же типа вокруг Ясс и южнее — в центральной части Запрутской Молдовы. Имеются подобные городища и в северной Молдове (Сучава, Бугэешть), в южной — Бырлад, Мишкотянка (восточнее г. Бузэу в восточной части Мунтении).[283] Древнерусская, восточнославянская принадлежность перечисленных памятников территории Запрутской Молдовы у специалистов сомнений не вызывает. Памятники эти VIII–IX вв., именуемые в археологической науке как «культура типа Хлинча I», почти по всем категориям изданий прочно связаны с восточнославянскими памятниками Пруто-Днестровского междуречья и Правобережной Украины, составляя с ними единый этнокультурный комплекс.[284] Это уже отмечалось выше.

Следует учитывать, что в настоящее время археологи отнюдь не утверждают, что ими выявлены все поселения древних тиверцев. Кроме того, перечисленные районы выявленных городищ и селищ тиверцев едва ли охватывают всю занимавшуюся ими в IX в. территорию. Русский летописец так повествует о расселении древнерусских племен: «И пришедьша седоста Радим на Съже и презваша радимичи, а Вятко седе с родом своим по Оце, от него же прозвашася вятичи. И живяху в мире поляне и деревляне, и север, и радимичи, вятичи и хорвате, дулеби живяху по Бугу, где ныне волыняне, а уличи и тиверцы седяху бо по Днестру, приседяху к Дунаеви. Бе множество их, седяху бо по Днестру оли до самого моря, и суть гради их до сего дне, да то ся зваху от Грек Великая Скуфь».[285]

---

[281] Cihidaru C. Observatii…, p.179.

[282] Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф. Памятники древних славян, с.73, 99.

[283] Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. Археология Румынии, с.300.

[284] Там же, с.302.

[285] Повесть временных лет, с.13–14.

Сведения о многочисленности племен тиверцев, приводимые как Баварским Географом, так и русским летописцем Нестором, вполне согласуются.

Из сопоставления письменных данных источников и археологических исследований вполне очевидно, что сведения Баварского Географа о 148 общинных центрах тиверцев в целом заслуживают доверия.

Наибольшая плотность тиверских поселений была в Поднестровье, прежде всего в междуречье Реута и Днестра. Очевидно, это связано со значением Днестра как весьма немаловажной торговой артерии. Да, земля тиверцев была заметно отдалена от великого пути «из Варяг в Греки», но через нее шел иной путь, связывавший в те времена Балтику с Причерноморьем, Западную Европу с Юго-Восточной. Это так называемый Висло-Днестровский торговый путь. Он начинался в Южной Балтии в низовьях Вислы, шел далее вверх по ее течению, затем либо по Западному Бугу из Среднего Повислья, либо по реке Сан из Нижнего Повислья шел к Верхнему Поднестровью. Через ряд не очень долгих волоков путь этот выходил в верхний Днестр и по нему уже шел до Черного моря. Учитывая близость низовий Днестра к Нижнему Дунаю, нетрудно предположить, что известный набор русских товаров в Нижнее Подунавье — меха, кожи, мед, воск, рабы для продажи, о коем нам известно со слов князя Святослава Игоревича,[286] мог идти туда не только из Днепра по пути «из Варяг в Греки», но и по Днестру.

Также совершенно очевидно, что наиболее обжитыми землями с наиболее развитыми поселениями были прежде всего те, которые находились на международных торговых магистралях.[287]

Роль международной торговли в становлении восточнославянских предгосударственных образований чрезвычайно велика. Значение торгового пути «из Варяг в Греки» для складывания государства Киевская Русь общеизвестно, наиболее подробно исследовал этот процесс Х. Ловмяньский.[288] Главенствующая и организующая роль торговли по Балтийско-Волжскому пути для Северо-Запада Восточной Европы исследована Е.А. Мельниковой.[289] По ее сло-

---

[286] Повесть временных лет. I, с.48.

[287] Тимощук Б.А. Восточные славяне. От общины к городам, с.238.

[288] Ловмяньский Х. Русь и норманны. М., 1985, с.89–125.

[289] Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (постановка проблемы). — Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993. М., 1995, с.16–32.

вам, именно «благодаря ей возникают первые предгородские поселения, усиливаются процессы социальной и имущественной дифференциации, укрепляются петестарные структуры. Наконец, благодаря ей консолидируется обширная территория, по которой проходит магистраль и на которой к середине IX в. возникает предгосударственное образование».[290]

Конечно, непосредственное перенесение реалий восточнославянских земель, находившихся на пути «из Варяг в Греки» или же на Балтийско-Волжском пути, на тиверцев и Висло-Днестровский торговый путь было бы чересчур прямолинейным, но осторожную, пусть и ограниченную параллель провести можно.

Не исключено, что именно этот путь использовали приходящие из Кракова в Прагу русь и славяне, о которых писал в X в. Ибрагим Ибн-Якуб. По словам Ибрагима Ибн-Якуба, русь и славяне, приходившие из Привислья в Прагу, привозили туда рабов, олово и меха.[291] Как известно, как раз рабов и меха упоминал и Святослав в перечне русских товаров, привозимых на Нижний Дунай в болгарский Переяславец.[292]

Днестровско-Карпатские земли находились и на пути из Центральной Европы в Хазарию. Как отмечал М.В. Левченко, «из письма хазарского царя Иосифа Хасдаю ибн-Шафруту видно, что в то время существовал торговый путь из Праги через Карпатские перевалы в Буковину, переходивший там через Днестр на Днепр и соединенный с путем в Азовское море и Хазарию. На протяжении всего этого пути были расположены еврейские торговые колонии».[293]

Таким образом, северная часть Днестровско-Карпатских земель — перевалы через Восточные Карпаты на Буковине — и все течение Днестра лежали на одном из важнейших торговых путей Европы, связывающих Прагу с Хазарией.

Одним из наиболее сложных и дискуссионных вопросов истории тиверцев является происхождение их названия. Видный немецкий тюрколог О. Маркварт считал, что название тиверцев является производным от античного названия реки Днестр *Turas*, иран-

---

[290] Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (постановка проблемы). — Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993. М., 1995, с.32.

[291] Куник А., Розен В. Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах. — Записки императорской Академии наук, Т-XXXI. СПб, 1978, ч.I, с.269.

[292] Повесть временных лет. I, с.48.

[293] Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений, с.199.

ская основа *tura*, что значит «быстрый».[294] Маркварт отождествлял тиверцев с народом «туръси», упоминаемым в Житии Кирилла, и говорящим по-славянски народом в отчете за 965 г. еврейского путешественника Ибрагима Ибн-Якуба.[295] Немецкий филолог-славист Фасмер также производил название тиверцев от иранского названия реки *Tivr*.[296] Русский ученый А.А. Шахматов аналогичным образом рассматривал происхождение названия племени тиверцев.[297]

Древнее название реки *Turas* имеет тюркскую печенежскую форму *Trullos*, в современном турецком языке *Turla*,[298] что свидетельствует о долгом сохранении названия реки Днестр, основанного на древнем ее названии.

Обоснованность выведения этимологии названия древнерусского племени из названия главной реки, протекавшей по местности его проживания, выглядит достаточно убедительно, если проанализировать племенные названия в «Повести временных лет». Тогда как радимичи и вятичи носят названия по старейшине рода (Радим, Вятка), то род других названий является этимологически территориальным: полочане, бужане, древляне, поляне. В.В. Мавродин отмечал: «Хорошо известно, что тип местности обусловливал наименование ее населения».[299] Подобное явление было характерно для славян издревле. Еще историк VI века Иордан указывал, что названия племен венедов меняются зачастую в зависимости от местности.[300]

Если справедливо связывать название древлян с лесом, дреговичей — с болотистой местностью (дрягва — болото), полян — с полем, бужан — с названием реки Буг, то вполне правомерным можно полагать и происхождение названия тиверцев от одной из древних форм названия Днестра: греч. *Turas*, лат. *Tiras*, иран. *Tivr*. Поскольку печенеги, пришедшие на берега Днестра лишь в конце IX в., застали одну из древних форм названия Днестра, то восточные славяне, уже не один век там проживавшие, несомненно, должны

---

[294] Marquart O. Osteuropeishe und Ostasiatishe Streitzige. Etnologis und historisch — topografische Studien zur Geschichte der 9 und 10 jahrhunderts. Leipzig, 1903, s.190–191.

[295] Ibidem, s.191.

[296] Vasmer M. Russisches etimologisches Werterbuch. Bd. III. Geidelberg, 1958, s.115–116.

[297] Шахматов А.А. Древнейшие судьбы русского племени. — Русский исторический журнал. Пг, 1919, с.31.

[298] Менгес К.Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979.

[299] Мавродин В.В. О племенных княжествах восточных славян. — Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971, с.47.

[300] Иордан. О происхождении и деяниях готов, с.71–72.

были быть с ним знакомы. Все перечисленные древние названия имеют иранскую основу, восходящую ко времени пребывания в регионе скифских и, позже, сарматских племен. Отсюда правомерным представляется предположение, что этноним тиверцы мог появиться только в период славяно-сарматских контактов в Поднестровье.[301] Эти контакты восходят к концу III–началу IV в., когда поселения славян достигли уже нижнего Дуная.[302] Напомним, что в эпоху господства в Северо-Западном Причерноморье так называемой черняховской культуры (III–IV вв.) из числа славян выделяется объединение антов, известное по письменным источникам, которые уже ранее подробно цитировались в работе.[303] Анты в III–IV вв. проживали в Поднестровье в непосредственном соседстве с германцами-готами и ираноязычными племенами сарматов. Как уже отмечалось, именно поэтому, возможно, тиверцами стала называться та часть антов, которая обитала в бассейне Днестра еще в эпоху черняховской культуры.[304] Именно тогда и могли происходить здесь контакты этой ветви славян с сарматами.

Итак, проживание в Поднестровье по соседству со славянами ираноязычного населения — сарматами — могло определить происхождение племенного названия «тиверцы» от иранского названия реки, на берегах которой в основном проживало это племя.

Существует, однако, мнение, что название тиверцы имеет тюркское происхождение. Основой этого мнения послужило упоминание тиверцев в летописи как неких «толковинов».

Повествуя о походе в 907 г. киевского князя Олега на Византию летописец пишет следующее: «В лето 6415 (907) иде Олег на Грекы, Игоря оставив Киеве, поя же множество варяг, и словен, и чюдь, и славяне, и кривичи, и мерю, и древляне, и радимичи, и поляны, и северо, и вятичи, и хорваты, и дулебы, и тиверцы, яже суть толковины; си вси эвахутся от грек Великая скуфь».[305]

По поводу сочетания тиверцы-толковины уже на протяжении многих десятилетий ведется дискуссия. Подробно разбирать ее в данном исследовании нецелесообразно, предпочтительно ограничиться разбором трех основных мнений.

---

[301] Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв., с.129.

[302] Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982, с.13.

[303] Свод древнейших письменных известий о славянах. Т.I (I–VI вв.), с.98–161; 170–251; 260–265.

[304] Седов В.В. Восточные славяне…, с.129.

[305] Повесть временных лет, с.23–24.

Первое: не может ли название «тиверцы» быть тюркским переводом славянского «толковины»?

Для этого К.Г. Менгес предлагает следующий опыт установления тюркской этимологии.[306] При отбрасывании славянского суффикса — ьць- основа «тивер» может быть представлена как композит *tiv-ar*, где второй элемент имеет тюркское значение «мужчина», «человек». В *tiv* обнаруживается тюркская глагольная основа *ti*, означающая «говорить», а *v* представляет собой суффикс отглагольного имени. Таким образом, *tiv* могло бы означать «действие говорения», и *tivar* соответственно человек, чьей обязанностью является говорение.

Это, конечно, чистая реконструкция, никаких реальных тюркских производных от *tivar* мы не знаем, но, тем не менее, эта реконструкция дает параллель к славянскому «толковины» в случае осмысления этого слова, как «переводчик», «толмач».[307]

Второе: слово «толковины» неоднократно подвергалось рассмотрению историками и филологами, и одним из самых распространенных мнений является перевод «толковин» — «переводчик».

В этом случае необходимо разобраться, почему именно тиверцы могли выступать в качестве переводчиков и с каких именно языков.

Тот факт, что целое племя упоминается как переводчики, на первый взгляд может показаться недостаточно убедительным. Д.А. Расовский писал, что для целого племени быть переводчиками — странное занятие.[308] Однако подобный факт не является уникальным для Северного Причерноморья в рассматриваемое время. Константин Багрянородный, перечисляя племена (фемы) печенегов, упоминает шестую печенежскую фему под названием Талмат (*Talmat*)[309]. Название *Talmat* передает тюркское слово *Talmac*, что значит «переводчик».[310] Племя Талмат обитало в степях левобережья Днепра близ рубежей Алании и Хазарии.[311] Возможно, что тиверцы, проживавшие на юго-западных рубежах Руси, могли, часто соприкасаясь со своими соседями, иметь в своей среде большое число людей-билингвов и поэтому могли считаться переводчиками.

---

[306] Менгес К.Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве», с.148.

[307] Менгес К.Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве»; Расовский Д.А. Тълковины. — Seminarium Kondakovianum, t.8. Praga, 1936, с.307.

[308] Расовский Д.А. Тълковины. — Seminarium Kondakovianum, t.8, Praga, 1936, с.307–313.

[309] Константин Багрянородный. Об управлении империей, с.297.

[310] Менгес К.Г. Восточные элементы в «Слове…», с.146.

[311] Константин Багрянородный. Указ. соч., с.297.

Войско князя Олега, завершающее длительный поход по неприятельской территории к Константинополю, несомненно, нуждалось в услугах переводчиков, и тиверцы, будучи соседями этих земель и в известной степени владея языком их населения, могли оказать своим соратникам неоценимые услуги.

С какого же именно языка могли быть переводчиками тиверцы-толковины?

Земли, населенные тиверцами, непосредственно соприкасались с владениями Первого Болгарского царства, расположенными к северу от Дуная, и, следовательно, сталкивались прежде всего с населением этих земель, состоявшим, как уже отмечалось, из двух основных этнических элементов: тюрко-болгарского (салтовского) и южнославянского. В степных районах тиверцы соприкасались также с печенегами. Как отмечали советские исследователи, для языкового общения русских и славянского населения Болгарии в то время преград не существовало благодаря общему старославянскому языку.[312] Поэтому совершенно логичным является заключение, что тиверцы могли быть переводчиками именно с тюркского языка, распространенного, наряду со славянским, на территории между Карпатами и Дунаем, бывшей ареалом Балкано-Дунайской культуры, где его носителями были остатки протоболгар-салтовцев и печенеги.

При продвижении русского войска через Балканы и вдоль побережья Черного моря к Константинополю могли понадобиться переводчики и с других языков. Для общения с населением городов Черноморского побережья, а также с населением прилегающих к Эгейскому, Мраморному и Черному морям земель Фракии было необходимо знание греческого языка. Поэтому в историографии существует мнение, что тиверцы в войске Олега в период движения на Царьград были племенем, знавшим греческий язык, и могли служить переводчиками именно с него.[313]

Однако, учитывая, что с IX в. получает большое развитие «путь из варяг в греки», проходивший из Балтики в Неву, далее через Ладогу и Волхов в озеро Ильмень, затем рекой Ловатью и волоком в верховья Западной Двины, оттуда волоком в Днепр и по Днепру, преодолевая пороги, в Черное море и морем до «Царьграда» — Константинополя, торговые связи Руси и Византии постоянно развивались. Торговля Руси и Византии шла также и через Корсунь

---

[312] Фрейберг Л.А., Попова Т.В. Византийская литература эпохи расцвета IX–XV вв. М., 1978, с.264.

[313] Седов В.В. Восточные славяне…, с.129.

(Херсонес) в Крыму. Учитывая постоянное развитие этих связей на протяжении IX в., войско Олега не должно было испытывать большого недостатка в переводчиках с греческого. Что же касается тиверцев, отделенных от населенных греками владений Византии обширной территорией Первого Болгарского царства и проживавших в значительном удалении от «пути из варяг в греки», то никак нельзя предположить среди них большого числа людей, знающих греческий язык. Неверно было бы представлять, что тиверцы были толковинами-переводчиками с греческого языка.

При переходе через Балканы русские дружины могли столкнуться с влахами. Византийская писательница Анна Комнина, описывая обстоятельства перехода войск претендента на Константинопольский трон псевдо-Диогена через Балканский хребет (Гем) в 1094 г. пишет о влахах как о давних обитателях этих мест.[314] Отсюда допустимым является ретроспективное предположение о проживании влахов на Геме и во времена похода Олега. Учитывая, что со времени заселения славянами Балканского полуострова влашское население жило в постоянном общении с ними и испытывало влияние одних и тех же социально-политических условий, что и славянское и греческое население Балкан,[315] мы вправе предполагать наличие среди них большого числа людей, владеющих славянским и греческим языками. В связи с этим при переходе войск Олега через Балканский хребет особых преград для общения русских с влахами не должно было возникать.

Поскольку же тиверцы проживали на большом удалении от поселений балканских влахов и никаких свидетельств об их связях с романизированным населением Балкан в настоящее время не имеется, предположение о тиверцах — толковинах-переводчиках с влашского языка представляется безосновательным.

Итак, проанализировав возможные варианты билингвизма тиверцев, нельзя не признать правоту А.А. Шахматова, который полагал, что тиверцы русской летописи, названные толковинами, понимали тюркский язык и поэтому назывались переводчиками.[316]

И, наконец, третье существующее мнение о тиверцах-толковинах. Оно основано на объяснении этимологии слова «толковин» от слова «толока», что означает «помощь». В этом случае выражение

---

[314] Анна Комнина. Алексиада. Пер. Я.Н. Любарского. М., 1965, с.268.

[315] Литаврин Г.Г. Влахи византийских источников X–XIII вв. — Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972, с.123–124.

[316] Шахматов А.А. Древнейшие судьбы русского племени, с.32.

«тиверцы-толковины» и трактуется как «тиверцы-союзники».[317] Подобная трактовка представляется, однако, недостаточно убедительной, прежде всего с лингвистической точки зрения. Производное от «толока» должно звучать как «толоковин» или же «толочанин», а не «толковины», как в «Повести временных лет».[318] Почему именно тиверцы выделены как союзники? Только лишь потому, что они вошли в состав Древнерусского государства после 885 г., т.е. незадолго до похода 907 г., и в связи с недавним и, должно быть, еще непрочным вхождением несли в отличие от других древнерусских племен «особые», союзнические обязательства? Но рать 885 г. Олег вел и с уличами, но ведь они не «толковины»! Нельзя говорить и о недолгом вхождении тиверцев в состав Киевского государства. Оно как единое целое существует лишь с 882 г. Кроме того, в войске Олега были и хорваты, вошедшие в состав Киевской Руси лишь при Владимире Святославиче в 992 г., а до этого составлявшие полунезависимое княжество в Прикарпатье. Также и вятичи, участвовавшие в походе 907 г., лишь после походов на них Святослава и Владимира во второй половине X в. прочно вошли в состав Древнерусского государства. Важно и то, что тиверцы этнически не отличались от других восточнославянских племен. В походе же Олега принимали участие скандинавы (варяги) и финно-угры (чудь). Почему тогда в качестве «союзников» выделены тиверцы, а не варяги и чудины, которые для русских, составлявших основную массу войска, совершенно определенно были именно союзниками?

Разбирая вопрос о значении слова «толковин» необходимо привлечь и текст «Слова о полку Игореве». В описании сна киевского князя Святослава говорится: «Си ночь, с вечера, одевахуть мярече — черною паполомою на кроваты тисове; черпахуть ми синее вино, с трудом смешено; сыпахуть ми тощими тулы поганых толковин великый жемчюг на лоно и неговахут мя».[319] Кто же эти «поганые толковины», чьим крупным жемчугом осыпали князя в его видении?

Если отталкиваться от трактовки слова «толковины», как «союзники», то данная фраза становится совершенно непонятной. Почему союзники «поганые»? Почему именно из союзнических колчанов (тул) сыплется жемчуг?

Если же исходить из того, что «толковин» может означать «толмач», то вполне вероятным представляется следующее объяснение.

---

[317] Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества. М., 1982, с.353; Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980, с.101.

[318] Стрижак О. Тивэрцы. Мовознавство, 4. Киев, 1969, с.47–56.

[319] Слово о полку Игореве. Л., 1976, с.33.

Жемчуг на Русь привозили восточные купцы, мусульмане, потому-то они, как иноверцы-магометане, и названы «погаными». Эти же купцы на Руси исполняли роль переводчиков с восточных языков. Следовательно, скорее всего именно к ним и могло быть отнесено слово «толковины» в понятии «переводчики».

Таким образом, «Слово о полку Игореве» подкрепляет мнение, что термин «толковины» следует понимать как «переводчики». К.Г. Менгес, анализируя значение термина «толковин» в «Слове…» считал, что в данном случае он прилагается к неславянским племенам, понимавшим славянский язык, следовательно, способным служить в качестве переводчиков.[320]

В целом же, обобщив все приведенные мнения о тиверцах-толковинах, можно предложить следующие выводы:

1. Племенное название «тиверцы», возможно, связано с древним иранским названием Днестра (*Turas*), главной реки местности, где проживали тиверцы. Не исключается, однако, и тюркское происхождение этого названия от сочетания *tiv-ar*, могущего быть тюркским соответствием слова «толковины».
2. Слово «толковины» следует понимать как «переводчики». Жившие по соседству с тюркскими племенами печенегов тиверцы могли быть переводчиками с тюркского языка.

Что же являло собой восточнославянское племя тиверцев в политическом плане? Известно, что непосредственными предшественниками Древнерусского государства являлись племенные княжения восточных славян. Они являлись сложными образованиями типа племенных союзов, территориальных и политических образований.[321] Племенные княжения были зародышевой формой государственности у восточных славян в период зарождения и начала становления у них раннефеодальных отношений. Из «Повести временных лет» нам известно, что в те времена, когда Киев еще не был «мати градом русьским», племенная, полупатриархальная-полуфеодальная знать правила в своих «землях», в своих «племенах».[322]

«Живяху кождо с родом с племенем своим».[323] Управляли этими племенами «всякое княжье», «светлые и великие князья».[324] Эти князья упоминаются еще в договорах Руси с Византией в X в.[325] Во

---

[320] Менгес К.Г. Восточные элементы…, с.147.
[321] Мавродин В.В. О племенных княжениях восточных славян, с.46.
[322] Там же, с.47.
[323] Повесть временных лет, с.13.
[324] Там же.
[325] Мавродин В.В. О племенных княжениях восточных славян, с.47.

вступительной части договора Руси и Византийской империи 911 г. говорится о послах великого князя Олега: «иже послали от Олега, великого князя рускаго, и от всех, иже суть под рукой его светлых и великих князь и его великих бояр».[326] Далее указано, что договор заключен «похотением наших великих князь и по повелению от всех иже суть под рукою его сущих Руси».[327] Несомненно, «светлые и великие князья», находящиеся «под рукой» Олега, стояли во главе восточнославянских племенных княжений. Послы представляли правителей этих княжений в совокупности. Нормы договора, следовательно, относились к населению всех таких владений.[328]

Анализ текстов договоров Руси и Византии в X в. позволяет проследить и процесс ликвидации обособленных племенных княжений, их слияния в едином Древнерусском государстве.

Договор 944 г. был заключен уже от имени «Игоря, великого князя русского и от всякоя княжья и от всех людей».[329] Здесь уже нет «великих и светлых князей», только «всякое княжье». В договоре же, подписанном Святославом в 971 г., ни о каких князьях речь не идет вообще. Упомянуты лишь «бояре и Русь вся».[330] Следовательно, в это время киевский князь единолично представлял всю русскую землю. Правителей племенных княжений в его окружении уже не было. В то время лишь хорваты (до 992 г.) и вятичи (до XI в.) сохраняли прежние племенные княжения.

Иная ситуация была в конце IX–первых десятилетиях X в. Она четко зафиксирована в письменных источниках. Русская летопись сообщает о тех временах, предшествовавших образованию Киевской Руси, когда существовали самостоятельные княжения «в полях» (земле полян), «в дровлях свое» (у древлян), «дреговичи свое» (у дреговичей), «а славени свое в Новгороде, а другое на Полоте, иже Полочане».[331]

Тиверцы в «Повести временных лет» упоминаются наряду с восточно-славянскими племенами, имевшими самостоятельные племенные княжения — древлянами, дреговичами, вятичами, хорватами. В числе подобных племен они фигурируют и у Баварского Географа. При перечислении древнерусских племен, участвовав-

[326] Повесть временных лет, с.25–26.

[327] Там же.

[328] Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья, с.103.

[329] Повесть временных лет, с.35.

[330] Там же, с.52.

[331] Там же, с.13.

ших в походе Олега на Византию, приведшем к заключению договора 911 г., тиверцы вновь упоминаются наряду с теми племенами, наличие племенных княжений у которых бесспорно: с хорватами, вятичами, древлянами и другими.[332] Правомерным отсюда представляется вывод, что среди «светлых и великих князей», от чьего имени наряду с великим князем киевским Олегом подписывался договор, должен был находиться и князь тиверцев. Важно и то, что в 885 г. тиверцы вели рать с Олегом вместе с уличами, имевшими сильное племенное княжение, долго оказывавшее сопротивление Киеву. Об этом речь пойдет ниже.

Перечисление тиверцев в числе других восточнославянских племен, имевших свои племенные княжества, их способность оказать серьезное вооруженное сопротивление Олегу в 885 г., что предполагает наличие единой военной племенной организации, позволяет сделать вывод о том, что и их «земля» являла собой племенное княжение, типичное для восточных славян в IX–X вв. Это мнение подтверждает и наличие у тиверцев большого количества укрепленных городищ — «градов», о которых сообщает и русская летопись, и Баварский Географ,[333] как уже упоминалось.

Наличие политической организации с появлением племенного княжения обеспечивало большую устойчивость территории, способствовало этническому сплочению племен Тиверской земли, появлению у тиверцев некоторых черт культурного своеобразия, выделявших их сравнительно с соседними другими восточнославянскими племенными объединениями, прежде всего хорватами. В домостроительстве у тиверцев распространились полуземлянки со стенами, обитыми деревянными плахами (у хорватов часто использовался для обивки плетень). Керамика с тиверских поселений отличается значительными примесями мелкого песка и слюды (у хорватов — речных ракушек), а погребальный обряд — захоронением остатков кремации в курганах, которые для хорватов были менее характерны. В тиверских курганах встречается каменная обкладка — кромлех — подобно, как и в антских. Отсюда можно сделать вывод об определенной исторической преемственности тиверцев антам, что является дополнительным свидетельством их автохтонности на территории между Восточными Карпатами и Днестром. Свои особенности имели и тиверские города, о коих мы знаем и из сообще-

[332] Повесть временных лет, с.23–24.

[333] Повесть временных лет, с.13–14; 20–21; Шафарик П.И. Славянские древности, с.68–74.

ния Баварского Географа, и из материалов исторических исследований. Тиверцы строили небольшие круглые или овальные укрепления, а хорваты — разнообразной конфигурации.[334]

Эти этнографические особенности тиверцев — тип жилища, керамика, погребения, форма укреплений — могли появиться только в условиях долговременного объединения, развившегося в самостоятельное племенное княжение. Также племенные княжения, по словам летописца, «творяще сами по себе закон».

В то же время общий облик культуры тиверцев сближал их с другими объединениями славянских племен, для которых была характерна культура типа Луки Райковецкой.

Лука Райковецкая — восточнославянская культура, датируемая VIII–X вв. Первые представления об этой культуре были получены на основании раскопок в урочище Лука у с. Райки близ Бердичева на Украине. Ареал распространения культуры Луки Райковецкой от Днестра на востоке до Карпат на западе, от Припяти на севере до Дуная и Черного моря на юге. Основные археологические признаки Луки Райковецкой (домостроительство, погребальный обряд, керамические комплексы) указывают на прямые генетические связи с предшествующей ей славянской же культурой Прага-Корчак (V–VII вв.). Это важное свидетельство того, что на территории между Днепром и Карпатами во второй половине I тыс. н.э. жило одно и то же восточнославянское население. Отличия культуры типа Луки Райковецкой от предшествующей было обусловлено более высоким уровнем социально-экономического развития населения.[335]

А как, собственно, выглядели те самые грады, которых, по словам русского летописца, «бе множество» у тиверцев, если все-таки положиться на точность сведений Баварского Географа, 148?

Как образец можно привести результаты археологических исследований у с. Ломачинц на правом берегу Днестра в Черновицкой области Украины.

Тиверское укрепление около с. Ломачинцы было возведено в IX в. недалеко от правого берега Днестра у места слияния его небольших притоков. Сооруженная прямо на поверхности высокого мыса деревянная стена из столбов, между которыми горизонтально закреплялись массивные плахи, ограждала овальную площадку длиной в 70 м и шириной около 40 м. Параллельно этой стене внутри шла другая, более легкой конструкции и более низкая. Пространство между ни-

[334] История Молдавской ССР. Т.I. Кишинев, 1987, с.220.

[335] Тимощук Б.А. Восточные славяне. От общины к городам, с.141.

ми было разделено поперечными стенами на клети, перекрытые деревянными плахами. Клети служили жилыми помещениями, но, видимо, лишь на время осады, так как лишены отопительных сооружений. Перекрытие клетей служило также боевой платформой для воинов, которые скрывались за палисадом более высокой и массивной наружной стены укрепления. Снаружи укрепление было опоясано рвом, а землю из него использовали для подсыпки земляного откоса перед внешней стеной. Рядом с укрепленным убежищем находилось поселение, которое вместе с ним составляло, по-видимому, один из общинных центров группы поселений.[336]

Общинный центр в Ломачинцах предшествовал появлению крепости. На рубеже IX–X вв. общинный центр был сожжен и на его месте была построена крепость, приспособленная для нужд княжеского военного гарнизона.[337] Как княжеская крепость ломачинское укрепление существовало до XII в.[338]

Каковы были пределы племенного княжения тиверцев? Судя по открытым археологами поселениям, относимым к тиверцам, занимаемая ими территория простиралась от гнезда поселений, общинным центром которых было Ломачинское городище на северо-западе, до общинного скопления поселений у сел Оланешты, Тудоровка на юго-западе — Нижнее Поднестровье, рубеж Молдавии и Одесской области Украины. Придунайские и приморские поселения тиверцев, упомянутые в русской летописи (приседяхо на Дунаеви…и до самого моря), пока археологически не обнаружены. На западе тиверские древности доходят до Восточных Карпат (Румыния), на востоке их предел — Днестр.

В целом племенное княжение тиверцев занимало современную территорию Молдавии и Запрутскую Молдову Румынии.

Имеются также данные, позволяющие предполагать, что тиверцы занимали и часть земель к востоку от Поднестровья. К такому выводу пришел В.В. Седов, опираясь на сообщение Ипатьевской летописи, где, в отличие от сообщения «Повести временных лет»: «уличи и тиверцы седяхо бо по Днестру, приседяху к Дунаеви», сказано: «Уличи и Тиверцы седяху по Бугу и по Днепру и приседяху к Дунаеви». (Днепр, по мнению В.В. Седова, назван ошибочно вместо Днестра.)[339] Также свидетельством проживания тиверцев в

---

[336] История Молдавской ССР, с.218.

[337] Тимощук Б.А. Восточные славяне. От общины к городам, с.183.

[338] Там же, с.184.

[339] Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. с.129.

Побужье В.В. Седов считает топоним Тивров на Южном Буге, южнее современной Винницы.[340]

Для уверенного отнесения к княжению тиверцев земель между Днестром и Южным Бугом данных этих, думается, недостаточно, но учитывать их необходимо.

Значение племенных княжений в истории Древней Руси исключительно велико. Именно эта форма протогосударственной жизни являла собой истоки древнерусской государственности.[341] Следовательно, существование племенного княжения тиверцев свидетельствует, что и у восточнославянского населения Днестровско-Карпатских земель в IX в. шел процесс формирования ранних форм древнерусской государственности.

Здесь неизбежно возникает вопрос: когда и как, при каких исторических обстоятельствах племенные княжения из эмбрионов государственности становятся собственно государством? Что историки должны считать рубежом этого?

Для славянских народов убедительное решение этого вопроса дал польский ученый Г. Ловмяньский.[342] С его мнением солидаризовались и отечественные историки-слависты.[343]

Г. Ловмяньский для определения грани перерастания племенных славянских образований в государственные проанализировал сообщения «Каролингских анналов», начиная с 40-х гг. IX в. о различных славянских общностях, граничащих с империей франков, а затем с государствами, образовавшимися после ее распада в 843 г. При рассказе о тех или иных конфликтах франков, затем немцев со славянами обычно говорится о войнах с сорбами, ободритами, богемцами без упоминания стоявших во главе их славянских князей. Исключение делается только для Великой Моравии. Здесь противниками называются не моравы как таковые, а их правители — князья Ростислав, затем Святополк. Сама Моравия по отношению к своему князю определяется как его государство. При заключении мирного договора главным его условием является обязательство не мораван, а их князя хранить верность императору и не нападать на его владения.[344]

---

[340] Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. с.129.

[341] Мавродин В.В. Племенные княжения восточных славян, с.55.

[342] Lowmianski H. Poszatki Polski. Warszawa, 1970, t.IV, s.236–262.

[343] Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982, с.85.

[344] Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982, с.85.

Из этих и иных подобных сообщений Г. Ловмяньский и сделал вывод, что сравнительно с соседними славянскими племенными княжествами Великая Моравия представляла собой политическое объединение более высокого уровня — раннефеодальное государственное образование. Здесь уже утверждаются представления о территории государства как собственности княжеского рода, формируется господствующий класс как совокупность вассалов монарха, его «верных».[345]

Таким образом, гранью, за которой племенное княжение перерастает в государство, является то время, с которого земли этого княжения рассматриваются не как собственность племени, но исключительно как владения определенного князя, его рода.

Подобный подход фактически применен был к древнерусской истории еще в XIX в. С.М. Соловьевым, который совершенно определенно именовал Киевскую Русь родовым владением Рюриковичей.[346]

Для восточных славян грань перехода от племенных княжений к государству, применяя методику Г. Ловмяньского и соглашаясь с определением Киевской Руси как собственности рода Рюриковичей, данным С.М. Соловьевым, лежит за летописным 862 г., когда Новгородская земля становится княжением Рюрика, а в Киеве утверждаются Аскольд и Дир. С этого времени летописцы ведут рассказ о важнейших событиях того времени, прежде всего называя имена князей, а не названия племен. Как верно подметил Н.Ф. Котляр, запись в «Повести временных лет» о политических событиях в Поднепровье, в бывшей Полянской земле гласит: «Иде Аскольд и Дир на греки», но не «идоша поляне на греки», как могло быть сказано о предшествующем времени.[347]

Если говорить о тиверцах, то об их правителях — князьях нам ничего не ведомо, как и о правителях остальных племенных княжений восточных славян. Здесь исключение — Кий, Щек, Хорив и сестра их Лыбедь, правившие в земле полян с 854 г., чьими преемниками и были варяжские правители Киева Аскольд и Дир.

Следовательно, тиверцы, подобно прочим племенным княжениям восточных славян, только подходили к той грани, за которой начинались уже древнерусская государственность. Государствен-

---

[345] Там же, с.86.

[346] Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1989, с.185.

[347] Котляр Н.Ф. О социальной сущности Древнерусского государства IX–первой половины X вв. — Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993. М., 1995, с.41.

ные же отношения здесь смогли утвердиться только после включения племенного княжения тиверцев в орбиту Киевской Руси.

Каков же был характер общественных отношений в племенном княжении тиверцев накануне их включения в государственную орбиту Киевской Руси?

В VIII–IX вв. у восточнославянского населения Днестровско-Карпатских земель шел процесс перехода от семейной общины, характерной для родового строя, через патронимию к общине территориальной.[348] Патронимия являла собой историческую общественную форму, свойственную патриархально-родовому строю. «Она представляла собой группу семей, больших или малых, образовавшихся в результате разрастания и сегментации одной патриархальной семейной общины, сохраняющих в той или иной мере и форме хозяйственное, общественное и идеологическое единство».[349]

Археологически патронимия определяется следующим образом: поселения занимают большую площадь — до нескольких десятков гектаров; они расположены изолированно, в большой отдаленности от других поселений; на поселениях сочетаются хозяйственные и жилищные постройки; численность населения патронимии — несколько сот человек.

Все перечисленные признаки патронимии прослеживаются на славянских поселениях Днестровско-Карпатского региона VI–VII вв.[350] Славянские поселения этого времени существовали в виде близко расположенных групп (от 3 до 10), близко расположенных поселков. Каждое такое гнездо вполне отвечало признакам, характерным для патронии.[351]

В дальнейшем, в VIII–IX вв., в связи с ослаблением родственных связей между отдельными поселениями эти гнезда постепенно превращались в территориальные сельские общины.[352]

Период формирования у восточнославянского населения территориальных сельских общин был временем активного накопления необходимых предпосылок для зарождения и становления сословно-классового общества. В соседско-большесемейных общинах этого времени постепенно начали внедрять паровую систему земледелия и стойловое содержание скота.[353] Тогда же шел процесс

---

[348] Рафалович И.А. Славяне VI–IX вв. в Молдавии. Кишинев, 1972, с.233.
[349] Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М., 1963, с.99–100.
[350] Рафалович И.А. Указ.изд., с.232.
[351] Там же.
[352] Там же.
[353] Тимощук Б.А. Восточные славяне. От общины к городам, с.237.

обособления патриархальных семей, а вслед за этим и выделение малых (неразделенных и моногамных) индивидуальных семей. Наиболее развитые общины начали сооружать городища-святилища, нормальное функционирование которых обеспечивалось служителями языческого культа.[354]

Очень важным показателем роста уровня общественных отношений у восточнославянского населения в VIII–IX вв. является появление новых общинных центров, имеющих административно-хозяйственные и надобщинные функции. Для этого периода можно выделить общинные центры четырех уровней:

а) большесемейные, не имевшие своих укреплений;
б) укрепленные убежища;
в) административно-хозяйственные, на укрепленных площадках которых располагались усадьбы общинной знати;
г) надобщинные-племенные, возглавлявшие племенные княжения и состоящие из поселков знати и дружинников, а также ремесленников.

Эти центры сложились вследствие подчинения себе других, более слабых общин.[355]

В Днестровско-Карпатских землях процесс образования территориальных общин в VIII–IX вв. происходил следующим образом: группы-гнезда жилищ, каждой из которых соответствуют патронимы, продолжают существовать в составе территориальной общины — единой сельской округи.[356] Именно такая сельская округа соотносится с летописным «родом» у восточных славян.[357]

В период складывания соседских территориальных общин у восточных славян несколько больших семей, живущих в пределах большого селения или в разных местах по соседству друг с другом, составляли так называемую древнерусскую «ветвь» — территориальную общину.[358]

В территориальных общинах восточнославянского населения Днестровско-Карпатских земель VIII–IX вв. появляются крупные производственные комплексы, масштаб производства которых перерастал потребности одного поселения. Производственные и хозяйственные комплексы на поселениях, в отличие от периода VI–VII вв., топо-

---

[354] Тимощук Б.А. Восточные славяне. От общины к городам, с.238.
[355] Там же, с.238.
[356] Рафалович И.А. Славяне VI–IX вв…, с.232.
[357] Щапов Я.Н. Большая и малая семьи на Руси в VIII–XIII вв. — Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972, с.181–186.
[358] Третьяков Н.Н. Восточно-славянские племена. М. 1953, с.177.

графически связываются с определенной группой жилищ или отдельными жилищами на поселении. Возникают ремесленные центры, связанные с одной определенной отраслью, — ремесленные поселки, что является показателем развития новых социальных отношений, основанных на разделении труда и классовом неравенстве.[359]

У восточных славян Днестровско-Карпатского региона в VIII–IX вв. произошел распад родовых общин, приведший к группировке хозяйственно-самостоятельных семей на основе принципа соседства. Образовывались территориальные соседские общины, способные выдержать тяжесть классовой организации общества.[360]

Постепенное выделение из родовой собственности семейной и личной вело к ликвидации родового равенства, способствовало неравномерному накоплению прибавочного продукта в разных семьях. Результатом этого был рост имущественного неравенства, зарождение классовых отношений.

Центрами больших территориальных общин восточнославянских поселений Днестровско-Карпатских земель и являлись те самые *civitas* — укрепленные центры, грады тиверцев, о которых писал Баварский Географ. Наличие таковых, их многочисленность (148) свидетельствуют о начале становления у тиверцев в IX в. классовых, раннефеодальных отношений, вследствие чего и сформировалось племенное княжение тиверцев.

Это был закономерный процесс прогрессивного развития славянского общества региона. Отдельные соседские общины — марки, восточно-славянские «верви», или же «миры», состоявшие из нескольких родовых коллективов, в свою очередь объединялись в племена или земли.[361] Одной из таких земель восточных славян и было племенное княжение тиверцев.

В племенных княжениях восточных славян в IX в. начинается процесс перерастания местной племенной верхушки в феодальную знать.[362] Во главе территориальных сельских общин стоят так называемые «нарочитые мужи», «лучшие мужи», «старцы». В Днестровско-Карпатских землях грады тиверцев и были местами пребывания этих представителей феодализирующейся знати.

В племенных княжениях появляется определенная система обложения населения в пользу своих племенных «нарочитых» и

---

[359] Рафалович И.А. Славяне VI–IX вв…, с.234.

[360] Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества, с.245.

[361] Там же, с.246.

[362] Мавродин В.В. О племенных княжениях восточных славян, с.52.

«лучших мужей».[363] Она известна по «Повести временных лет». Собирали «по беле и веверице от дыма», «по черне куне», «по шелягу от рала».[364]

Важно то, что такая система была в основном единой во всех восточнославянских землях от Ладоги до Северного Причерноморья. На севере эту систему поборов в своих интересах использовали одно время норманны, на юге — хазары.[365] Отсюда обоснованным представляется вывод, что и в племенном княжении тиверцев в Поднестровье существовала сходная система обложения поборами населения в пользу местной знати. Причем «нарочитые» мужи из тиверцев находились в лучшем положении сравнительно со знатью новгородских словен, вынужденных периодически откупаться от заморских гостей — норманн — варягов, а также полян, северян и радимичей, плативших дань хазарам, от которой они освободились лишь после утверждения Олега в Киеве и образования Древнерусского государства.

Говоря о процессе формирования племенных княжений восточных славян, следует подчеркнуть, что распад родовых связей не только не ослаблял, но, скорее, укреплял связи между соседскими общинами — «вервями», делая все более прочной и реальной власть племенных князей.[366] В этот период «создавались возможности и потребности объединения отдельных племен в союзы, достигавшие иногда значительных размеров и силы».[367]

Структура племенных княжений восточных славян была многоступенчатой: родовые общины объединялись в «верви», или же «миры», совокупность «вервей» являла собой племя. Племенное княжение могло быть создано либо одним многочисленным племенем, либо союзом нескольких небольших племен.

Основой же владычества «светлых князей», возглавлявших эти княжения и опиравшихся на «нарочитых» и «лучших» мужей, была дружинная организация. Дружинники окружают правителей племенных княжений, разделяя все их интересы. С ними князь советовался по вопросам войны и мира, организации сбора дани, суда, административного управления. Дружинники разъезжали по поручению князя на его земле, творя суд и расправу, собирая дань.[368]

---

[363] Мавродин В.В. О племенных княжениях восточных славян, с.52.
[364] Повесть временных лет, с.18, 20, 47.
[365] Мавродин В.В. Указ. соч., там же.
[366] Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества, с.249.
[367] Там же.
[368] Мавродин В.В. Племенные княжения восточных славян, с.52.

Поскольку тиверцы представляли собой незаурядную в военном отношении силу, следует полагать, что их «великие» и «светлые» князья располагали большим для того времени числом дружинников. Об этом же свидетельствует и способность тиверцев участвовать в больших общерусских походах на Византию в 907–911 гг. и 943–944 гг.

Местами проживания дружинников могли быть укрепленные городища — грады тиверцев.

Итак, в VIII–IX вв. в Днестровско-Карпатских землях сформировалось племенное княжение восточных славян — тиверцев, что явилось следствием распада у населения региона родовых и началом становления раннефеодальных отношений.

Сходные процессы происходили и в той части региона, которая входила в состав племенного княжения хорватов. На территории Северной Буковины древнерусские поселения VIII–IX вв. обнаружены более чем в 150 пунктах.[369] Из них 37 представляли собой городища — общинные центры,[370] т.е. центры территориальных общин — «вервей».

Особой проблемой в истории Днестровско-Карпатских земель в X в. является вопрос о приморских и нижнедунайских поселениях древнерусского населения, о которых упоминает Нестор. Б.А. Рыбаков высказал мнение о том, что земли низовий Дуная и Северной Добруджии (до совр. Констанцы на юге) были в X в. населены древнерусским населением и представляли собой тот самый «остров руссов», со стотысячным населением, о котором сообщают персидские и арабские средневековые авторы X в. (Ибн-Русте, Гардизи, Ал-Мукаддасси).[371]

Вот что пишет об острове руссов Ибн-Русте (ок. 903 г.): «А что касается руссов, то они — на острове, вокруг него — озеро. Остров, на котором они живут, пространство три дня пути; там чащобы и заросли; остров нездоровый, сырой». Сообщение Гардизи: «Рус — это остров, который лежит в море. И этот остров — три дня пути на три дня пути и весь в деревьях. И леса и земли его имеют много влаги… На острове живет около 100 000 человек».

У Ал-Мукаддасси есть краткое известие, что «остров-крепость для руссов против тех, кто посягает на них».[372]

---

[369] Русанова И.П., Тимощук Б.А. Древнерусское Поднестровье…, с.37.

[370] Тимощук Б.А. Общинный строй восточных славян…, с.16.

[371] Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества, с.343.

[372] Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т.II. М., 1967, с.73; Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества, с.342–343.

Проанализировав их известия о том, что размеры острова три дня на три дня пути (приблизительно 100×100 км), остров нездоровый и сырой, много влаги, на острове живет 100 тысяч человек, Б.А. Рыбаков приходит к выводу, что этим условиям более всего удовлетворяет пространство между Черным морем и нижним течением Дуная, ограниченное с севера дельтой Дуная (включительно); а с юга озерами по линии Чернаводы-Констанца. Размеры данного острова 105×75 км (в среднем дает 3 на 3 дня пути). Болотистость этой территории также не подлежит сомнению. Общее пространство «острова» около 10 тыс. кв. км. также позволяло ему иметь стотысячное население.[373]

Какая же ветвь «руссов» могла населять этот «остров», если согласиться с Б.А. Рыбаковым, что низовья Дуная и северная часть Добруджи и есть тот самый «остров руссов» восточных источников X в.?

Б.А. Рыбаков считает, что основным населением «острова руссов» были уличи, коих он видит в руссах-«лудаана», живущих на берегу Черного моря и упомянутых у Масуди.[374] По его мнению, уличи переселились на эти земли в конце IX в., когда быстрое продвижение венгров оттеснило часть уличей с занимаемых ими земель по Южному Бугу и Днепру, где известен главный город уличей Пересечен, другая же часть ушла к Дунаю и заняла «остров руссов».[375] В пользу этого мнения Б.А. Рыбаков приводит ссылки на «Повесть временных лет», где уличи упомянуты в 885 г. вместе с тиверцами, а далее в 907 и 943 гг. речь идет только о тиверцах. Прекращение упоминаний об уличах Б.А. Рыбаков считает следствием их переселения на Дунай.[376] Данное мнение Б.А. Рыбакова вызывает ряд возражений.

В летописи сказано, «уличи и тиверцы… приседяхо ко Дунаевы»,[377] т.е. их поселения только прилегали к северному берегу Нижнего Дуная, а отнюдь не располагались к югу от него на добрую сотню верст. Важно и то, что Константин Багрянородный в своем трактате, написанном в середине X в., помещает уличей (ультинов), называя их среди народов, подплатежных Руси (Киеву),

---

[373] Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т.II. М., 1967, с.78; Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества, с.342–343.

[374] Рыбаков Б.А. Указ.раб., с.348.

[375] Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества, с.353.

[376] Там же, с.354.

[377] Повесть временных лет, с.147.

рядом с древлянами, жившими достаточно далеко от Нижнего Дуная — к западу от земли полян — Киевщины.[378] Никаких летописных данных об уходе части восточнославянского населения на Дунай и даже за Дунай под давлением венгров нет. Кроме того, уход уличей из Побужья на земли Нижнего Подунавья во время движения венгров через степи Северного Причерноморья маловероятен. Разумен был бы их отход от опасных степных рубежей в более защищенные от кочевников лесные районы, но никак не бросок через всю степь на Дунай, как раз наперерез движению венгров.

Важно и то, что уличи отнюдь не исчезают из русской летописи. В правление Игоря (912–945 гг.) они продолжали оказывать упорное сопротивление великокняжеской власти. Лишь в 940 г. воевода Игоря Свенельд овладел главным городом уличей Пересеченом на Днепре.[379] Сам Б.А. Рыбаков отмечает, что Пересечен был взят после трехлетней осады.[380] Такое долгое сопротивление Киеву могло оказывать только многочисленное племя. Следовательно, масса уличского населения в первой половине X в. продолжала жить между Южным Бугом и Днепром. Лишь после похода Свенельда следует считать возможным перемещение уличей из Приднепровья на юго-запад к Днестру, где уже проживали тиверцы. Об этом прямо свидетельствует сообщение древнейшего свода русских летописей, отрывки которого сохранились в Новгородской летописи, относящееся к середине X в.: «И бежа седяще уличи по Днепру вънизъ, и по сем преидоша межю Буг и Днестр, и седаша тама».[381]

Описанная летописью миграция уличей в Побужье, возможно, подтверждается археологическими материалами. Там в X столетии возникает множество городищ.[382] В X–XI вв. увеличивается в Побужье также число селищ.

Переселение уличей из Поднепровья в Побужье и Поднестровье произошло после того, как «Игорь же седяше княжа Киеве, мир имея к всем странам, а с уличи и с древляны имеши рать. И бе у него воевода именем Свенельд, и примучи уличи, и возложи на ня дань и въдаст Свенельду. И не вдадяшеться един град, именем Пересечен; и седе около его три лета и едва взя».[383]

---

[378] Константин Багрянородный, с.297.
[379] Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества, с.347.
[380] Там же.
[381] Шахматов А.А. Повесть временных лет. Пг. 1919, с.373.
[382] Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв., с.132.
[383] Шахматов А.А. Повесть временных лет. Пг. 1919, с.373.

Отсутствие упоминания уличей в составе общерусского войска под предводительством Олега в походе на Византию в 907 г. следует скорее объяснить их независимостью от Киева, которую не смогла преодолеть «рать» Олега против них в 885 г. Независимость уличей была сломлена лишь к сороковым годам X в. Полный разгром их, сожжение Пересечена могли привести к тому, что, несмотря на их подчинение Киеву, самостоятельных воинских соединений в 943 г. из числа уличей в войске Игоря не было.

Исходя из вышеизложенного, не представляется возможным согласиться с мнением Б.А. Рыбакова о переселении в конце IX в. уличей в Низовья Дуная и Добруджу. Что же касается «острова руссов», под которым Б.А. Рыбаков понимал Добруджу, то представляется маловероятным существование на этой территории сколь-либо автономного объединения группы восточнославянского населения. В правление Симеона (893–924 гг.) Болгария прочно владеет этой территорией, обеспечив нейтралитет печенегов и Древней Руси.[384] Под властью Болгарии эти земли были вплоть до походов Святослава в 968–971 гг. После же поражения Святослава в войне с Византией (971 г.) северо-восточная территория Болгарии была аннексирована Византийской империей.[385] Владимир, совершив поход на «низовских болгар» в 985 г., смог только подтвердить политическое господство Руси на землях к северу от Дуная. К югу, в Добрудже, были уже владения Византии.

Полностью противоречат мнению о древнерусском населении в низовьях Дуная и в Добрудже в конце IX и в X вв. данные археологических исследований. Именно в конце IX–начале X вв. в правление царя Болгарии Симеона на Нижнем Дунае и на степном юге Пруто-Днестровского междуречья общеславянская лепная керамика меняется гончарной керамикой, типичной для болгар X в.[386] На правобережье Дуная, в Добрудже, болгарская археологическая культура в этот период господствует безраздельно.[387] Балкано-Дунайская культура — культура Первого Болгарского царства — носила выраженный южнославянский характер. Она не могла при-

---

[384] Тънкова-Заимова В. Долни Дунав — гранична зсиа на византийски Запад. — София, 1976, с.35–45; Раннефеодальные государства на Балканах VI–XII вв. М., 1985, с.296.

[385] Раннефеодальные государства на Балканах…, с.297.

[386] Чеботаренко Г.Ф. Материальная культура Первого Болгарского царства в Пруто-Днестровском междуречье, с.22.

[387] Там же.

надлежать восточнославянскому племени уличей. Если бы действительно часть уличей и влилась в состав населения Нижнего Подунавья Добруджи, то это не могло бы не оставить соответствующих восточнославянской культуре материальных памятников. Мы же наблюдаем совершенно обратную картину — упрочение позиций южнославянской материальной культуры.

О наличии в середине X в. болгарской администрации в Добрудже свидетельствует и древнейшая кириллическая надпись 943 г., найденная в 1950 г. румынским археологом Евгением Комшей близ современной станции Мирча-Водэ у Чернаводы в том месте, где Чернаводские озера подходят к Дунаю.[388] Надпись сохранилась частично: «грецихъ… в лето 6451 (943)… Дмитрия… жупане…» Поскольку киевский князь Игорь, как сообщает «Повесть временных лет», именно в этом году «пойде… на греки», то реально, что в надписи было отмечено именно это событие.[389] Жупан Дмитрий (по-южнославянски жупан — князь, правитель области, военноначальник), судя по всему, представитель болгарской администрации на Нижнем Дунае, в Добрудже.[390]

Наличие болгарской администрации, как отмечает Б.А. Рыбаков, конечно, не исключает хороших отношений этой области с Русью.[391] Возможно даже, что жупан Дмитрий был болгарским союзником Игоря.[392] Однако никак не представляется возможным увязать наличие болгарской администрации с существованием некоего автономного «острова руссов» на этой территории.

Итак, никак нельзя признать убедительным мнение Б.А. Рыбакова о наличии в X в. в низовьях Дуная и Северной Добрудже, «острова руссов», основу населения которого составляли восточные славяне — уличи. В этот период здесь господствовало Первое Болгарское царство, область управлялась представителем болгарской администрации — жупаном, и в ней была распространена материальная культура южнославянского населения. Прекращается же существование культуры Первого Болгарского царства в Нижнем Подунавье в основном в результате войн Святослава на Дунае.

---

[388] Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. Археология Румынии, с.320; Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества, с.354.

[389] Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. Археология Румынии, с.320; Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества, с.354.

[390] Рыбаков Б.А. Указ.раб., с.356.

[391] Рыбаков Б.А. Киевская Русь…, с.356.

[392] Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. Археология Румынии, с.320.

С начала XI в. земли к югу от Дуная отходят к Византии, к северу после 985 г. устанавливается политическое господство Руси. В степных районах Нижнего Поднестровья и Подунавья в это же время появляются печенеги.

Что же касается древнерусского населения Нижнего Подунавья, то таковое, несомненно, в X и XI вв. там присутствовало, несмотря на господство в степях Северного Причерноморья вплоть до берегов Дуная кочевников. Не случайно ведь в «Повести временных лет» говорится о градах тиверцев, как о явлении, современном для летописца. Значит, и в начале XII в. древнейшие грады на Днестре, Дунае и «до самого моря», безусловно, присутствовали. Помимо потомков тиверцев среди обитателей таковых должны были быть и потомки уличей. Но это все земли к северу от Дуная, а не Добруджа, как у Б.А. Рыбакова.

Соседство кочевников, однако, безопасности русским жителям земель к северу от дельты Дуная не прибавляло. Не по этой ли причине Требовльский князе Василько Ростиславич в конце XI в. предлагал переселить русских обитателей Нижнего Подунавья на север, в свои владения в Карпатской Руси?[393]

Полного переселения, однако, не произошло, если таковое и состоялось при Василько Ростиславиче. В XII столетии не раз еще будут в летописи упомянуты придунайские грады, где будут появляться и русские посадники при Владимире Мономахе,[394] и русские князья-изгои, такие как Иван Ростиславич Берладник.[395]

Но все же фактор господства в степях кочевых народов скажется решающим образом на влиянии Древней Руси в Северо-Западном Причерноморье и Нижнем Подунавье, решительно таковое ослабив.

Возвращаясь к историческим судьбам уличей, необходимо отметить, что ареал их проживания до настоящего времени далеко не бесспорен, потому что ничего археологически специфического, что можно было бы уверенно связать с улическим племенем, в Поднепровье и Побужье до настоящего времени не обнаружено.[396] Поэтому очертить территорию племенного княжения уличей по археологическим данным нельзя.[397] Памятники славянского насе-

---

[393] ПСРЛ, I, стб.215.
[394] ПСРЛ, II, стб.283.
[395] ПСРЛ, II, стб.497.
[396] Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв., с.132.
[397] Там же.

ления Среднего Приднестровья, бассейна реки Тясмин увязываются с уличами прежде всего потому, что найдены на территории, где согласно летописи уличи и проживали.

После 943 г., войдя в состав Киевской Руси, уличи, должно быть, потеряли свою племенную самостоятельность. Последовавшая затем миграция значительной части их в Побужье и Поднестровье, где они смешались с местным восточнославянским населением, способствовала в конечном итоге полному исчезновению особенностей уличей.[398]

Теперь вернемся к тому самому «острову руссов», который напрасно Б.А. Рыбаков перенес в болота Добруджи. Надо сказать, что попытки отождествлять этот загадочный «остров» с континентальной территорией в исторической науке были неоднократны. Еще А.А. Шахматов и С.Ф. Платонов сделали попытку истолковать арабские свидетельства в применении к Новгородскому району пути «из Варяг в Греки». Платонов отыскал место, по его мнению, стратегически защищенное системой речек на юго-восток от Старой Руси, между реками Редьей и Ловатью, пространство в три дня пути в окружности.

А.В. Карташев, справедливо по этому поводу С.Ф. Платонову возражавший, писал так: «Конечно, арабы-купцы могли проходить и здесь в своих странствиях до Скандинавии. Но весь географический и этнографический антураж, среди которого арабские писатели упоминают о руссах, никак не подходит к Новгородчине. Приходится упоминать об этой натянутой гипотезе только ради крупных имен наших ученых».[399]

Сам А.В. Карташев «остров руссов» полагал полуостровом. Точнее, Таманским полуостровом на Северо-Западном Кавказе. Мнение свое он аргументировал следующим образом:

Во-первых, болотистая местность и нездоровый климат «острова руссов» совпадает с аналогичными близ Тамани.

Во-вторых, «Ибн-Даста, писавший в первых годах X века, определяет остров, на котором жили Руссы, как расположенный недалеко от Хазерана (Хазария) и страны Болгар, бывшей тогда приблизительно на территории областей — Донской и Кубанской. По словам Ибн-Даста, к хазарам и болгарам, как к соседям, Руссы сбывали добычу от своих постоянных грабежей. Это указание со-

[398] Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. с.132.

[399] Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. М., 1992, с.57.

гласуется с географическим положением «русской» Таматархи»[400] (Тьмутаракани, Тамани — И.К.).

Мнение А.В. Карташева также вызывает сразу ряд возражений.

Вернемся к самому тексту Ибн-Русте (Ибн-Даста у А.В. Карташева) и на сей раз приведем его полностью: «Что касается до Руси, то находится она на острове, окруженном озером. Окружность этого острова, на котором живут они (руссы), равняется трем дням пути; покрыт он лесами и болотами; нездоров, сыр до того, что стоит наступить ногой на землю, и она уже трясется по причине обилия в ней воды. Русь имеет царя, который зовется Хакан-Русь. Они производят набеги на славян, подъезжают к ним на кораблях, выходят на берег и полонят народ, который отправляют потом в Хазеран и к болгарам и продают там. Пашен Русь не имеет, а питается лишь тем, что добывает в земле славян».[401]

Ибн-Русте буквально вторит Ал-Мукаддасси: «Что касается руссов, то они живут на острове нездоровом, окруженном озером. И это крепость, защищающая их от нападений. Общая численность их достигает 100 000 человек. И нет у них пашен и скота. Страна их граничит со страною славян, и они нападают на последних, поедают (и расхищают) их добро и захватывают их в плен».[402]

Из этих текстов следует, что соседями острова руссов являются славяне, а не болгары и хазары, с коими руссы только торгуют, пусть и людьми. Далее, едва ли можно понимать в начале X в. под землей болгар в арабских источниках Великую (Черную) Болгарию, бывшую в Прикубанье до последней четверти VII в. В IX–X вв. арабы знали прежде всего мусульманскую волжско-камкую Болгарию. Потому болгар, торговавших с руссами, следует искать на Волге и Каме, но не на Кубани.

Наконец, Ибн-Русте уж больно определенно говорит об острове, окруженном водным пространством, а никак не о полуострове. Нельзя не согласиться с Н.С. Трухачевым, что анонимность этого озера-моря значительно более подходит к Балтийскому морю, нежели к хорошо известным мусульманам Азовскому и Черному морям, которым арабские и персидские авторы всегда давали определенные названия, пусть даже и разные.[403] Именно Н.С. Трухачев и

---

[400] Карташев А.В. Ук. соч., с.56–57.

[401] Древнейшие государства на территории СССР. 1980. М., 1981, с.168.

[402] Там же.

[403] Трухачев Н.С. Попытка локализации прибалтийской Руси на основании сообщений современников в западноевропейских и арабских источниках X–XIII вв. — Древнейшие государства на территории СССР. М., 1981, с.168–169.

дал, пожалуй, наиболее четкий и ясный положительный ответ о местонахождении «острова руссов» в исторической действительности. Таковым был населенный балто-славянами остров Руяна в Балтийском море, современный остров Рюген, принадлежащий Германии.

Аргументация Трухачева следующая:

1. Описанные в источниках ландшафт и климат «острова руссов» просто идеально подходят к острову Рюген. То же самое можно сказать и о масштабах острова.
2. Свидетельства Ибн-Русте и Ал-Мукаддасси о том, что руссы на острове своих пашен не имеют, несомненно, приложимо к славянскому населению Рюгена того времени. Даже в XIII в. славяне Рюгена больше занимались скотоводством, рыбной ловлей, охотой, чем земледелием.
3. Свидетельство Ал-Мукаддасси о стотысячном населении «острова руссов» также совпадает с имеющимися данными о численности славян на Руяне в раннем средневековье. По сообщению Саксона Грамматика общее число защитников Руяны во время войны с датчанами составляло минимум 14 тысяч человек. Следовательно, в 1168 г., когда и случилась эта война, население Руяны (Рюгена) было никак не меньше 70 тысяч человек.
4. Ал-Мукаддасси прямо говорит об «острове руссов» как о «крепости», защищающей их (руссов) от нападений. Такое определение никак не может относиться ни к Таманскому полуострову, ни, тем более, к Добрудже. Зато о Рюгене как о крепости совершенно определенно свидетельствуют средневековые немецкие хронисты, современники славянской Руяны. Это и Саксон Грамматик, и Гельмольд. На Руяне были мощные крепости — Аркона Корениса. Да и «вообще остров представляет собой как бы крепость, созданную самой природой».[404]

Следовательно, Руяна-Рюген и есть «остров руссов», описанный мусульманскими историками начала X в. Исторические связи «острова руссов» Руяны с Новгородско-Киевской Русью подробнейше исследованы А.Г. Кузьминым.[405]

Итак, не стоит искать «остров руссов» близ Днестровско-Карпатских земель.

Если говорить о «загадках» Нижнего Подунавья времени похода туда Игоря, то надо вспомнить и неких «черных болгар», в до-

---

[404] Там же, с.168–174.

[405] Кузьмин А.Г. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море. — Вопросы истории. 1970, №10; Кузьмин А.Г. «Откуда есть пошла Русская земля?» М., 1987.

говоре Руси с Византией упомянутых: «Князь Русский да не пускает Черных Болгаров воевать в стране Херсонской».[406] Эту строку договора Карамзин прокомментировал так: «Черною называлась Болгария Дунайская, в отношении к древнему отечеству Болгаров».[407]

О Черной Булгарии близ Меотидского (Азовского) моря сообщает Константин Багрянородный.[408] Собственно, так продолжала и в X в. называться византийцами земля, где некогда в VII в. находилась могучая Великая Болгария хана Кубрата. Тождество понятий Черная и Великая в данном случае вытекает из особенностей семантики цветообозначений в тюркских языках. «Черный» и означало «великий». Это характерно для самых разных тюркских народов необъятных просторов Евразии.[409]

Но вот можно ли этот термин переносить на болгар, уже не в Приазовье живущих, а в Подунавье? В данном случае, согласно временно-пространственным представлениям византийцев, речь никак не может идти об обитателях Подунавья. И ключ здесь вовсе не слово «болгары» как этноним, но само историко-географическое понятие «Черная Болгария», закрепившееся как название за приазовскими и нижнекубанскими землями на долгие столетия у византийцев. В «черных болгарах» надо видеть не болгар как таковых, но обитателей территории все еще именуемой Черной Болгарией. А это были вовсе не болгары.

Дунайских болгар очень сложно представить в роли обидчиков «страны Херсонской», т.е. крымских владений Византии. Обитатели Нижнего Подунавья никогда грозой для Херсонеса Таврического (византийского Херсона) не были. Кстати, географически ближе всех болгар к Крыму были как раз жители южной части Днестровско-Карпатских земель, входившей тогда еще в состав Первого Болгарского царства. Впрочем, связи у болгар с херсонистами могли быть, но о войнах между ними нам ничего не известно. Но вот если под «черными болгарами» понимать обитателей Северо-Западного Кавказа, где некогда и была Великая Болгария, то таковыми окажутся не болгары, а русские. Русские, создавшие в тех местах свое самое удаленное от основного массива Киевской Руси

---

[406] Карамзин Н.М. История государства Российского. Т.1, с.116.

[407] Там же, с.116.

[408] Константин Багрянородный. Об управлении империей. — Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982, с.301.

[409] Кононов А.Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках. — Тюркологический сборник. 1975. М., 1978, с.176.

княжество — Тьмутараканское. Оно признало за собою власть киевского князя Святослава в 967 г., но, похоже, существовало и много ранее. Ведь в 913 г., по данным Масуди, руссы собрали свой флот из 500 кораблей как раз в Керченском проливе.[410] И уже оттуда шли по Дону и Волге на Каспий. Тем же путем руссы шли на Каспий в 943 г.[411] Значит Тьмутараканское княжество было исходной базой русских походов на Каспий в 913 и 943 гг. Обладая немалой силой в военном отношении, оно как раз и могло воевать с византийцами в Крыму, где, кстати, границы ромейских владений и Тьмутараканских соприкасались.

Включая в договор с Игорем пункт о «черных болгарах», византийцы, очевидно, рассчитывали, что русский князь сумеет воздействовать на своих единоплеменников в Приазовье. А дорогу в Черную Болгарию, по сведениям Константина Багрянородного, русские знали отменно.[412]

Итак, в «черных болгарах», упомянутых в договоре Руси и Византии 944 г. и коих русский князь Игорь должен был уговорить не нападать на византийские владения в Крыму, скорее всего должно видеть русских жителей Приазовья. Там в X в. уже существовало самое отдаленное русское княжество — Тьмутараканское, бывшее непосредственным соседом с востока крымских земель, подвластных Византии, где главным городом был Херсон — Херсонес Таврический античной эпохи. Рубежи Тьмутараканского княжества в значительной степени включали как раз бывшие владения Черной (Великой) Болгарии.

Теперь надо вернуться к древнерусскому населению Днестровско-Карпатских земель. В следующей главе речь пойдет о древнерусских поселениях в регионе X–XI вв. и об особенностях генезиса и развития там феодальных отношений.

---

[410] Сказания мусульманских писателей о славянах и руссах, с.130–134.

[411] Плетнева С.А. Хазары, с.66.

[412] Константин Багрянородный. Об управлении империей, с.301.

Глава 3. ОСОБЕННОСТИ ГЕНЕЗИСА И РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ФЕОДАЛИЗМА В РЕГИОНЕ. ДРЕВНЕРУССКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ДНЕСТРОВСКО-КАРПАТСКИХ ЗЕМЕЛЬ В X–XI ВВ.

С подчинением в конце IX в. племенного княжения тиверцев власти киевских князей значительная часть Днестровско-Карпатских земель оказалась в орбите формирующегося древнерусского государства — Киевской Руси. Пребывание в начале сороковых годов X в. войск Игоря на Нижнем Дунае, войны Святослава с Болгарией и Византией в Подунавье и на Балканах, во время которых у него возникала даже мысль о переносе княжеской резиденции в Переяславец на Дунае, свидетельствуют о том, что Русь настойчиво стремилась стать господствующей силой и в Нижнем Подунавье, распространив свое господство и на нижнедунайские славянские поселения. После окончательного утверждения Руси на Дунае в результате походов Святослава в 968–971 гг. и Владимира в 985 г. и присоединения к Руси в 992 г. племенного княжения Хорватов, в состав которого входила территория Северной Буковины, все Днестровско-Карпатские земли оказались в составе Киевской Руси.

Как же шел процесс государственного освоения этих территорий Киевской Русью? Каковы были особенности становления феодальных отношений в регионе в этот период истории?

Для правильного решения этих вопросов необходимо предварительно рассмотреть особенности политического и социального развития Киевской Руси в X в., специфику освоения вновь включенных в ее состав земель великокняжеской властью. Процесс государственного освоения Киевской Русью земель племенных княжений восточнославянского населения выражался прежде всего в строительстве так называемых «княжеских крепостей», заселявшихся княжескими дружинами, и обложением местного населения регулярной данью. Новые княжеские крепости являлись опорными пунктами для сбора дани с подвластного населения.[413]

[413] Русанова И.П., Тимощук Б.А. Древнерусское Поднестровье, с.50.

Право же сбора дани было подчинено верховной прерогативе киевского князя. По мере вхождения племен восточных славян в Древнерусское государство функции сбора регулярной дани переходили от местной племенной знати к великому князю киевскому и его мужам (дружинникам).[414] Первоначально местная племенная знать была как бы промежуточным звеном между местным населением и великим князем, выезжавшим на полюдье.[415] Таким образом, местная знать постепенно интегрировалась благодаря включению ее в систему государственного управления в состав господствующего класса Киевской Руси.[416] По мере этой интеграции сбор дани полностью перешел в руки «княжих мужей» — дружинников великих князей киевских.

Процесс сбора дани был описан византийским императором-историком Константином Багрянородным: «Зимний же и суровый образ жизни россов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киева и отправляются в полюдия, что именуется «кружением», а именно — в Славинии Вервианов (древлян), другувитов (дреговичей), кривичей, севериев (северян) и прочих славян, которые являются пактиотами россов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепре, возвращаются в Киану».[417]

Так организовалось «полюдье» великих киевских князей в середине X в. Очевидно, что полюдье было ежегодным великокняжеским мероприятием, длившимся около полугода, — с ноября по апрель. Его нельзя рассматривать как первичную форму сбора дани.[418] Первоначально дань собирали местные князья, стоявшие во главе племенных княжений и свозили ее в определенные центры, где уже во время полюдья она переходили в руки великого князя киевского.

Как справедливо отмечает А.А. Горский, именно изменение характера дани, ее превращение в регулярную подать и вызвало появление термина «полюдье», обозначавшего систему сбора дани — явление новое по отношению к родоплеменному строю.[419] Явление, которое уже можно рассматривать в контексте становления на Руси раннефеодальных отношений.

---

[414] Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983, с. 60.

[415] Рыбаков Б.А. Смерды. — История СССР, 1979, №2, с.44.

[416] Свердлов М.Б. Генезис и структура…, с.61.

[417] Константин Багрянородный, с.273.

[418] Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества, с.325.

[419] Горский А.А. Древнерусская дружина. М., 1989, с.33.

Помимо сбора дани полюдье имело своей целью и содержание великокняжеской дружины. Полюдье полгода кормило киевскую дружину. Подобное распределение княжеской дружины на кормление в зимний период стало впоследствии одним из истоков кормления, «одной из форм феодальной эксплуатации и средством консолидации господствующего класса».[420] Собственно, само полюдье, сбор дани, проводимый киевскими князьями с русских земель при посредстве своих дружинников, и являлся первой формой феодальной эксплуатации крестьян в Древней Руси.[421] Следовательно, полюдье — первая форма сбора феодальной ренты на Руси. Дань, собираемая князьями во время полюдья, носила фиксированный характер. Попытки князей превысить размеры дани встречали сопротивление со стороны местной знати и населения. Проявлением этого был трагический исход сбора дани Игорем с древлян в 945 г. Характерно, что древляне первоначально послушно уплатили дань Игорю, не оспаривая ни ее законности, ни ее величины. Когда же Игорь учинил дополнительные сборы дани, значительно превышающие ее «законные» размеры, древляне во главе со своим князем Малом восстали и перебили «малую дружину» киевского князя, казнив и его самого.

Это событие послужило серьезным уроком для великокняжеской власти, которая начинает вскоре после древлянских событий серьезные преобразования.

В связи с усложнением системы сбора дани и необходимостью укрепления административно-судебной системы стали создаваться опорные пункты — княжеские крепости. Создание княжеских крепостей шло двумя путями: посредством разрушения старых общинных племенных центров и постройки новых укрепленных центров княжеской власти. Классическим примером этого является разрушение «древлянских градов» княгиней Ольгой в процессе борьбы за государственное объединение древнерусских земель.

Второй путь представлял собой преобразование прежних племенных общинных центров в княжеские крепости по мере укрепления великокняжеской власти на той или иной территории. Он, разумеется, не исключал и создания новых центров великокняжеской власти.

О процессе «окняжения», т.е. закрепления за великокняжеской властью господствующего положения на той или иной территории Древнерусского государства, свидетельствуют летописные источ-

---

[420] Свердлов М.Б., с.62.

[421] Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. М., 1972, с.322.

ники: «Повесть временных лет» содержит известия об организации в середине X в. княгиней Ольгой (945–969 гг.) нового порядка внутреннего устройства государства и регламентации повинностей, что должно было придать законность ежегодным поборам в пользу Киева со всех русских земель.[422]

Прежде всего Ольга установила новые порядки в соседней с Киевщиной Древлянской земле. До 945 г. великокняжеская власть не имела своих опорных пунктов на территории племенного княжения древлян. Киевские дружинники пользовались в качестве станов городами и городками местной древлянской знати — Искоростенем, Овручем, Малином и др. Своих укрепленных центров киевские князья в земле древлян не имели.[423] Возможно, что это обстоятельство и поспособствовало гибели князя Игоря в Древлянской земле.

Ольга сразу повела дело по иному: «И иде Ольга по Деревьстей зели с сынъм своим и с дружиною, уставляющи уставы и урокы. И суть становища ея и ловища».[424] Киевская княгиня создала опорные пункты великокняжеской власти в земле древлян. Здесь уже располагались киевские дружинники в ее (великой княгини) становищах, они же теперь являлись прямыми представителями центральной власти на местах, на них возлагался сбор дани.

Подобный порядок при Ольге был распространен на всю территорию Киевской Руси: «В лето 6455 (947) иде Ольге Новугороду и устави по Мьсте погосты и дани и по Лузе оброкы и дани. И ловища ея суть по вьсем земли и знамения и места и погости. И сани ея стоят в Пльскове и до сего дьне. И по Днепру перевисища и по Десне. И есть село ея Ольжичи и доселе».[425]

Как мы видим, после «наведения порядка» в земле древлян Ольга создает свои «погосты и ловища» и в Новгородской земле по рекам Мсте и Луге, и на своей родине — Псковской земле, и даже по всему Поднепровью и по Десне, охватывая, по сути дела, все русские земли.

Под «становищами» и «погостами» в данном случае следует понимать постоянные укрепленные пункты, превратившиеся со временем в княжеские крепости — опору власти киевских князей на местах. Такие погосты являли собой как бы феодальные организации, внедренные княжеской властью в гущу общинных «вер-

---

[422] Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества, с.363.

[423] Там же, с.364.

[424] Повесть временных лет, с.69.

[425] Там же.

вей».[426] Следовательно, если до правления Ольги киевские князья осуществляли управление различными областями государства посредством местной знати вошедших в состав Руси племенных княжений, лишь периодически появляясь там во время «полюдий», то отныне создается новая единая административная система, при которой великокняжеская власть управляет территорией бывших племенных княжений руками «княжих мужей» — своей дружиной знати. На нее же возлагается и сбор повинностей.

Исключительно важным представляется все время подчеркиваемый владельческий характер установлений Ольги: «ее становища», «ее ловища», «ее знамения», «ее село».[427] Помимо создания погостов и становищ княжеская власть захватывает и важнейшие промысловые угодья: «знаменья» — бортнические места, «ловища» — охотничьи угодья. Это уже организация домениального хозяйства правителей Киевской Руси в X в.[428] С захватом важнейших промысловых угодий, с появлением княжеских сел при Ольге появляется и первая феодальная собственность на землю. Ее становление на Руси связано именно с появлением княжеских земельных владений — «сел».

Важно отметить, что создание домениальной великокняжеской собственности во время правления княгини Ольги на деле означало и создание феодальной государственной собственности. «Оба эти начала — домениальное и государственное — тесно переплетались и в практике и в юридическом сознании средневековых людей», — справедливо указывает Б.А. Рыбаков.[429] Такое формирование земельной собственности в период «окняженья» великокняжеской властью Киева территорий соседских общин вело к тому, что вся земля на Руси становилась верховной собственностью государства. При этом происходила постепенная феодализация соседских общин и дань превращалась в феодальную ренту. Управление земельной собственностью осуществлялось посредством дружинников — «княжих мужей», в ведении которых находились и административная, и судебная власть, и княжеские угодья, и сбор дани с подвластного местного населения. Таким образом, организуя свое домениальное хозяйство, при котором постепенно все крестьянские земли начинают рассматриваться как государственные, власть киевских князей опиралась на весь слой военной феодальной знати. Это огосударст-

---

[426] Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества, с.365.
[427] Там же, с.365.
[428] Кобрин В.В. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985, с.32.
[429] Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества, с.366.

вление земли в Киевской Руси было важной предпосылкой феодализма. В этом проявились и общая социологическая закономерность.[430] Отсюда совершенно справедливым представляется вывод А.А. Горского, поддержанный П.В. Советовым, что на Руси первой формой земельной собственности была корпоративная (государственная) собственность военной знати, первой формой эксплуатации — государственные повинности (дани-налоги) в пользу этой знати.[431]

Говоря о формах генезиса и развития феодальных отношений в Древней Руси, следует указать, что их историческое изучение отечественной исторической наукой проделало значительную эволюцию и включает в себя различные направления.

Первоначально древнерусский феодализм изучался в рамках теоретической и конкретной разработки «классической» ячейки феодализма — сеньории, частновладельческой феодальной собственности, вотчины. Такой подход характерен для работ Б. Грекова, С. Юшкова, М. Тихомирова, С. Бахрушина 20–30–40-х гг.

С середины 50-х гг. в работах Л. Черепнина получает развитие новая точка зрения на генезис и становление древнерусского феодализма, сутью которой является определение места государственной собственности и государственной эксплуатации в феодализме в Древней Руси.[432]

В дальнейшем точка зрения, что в раннефеодальный период, до середины XI–XII вв., на Руси преобладала государственная форма феодального землевладения и основной формой получения ренты господствующим классом была государственная эксплуатация в виде дани, получила значительное распространение.[433]

В то же время сохраняется и точка зрения, продолжающая рассматривать генезис древнерусского феодализма, прежде всего исходя из наличия сеньориально-вотчинных ячеек феодализма на Руси уже с X в.[434]

---

[430] Сахаров А.М. Феодальная собственность на землю в Российском государстве XVI–XVII вв. — Проблемы развития феодальной собственности на землю. М., 1979, с.87.

[431] Горский А.А. к вопросу о предпосылках и сущности генезиса феодализма на Руси. — Вестник Московского университета. Серия 8. История, 1982, №4, с.80–81; Советов П.В. Общее и особенное в типологии феодализма на Руси и в Дунайских княжествах, — «Известия АН МССР. Серия общественных наук, 1986, с.52.

[432] Пути развития феодализма. М., 1972, с.153–155.

[433] Свердлов М.Б. Генезис и структура…, с.56–64; Советов П.В. Общее и особенное…, с.52; Горский А.А. К вопросу о предпосылках…, с.80–81.

[434] Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985, с.32–47.

В 70–80-е гг. широкую известность приобрела концепция социально-экономической истории Древней Руси И. Фроянова, оценивающая древнерусское общество IX–XI вв. как общество, находящееся на поздней стадии родоплеменного строя с незавершенным процессом классообразования, и соотносящая Русь XI–XIII вв. как страну городов-государств с полисами Древней Греции.[435]

Наличие в современной отечественной исторической науке трех подходов к оценке феодализма Древней Руси свидетельствует о дискуссионности основных проблем его изучения.

Очевидно, что основой расхождений между представителями трех направлений в изучении социально-экономических отношений в Древнерусском государстве является оценка их типа, определяющих форм феодальной собственности на землю, определение сущности дани и политики «окняжения земли» властью великих князей киевских.

По данным проблемам представляется возможным высказать следующие замечания.

Более убедительной представляется точка зрения, определяющая социально-экономические отношения в Древней Руси в IX–XI вв. как отношения типа государственного феодализма, что вытекает из преобладания на Руси государственной формы феодального землевладения при взимании феодальной ренты в виде получения фиксированной дани господствующим классом.

Не представляется возможным согласиться с утверждениями о наличии в Киевской Руси уже в X в. феодальных частновладельческих вотчин. Возникающие в середине X в. «княжеские села» были эмбрионом домениальной собственности, которая на первоначальном своем этапе, по сути, сливается с государственной.[436]

Появление же верховной государственной собственности на землю в Древней Руси закономерно вытекало из особенностей генезиса феодальных отношений государственности у восточных славян.

Древнерусское государство формировалось на основе слияния в единое целое под властью киевских князей восточнославянских племенных княжений. Племенные княжения, как уже указывалось, — это протогосударства периода перерастания родоплеменных отношений в раннефеодальные. При родоплеменных отношениях племя является верховным собственником земли. По мере становле-

---

[435] Становление и развитие раннеклассовых обществ. Город и государство. Под ред. Г.Л. Курбатова, Э.Д. Фролова, И.Я. Фроянова. Л., 1986, с.198–311.

[436] Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества, с.366.

ния феодальных отношений верховная земельная собственность племени становится прерогативой сначала племенной верхушки, затем формирующейся государственной власти, обычно в лице правителя. Соответственно, при слиянии племенных княжений в единое государство — Киевскую Русь — происходит и формирование единой верховной государственной собственности на землю, поскольку великокняжеская власть в Киеве сосредотачивает в своих руках все былые прерогативы племенной власти.

При этом, по мнению А.А. Горского, эту форму собственности «невозможно трактовать как княжескую собственность, так как князь выступал в X–XI вв. как глава дружинной корпорации и не являлся свободным распределителем поступающего от населения прибавочного продукта: его обязанностью было распределение полученных доходов своих дружинников».[437] Потому, как полагает А.А. Горский, «субъектом собственности на земли, обложенные в X в. фиксированной данью — налогом, следует признать военно-дружинную знать, а данную форму собственности определить термином «корпоративная собственность военно-дружинной знати».[438]

Собственно, это не противоречит термину «государственный феодализм», поскольку князь вкупе со своей дружиной и является корпоративным воплощением государства.

В этом смысле новейшим определением формы Древнерусского государства, а отсюда и сути складывающихся в нем раннефеодальных отношений можно считать предложенный Е.А. Мельниковой и поддержанный Н.Ф. Котляром термин «дружинное государство».[439]

В целом же, при всех особенностях точек зрения П.В. Советова, А.А. Горского, Е.А. Мельниковой, Н.Ф. Котляра, всех их объединяет признание, пусть и с оговорками в ряде случаев, справедливости оценки типа феодальных отношений в Киевской Руси в X–XI вв. как отношений государственного феодализма.

В последнее время в отечественной историографии проблем генезиса и развития древнерусского феодализма все большее распространение и подтверждение получает точка зрения Л.В. Черепнина, что в раннефеодальный период, до середины XI–XII вв., на Руси преобладала государственная форма феодального землевладения и

---

[437] Горский А.А. Древнерусская дружина, с.32.

[438] Там же.

[439] Котляр Н.Ф. О социальной сущности Древнерусского государства, с.45.

взимание дани являлось формой получения ренты господствующим классом.[440]

В то же время, наряду с государственной собственностью на землю, понимаемой, что справедливо отмечал еще С.М. Соловьев, как право рода Рюриковичей владеть всей Русской землей, начинает формироваться и домениальная собственность киевских князей.[441] В ходе окончательного укрепления соседской общины формируется также индивидуальная мелкая земельная собственность свободного крестьянства.[442] Таковым, впрочем, в раннефеодальный период было практически все крестьянство Киевской Руси.

Становление этих форм феодальной собственности и эксплуатации в Древней Руси датируется, следовательно, серединой X в. — началом правления Ольги. Если до этого времени Киевская Русь являет собой, по сути дела, конфедерацию племенных княжений восточных славян, что отражено, как уже отмечалось в предыдущей главе, в договорах Руси и Византии 911 и 944 гг., которые заключались от имени не только великого князя Киевского, но и «светлых и великих князей», стоявших во главе племенных княжений, то с конца 40-х гг. X в. начинается преобразование Руси в единый государственный организм.

В конце IX–первой половине X в., в правление Олега и Игоря, Киев лишь возглавлял своеобразную конфедерацию племенных княжений восточных славян, каждую из которых возглавляли свои «светлые князья», опиравшиеся на племенную знать. Степень зависимости племенных княжений от Киева была различной. Одних из них (древлян, дреговичей, северян, кривичей) князья сами объезжали со своей дружиной во время сбора дани — «полюдья», с других поступала дань, собираемая самими «светлыми князьями», третьи же (хорваты, радимичи, вятичи) сохраняли полунезависимое существование, периодически участвуя в общерусских походах и уплачивая нерегулярную дань. Уличи же до 40-х гг. X в. оставались практически независимыми от Киева.

Со времени правления Ольги, с начала «окняжения» русских земель, начинается процесс постепенной ликвидации племенных

---

[440] Черепнин Л.В. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX–XV вв. — Пути развития феодализма. М., 1972, с.153–155; Советов П.В. Указ. раб., с.52–53.

[441] Соловьев С.М. Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра Великого. — Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1988, с.185.

[442] Тимощук Б.А. Восточные славяне. От общины к городам, с.239.

княжений и создания единой великокняжеской администрации, опирающейся на крепости и погосты. Со второй половины X в. землями бывших племенных княжений начинают управлять уже не местные князья, но представители правящей в Киеве династии Рюриковичей (правление в 70-е гг. X в. Владимира Святославовича в Новгороде, Олега Святославовича в Древлянской земле и т.д.). Окончательно же новая административная система на всей территории Руси утверждается в правление Владимира I Святославовича, когда ликвидируются последние племенные княжения (в 981–982 гг. — вятичей, в 985 г. — кривичей, в 992 г. — хорватов) и на места прежних племенных князей Владимир назначает своих сыновей: в Новгороде — Ярослава, в Полоцке — Изяслава, в Турове — Святополка, в Ростове — Бориса, в Муроме — Глеба, в Древлянской земле — Святослава, на Волыни — Всеволода, в Тьмутаракани — Мстислава.

Опорой власти новых, поставленных Киевом князей в их землях служили княжеские крепости и погосты, являвшие собой как бы отдельные узелки обширной государственной сети, наброшенной великокняжеской властью на все русские земли от Дуная до Ладоги.

Процесс создания княжеских крепостей и погостов стал началом важнейшего социального поворота в судьбах восточнославянского населения. Как справедливо отмечает Б.А. Тимощук, этот социальный переворот начал осуществляться еще ранее наиболее развитыми надобщинными («племенными») центрами и был продолжен княжескими крепостями.[443] Таким образом, получается, что Ольга верно подметила уже существовавшие тенденции общественного развития, что и обеспечило конечный успех ее начинаний.

В результате строительства великокняжеских крепостей и погостов был нанесен последний сокрушительный удар основным институтам родового строя — родовым общинным центрам и была открыта дорога развитию новой системы связей — раннефеодальной. Очагами классообразования явились княжеские крепости, господствующее положение в которых занимала военно-служилая знать, получившая возможность эксплуатировать сельское население. При этом знать опиралась на профессиональных воинов — дружинников. В общественную жизнь все больше и больше стали внедряться отношения господства и подчинения.[444]

---

[443] Тимощук Б.А. Восточные славяне. От общины к городам, с.239.

[444] Там же.

С началом строительства княжеских крепостей началась перестройка во всех сферах общественной жизни населения.[445] В это время заканчивается формирование сельской общины нового типа — соседской. Она представляла собою сообщество мелких индивидуальных собственников.[446]

Таким образом, личная крестьянская собственность на пахотную землю при сохранении общинной собственности лишь на пастбища, лесные и речные угодья — одна из важнейших особенностей древнерусского феодализма эпохи Киевской Руси.

Наличие огромной массы лично свободных и обладающих собственными пахотными землями крестьян определяло и военное могущество Киевской Руси. Крестьянин-собственник имел возможность сам себя вооружить и всегда был готов по призыву князя выступить в поход. Именно десятки тысяч «воев», «мужей храборьствующих», которые являлись взявшими в руки оружие свободными русскими крестьянами, обеспечивали военные успехи киевским князьям от Олега Вещего до Ярослава Мудрого.

Не случайно скандинавы называли русских крестьян-смердов — «бондами», т.е. свободными земледельцами, из коих тамошние конунги подобно русским князьям формировали воинские ополчения.[447]

Как писал В.В. Мавродин, «это были воины в широком смысле слова, набранные из народа». Именно они «на заре русского государства играли большую роль и составляли едва ли не основную силу княжеских дружин».

«Это были времена летописного Яна Усмошвеца, былинных Ильи Муромца, крестьянского сына, пахаря Микулы Селяниновича, вошедшего в дружину Вольги».[448]

Помимо свободных крестьян-смердов относительно свободными были также общины городских посадов, объединявшие ремесленников, занимавшихся индивидуальной трудовой деятельностью. Эти общины начали формироваться в процессе становления древнерусских городов, вызванного развитием ремесленных поселков надобщинных центров. Ремесленники городских общин являлись также владельцами участков земли, усадеб и орудий труда, принимали, как правило, участие в сельскохозяйственном про-

---

[445] Тимощук Б.А. Восточные славяне. От общины к городам, с.239.
[446] Там же, с.239.
[447] Мавродин В.В. О племенных княжениях восточных славян, с.54.
[448] Там же, с.53–54.

изводстве, работали чаще всего на заказ, так как внутренняя торговля еще слабо была развита.[449]

В то же время на местах со времени Ольги начинает внедряться и домениальная, лично великокняжеская собственность как в городах (Вышгород под Киевом), так и в сельской местности (Ольговы села, «Ольжичи»). И над всем этим стоит право рода Рюриковичей распоряжаться всей Русской землей. Это родовое «право», по сути, является правом феодального государства.

Таким образом, очевидно, что становление единой государственности на Руси базировалось на становлении государственных отношений феодальной собственности на землю, зародившихся в период «окняжения» русских земель, интенсивно шедшего со второй половины 40-х гг. Здесь следует указать, что государственные отношения собственности, формировавшиеся в Древней Руси в период до середины IX–XII вв., как справедливо отмечено у Л.В. Черепнина и П.В. Советова, являли собой иную стадию развития феодализма, нежели «государственный феодализм» позднефеодальной эпохи в централизованном Российском государстве.[450]

К такому же типу государственного феодализма следует отнести феодальные отношения в Киевской Руси в X–XI вв.

Для решения этого вопроса наиболее перспективным представляется путь, предложенный П.В. Советовым в его работе, посвященной проблеме «государственного феодализма» и его роли в период генезиса, развития и разложения феодальной формации на Руси и в Дунайских княжествах.[451]

П.В. Советов выделяет три разновидности государственного феодализма:

1. Модель без всякого сочетания государственного и частновладельческого феодализма, когда крестьяне данной территории подвергаются только государственной феодальной эксплуатации. Эта форма характерна для начальной стадии развития феодальной формации как Западной, так и Восточной Европы.[452]
2. Феодально-государственные экономические отношения собственности наслаиваются на уже сформировавшиеся экономические и юридически частновладельческие. Это особенно харак-

---

[449] Тимощук Б.А. Восточные славяне. От общины к городам, с.239.

[450] Черепнин Л.В. Русь…, с.151–158; Советов П.В. Общее и особенное…, с.51.

[451] Советов П.В. Указ. раб., с.50–57.

[452] Там же, с.52.

терно для Западной Европы XIV–XVI вв., для России середины XVI–начала XVIII вв.

3. Когда под покровами экономического и юридического господства феодально-государственных отношений развивается частнофеодальные (Византия, Османская империя).[453]

Отсюда обоснованным представляется отнесение древнерусского феодализма в той его форме, которая начала складываться с середины X в., к первой выделенной разновидности государственного феодализма.

Анализируя в целом особенности становления раннефеодальных отношений на Руси в IX–X вв., можно заключить следующее:

- начало смены патриархально-родовых отношений раннефеодальными на Руси следует относить ко времени сложения племенных княжений восточных славян — VIII–IX вв. В это время происходит переход от семейной общины к территориальной соседской. Выделяется племенная знать, зарождаются классовые отношения. Сложившиеся в этот период племенные княжения восточных славян таили в себе зародыш государства, являясь переходной формой от союзов племен к государству — протогосударствами.[454] Образование племенных княжений к IX в. знаменовало собой зарождение у восточных славян феодальных отношений;[455]
- после 882 г. (занятие Олегом Киева) начинает складываться конфедерация восточнославянских племенных княжений с центром в Киеве. Это начальный период сложения Древнерусского государства — Киевской Руси. Происходит дальнейшее развитие раннефеодальных отношений и оформляется система сбора дани киевскими князьями — полюдье, являющееся первой формой феодальной ренты на Руси, создаются условия для последующего слияния племенных княжений в едином Древнерусском государстве;
- со второй половины 40-х гг. X в. (начало правления Ольги) начинается процесс «окняжения» русских земель великокняжеской властью, ликвидации племенных княжений. В результате этого постепенно формируется единая древнерусская государственность, и на Руси устанавливаются ранне-

[453] Советов П.В. Указ. раб., с.52.
[454] Там же, с.51.
[455] Мавродин В.В. О племенных княжениях восточных славян, с.55.

феодальные отношения в форме государственного феодализма. Той его модели, когда государство является верховным собственником земли и существует только феодально-государственная форма эксплуатации в виде дани и государственных повинностей.[456]

В этот период стадиально определяемый как «раннефеодальный» на Руси полюдье постепенно сменяется «повозом» — поступлением дани от податного населения непосредственно в княжеские крепости.[457] Так княжеские крепости становятся центрами новых административно-территориальных единиц — волостей.[458] Погосты же следует рассматривать как центры сельских округ.

В это время на периферии страны еще сохраняются «племенные» княжества, живущие самостоятельной внутренней жизнью, но идущие в русле внешней политики Киевского государства. Но чем далее, тем более снижается и внутренняя самостоятельность племенных княжений. В течение менее чем полувека — от ликвидации Ольгой княжения древлян в 946 г. и до упразднения внуком ее Владимиром Святославовичем племенного княжения белых хорватов в 992 г. — по всей территории Руси был установлен более или менее единый порядок управления. Так завершился более чем вековой процесс (882–992 гг.) преобразования разрозненных племенных княжений восточных славян в единое раннефеодальное государство Киевская Русь. Дело, начатое преемником Рюрика Олегом, решительно продолженное Ольгой, завершил Владимир Святой.

Перейдем теперь непосредственно к вопросу об особенностях становления и развития феодальных отношений на юго-западной окраине Древней Руси, каковой в X–XI вв. являлась территория Днестровско-Карпатских земель.

Для этого необходимо исследовать древнерусские археологические памятники в регионе поселения (городища, селища), могильники. Значение археологического материала в нашем случае тем более велико, что сколь-либо удовлетворительными данными письменных источников по этим проблемам историки в настоящее время не располагают.

Что же представляли собой древнерусские поселения Днестровско-Карпатского региона в X–XI вв.

---

[456] Горский А.А. К вопросу о предпосылках сущности генезиса феодализма на Руси, с.72–81.

[457] Тимощук Б.А. Восточные славяне. От общины к городам, с.239.

[458] Там же, с.239.

В Днестровско-Карпатских землях в период их вхождения в состав Древнерусского государства существовало несколько районов сосредоточения древнерусских поселений. Довольно густо заселенной территорией была Северная Буковина, где в настоящее время изучено 34 гнезда поселений этого времени.[459] Эти гнезда представляли собой группы селищ вокруг своего центра. На территории наиболее развитых гнезд выделялось по два центра.[460] Обычно гнезда поселений на Северной Буковине располагались в бассейне одной реки. Заметную роль при выделении гнезд поселений сыграли естественные границы.[461] Поселения Северной Буковины входили в состав племенного княжения хорватов, включенного в состав Киевской Руси, как уже отмечалось, в 992 г.

Южнее, на территории Пруто-Днестровского междуречья, археологами открыто и исследовано четыре крупных района древнерусских поселений:

1. Самый высокоразвитый — в междуречье Днестра и Реута (Алчедар, Рудь, Екимауцы и др.).
2. Северный район поселений, примыкающий к поселениям Северной Буковины (Наславча, Верещаны и др.).
3. Центральный — в центральной части Пруто-Днестровского междуречья (Лукашевка, Бардар, Устье и др.).
4. Южный — на реке Днестр (Олонешты, Раскаецы, Тудорово и др.).[462]

Районы поселений в Пруто-Днестровском междуречье выделены археологами по иному принципу, нежели гнезда в Северной Буковине. Это скорее территориальные объединения, в состав которых входил ряд мелких гнезд сельских поселений, группировавшихся вокруг укрепленных городищ.

На территории Запрутской Молдовы в это же время можно выделить следующие три района древнерусских поселений:

1. Центральный: свыше 20 поселений вокруг Ясс и южнее (Хлинча I, Хлинча II, Куза-Водэ, Доребанцу, Тодиреште, Спиноаса и др.).
2. Северный (Сучава, Бугэешть и др.).
3. Южный: территория южной Молдавии и восточное пограничье Мунтении (Бырлад, Мишкотянка).[463]

Здесь они в X в. соприкасались с поселениями южнославянского населения Первого Болгарского царства. Поселения Пруто-Днестров-

---

[459] Тимощук Б.А. Общинный строй восточных славян, с.22.
[460] Там же, с.23.
[461] Там же, с.23.
[462] Федоров Г.Б. Древние славяне в Пруто-Днестровском междуречье, М., 1966, с.13.
[463] Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. Археология Румынии, с.300.

ского междуречья и Запрутской Молдовы принадлежали племенному княжению тиверцев. Выделенные семь районов поселений тиверцев скорее всего являли собой места проживания их отдельных племен, союз которых и представлял собой племенное княжение.

Уже к концу IX в. земли между Прутом и Восточными Карпатами (Запрутская Молдова) были довольно плотно заселены славянами. Здесь были распространены поселения культуры типа Хлинча I, принадлежавшие восточным славянам. Эта область была юго-западной окраиной восточнославянского мира.

Подавляющее большинство древнерусских поселений IX–XI вв. выросли из местных же славянских поселений предшествующего периода.[464] Основные элементы древнерусской культуры в Днестровско-Карпатских землях были генетически связаны с предшествующей местной славянской культурой и имели ярко выраженный общерусский характер.[465]

На территории Северной Буковины археологами выявлено 91 селище периода IX–XI вв. и 2 городища: Ревно II и Горишни Шеровцы.[466] В Пруто-Днестровском междуречье 82 селища и 19 городищ этого же периода: Мерешовка, Рудь, Жабка, Пояна-Кунича, Куратуры, Алчедар, Глинжены I, Глинжены II, Матеуцы, Олешканы, Попауцы, Стохная, Царевка, Дангцены, Екимауцы, Городиште, Лукашевка, Машкауцы, Кырлань. Крупнейшими из них являются Алчедар, Екимауцы, Лукашевка, Рудь.[467] В Запрутской Молдове к поселениям древнерусской культуры можно отнести 48 селищ. Для этой части региона интересно отметить следующее обстоятельство. В X–XI вв. древнерусская материальная культура помимо центральной и северной части Пруто-Карпатских земель проникает и в южные районы Молдовы и даже в Мунтению. Ее присутствие отмечено на поселениях, которые в IX–X вв. относились к Балкано-Дунайской культуре. Так, у Драгославень южнее г. Фокшаны на поселении балкано-дунайской культуры найден в 1963 году большой клад железных орудий труда и оружия. В кладе оказалось более 60 предметов, среди которых кузнечные молоты, клещи, сапы, лопатки для очистки от земли рала, серпы, коса, боевые топоры,

---

[464] Федоров Г.Б. Генезис развития феодализма у древнерусского населения Днестровско-Прутского междуречья в IX–XII вв. (по археологическим данным). Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973, с.44.

[465] Там же, с.48.

[466] Седов В.В. Восточные славяне…, с.127.

[467] Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф. Памятники древних славян, с.73, 99.

наконечники копий, стремена, удила.[468] Ближайшие аналогии орудиям труда и оружию из Драгославень известны по материалам исследований древнерусских городищ Пруто-Днестровского междуречья конца IX–XI вв.[469]

Возможно, что это обстоятельство связано с тем, что после походов Святослава 968–971 гг. и Владимира в 985 г., когда южная часть Днестровско-Карпатских земель, ранее входившая в состав Первого Болгарского царства, вошла в состав Киевской Руси, на эту территорию начался прилив древнерусского населения, селившегося по соседству с южнославянскими жителями этих мест.

Помимо открытых археологами селищ и городищ древнерусского населения Днестровско-Карпатского региона описываемого периода большой интерес представляют открытые исследователями могильники, принадлежавшие восточным славянам Поднестровья.

Один из тиверских курганных могильников открыт близ с. Алчедар. В группе насчитываются 34 невысокие насыпи, округлые в плане. Датируются алчедарские курганы концом IX–первой половиной X в.[470] Количество погребений в одном кургане колеблется от 10 до 46–49. Обряд погребения — трупосожжение. Погребения совершались не одновременно. Должно быть, каждый курган служил усыпальницей для членов патриархальной семьи в течение ряда поколений. Остатки кремации — в неглубоких погребальных ямках или же в глиняных сосудах — урнах. Урны изготавливались на гончарном круге и принадлежат к древнерусской керамике X в.[471] Найденные в погребениях бытовые предметы — бронзовая витая гривна, бусы из стеклянной пасты, поясные пряжки, железные ножи — принадлежат к общеславянскому типу.[472]

Одним из интереснейших памятников тиверцев на территории Молдавии является Бранештский грунтовый могильник, открытый советскими археологами в Оргеевском районе Молдавии (центральная часть Пруто-Днестровского междуречья). Могильник датируется концом IX–первой половиной XI в.[473] То есть он относится именно к периоду вхождения этой территории в состав Киевской Руси.

---

[468] Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. Археология Румынии, с.317.

[469] Там же.

[470] Федоров Г.Б. Работа Пруто-Днестровской экспедиции в 1963 г. — Краткие сообщения Института археологии, 113. М., 1968, с.90–93.

[471] Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв., с.130.

[472] Там же.

[473] Там же.

Наиболее ранними являются три захоронения по обряду трупосожжения. Остатки кремации помещались в глиняных урнах. Две урны лепные, одна — гончарного производства с типично восточнославянским волнистым и линейным орнаментом. Более поздними являются 95 могил с трупоположениями.[474] Во всех умершие были положены в вытянутой позе на спине, головой на запад. Вещевой инвентарь погребений довольно разнообразен. Встречаются височные украшения общеславянского типа (перстнеобразные кольца с сомкнутыми концами), разноцветные из цветной стеклянной пасты, а также 14-гранные сердоликовые бусины. Интересны серебряные серьги в виде проволочного колечка с «виноградной гроздью» из зерни и скани — типично древнерусское украшение X–XI вв. Найдены также проволочные браслеты и перстни, бубенчики с крестообразной прорезью, шиферные и глиняные пряслица, железные ножи и наконечники стрел.

Исключительно важным представляется следующее обстоятельство: смена погребального обряда и характера могильников происходит одновременно с процессами вхождения тиверцев в пределы Киевской Руси и является свидетельством «размывания» их племенных особенностей, когда они вливались в состав формирующейся единой древнерусской народности. Если для алчедарского могильника конца IX–первой половины X в. характерны курганные захоронения трупосожжений, то более поздний Бранештский могильник, существовавший до середины XI в., является грунтовым и подавляющее большинство захоронений — трупоположения. Если учитывать, что курганы представляли собой усыпальницы патриархальных семей, то данная смена обрядности могла быть следствием дальнейшего распада патриархально-родовых отношений в процессе ускорившегося развития феодальных отношений в Поднестровье после его вхождения в состав Древнерусского государства.

Особое значение имеет тот факт, что большинство погребений Бранештского могильника совершено по христианскому обряду. Эти захоронения могильника содержат полные аналогии деталям известных древнерусских погребений конца X–первых десятилетий XI в., например в Киевском некрополе этого времени.[475]

Это важное обстоятельство свидетельствует об успешном распространении христианства в среде древнерусского населения ре-

---

[474] Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф., Великанова М.Ч. Бранештский могильник X–XI вв. Кишинев, 1984, с.4, 52–58.

[475] Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф., Великанова М.С. Бранештский могильник, с.96.

гиона после официального «крещения Руси» при Владимире Святославовиче в 988 г. Столь быстрое внедрение христианской обрядности объясняется прочностью позиций великокняжеской администрации в регионе, активно насаждавшей новую религию по повелению центральной власти великого князя Киевского. Распространению христианства могло способствовать и соседство земель региона с Болгарией, где христианство стало официальной религией еще в 865 г. После 971 г. непосредственным соседом Днестровско-Карпатских земель по Дунаю становится Византия, что также должно было способствовать распространению христианства на ближайшие к империи владения Руси.

Утверждение христианской религии среди древнерусского населения Поднестровья свидетельствовало и о развитии здесь феодальных отношений. Следовательно, материалы раскопок Алчедарского и Бранештского могильников свидетельствуют о распространении в регионе древнерусского феодализма.

Важнейшее значение для изучения древнерусского феодализма в регионе имеют памятники городской жизни русского населения Днестровско-Карпатских земель. Историческая память русского народа о былых русских городах Поднестровья, Нижнего Подунавья, Восточного Прикарпатья и Буковины отразилась в известном «Списке русских городов дальних и ближних» в Воскресенской летописи: «А се имена градом всем Русским, дальним и ближним: На Дунае Видицов о седми стен каменных, Мдин, об ону страну Дуная Тръновъ, ту лежит святая Пятница; а по Дунаю: Дрествин, Дичин, Килиа, на устье Дуная Навсе село, Аколятря, на море Карна, Каварна. А на сей стороне Дуная: на усть Днестра над морем Белгород, Чернь, Аскои, Торг, на Пруте реце Романов Торг, на Молдове Немечь, в горах Корочюнов Камень, Сочава, Серет, Баня, Нечюн, Коломыя, Городок на Черемоше, на Днестре Хотен, а то Болгарский и Волосский городок».[476]

По мнению Б.А. Рыбакова, данный памятник датируется 1396 г.[477] Е.П. Наумов отмечал, что «Список русских городов дальних и ближних» вошел в число дополнений уже к летописному своду 1409 г.[478]

Особенно важно, что список этот указывает на безусловные русские корни всех городских центров Молдавского княжества рубе-

---

[476] ПСРЛ, VII, стб.240.

[477] Рыбаков Б.А. Древние руссы. — Советская археология. Т.XVII, 1953, с.31–32.

[478] Наумов Е.П. К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних». — Летописи и хроники, 1973. М., 1974, с.163.

жа XIV–XV вв., не исключая и первой столицы Молдавии Бай (Баня), и столиц последующих — Сучавы (Сочава), Ясс (Аской Торг).

Данные «Списка русских городов» Воскресенской летописи в значительной степени подтверждаются и византийскими источниками.[479] Еще Ю. Кулаковский сопоставил сведения русской летописи со списком городов на Дунае, не принадлежавших болгарам, но и не бывших византийскими. Это список №52 из актов Константинопольской патриархии, изданных Миклошичем и Мюллером.[480] Среди этих неболгарских и, скорее всего, русских городов на Дунае значатся: Карна, Дрествин, Каварна, Килия, Аколятра.[481] Все они указаны и в Воскресенской летописи.

Теперь обратимся к археологическим источникам о древнерусских поселениях, городских и сельских, в Днестровско-Карпатских землях в исследуемую эпоху.

В настоящей работе представляется целесообразным использовать археологические данные раскопок поселений X–XI вв. для изучения социально-экономических аспектов жизни региона времен его вхождения в состав Киевской Руси.

Для этого представляется необходимым проведение типологического анализа древнерусских городских поселений Днестровско-Карпатских земель, поскольку именно процесс градообразования, стимулируемый развитием государственности и классовых отношений, ускорял развитие феодальных отношений на Руси.[482]

Городские поселения Днестровско-Карпатских земель развились на основе общинных центров, преобразованных в конце X в. в княжеские крепости. При этом некоторые старые общинные поселения были сожжены и на их местах были сооружены новые городища — княжеские крепости. К ним относятся: Ревно I, Карапчев, Горишни-Шеровцы I, Алчедар.[483]

Не исключено, что первоначальное разрушение укрепленного «града» тиверцев у с. Алчедар и сооружение на его месте новой, уже княжеской крепости было событием, подобным разрушению Ольгой мятежных древлянских градов и созданию на их месте форпостов великокняжеской власти. Возможно, что именно «град»

---

[479] Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений, с.436.

[480] Кулаковский Ю. Где находилась Вичинская епархия Константинопольского патриарха. — Византийский временник. Т.IV, вып.3–4, 1897, с.335.

[481] Там же, с.335.

[482] Куза А.В. Социально-историческая типология древнерусских городов X–XIII вв. — Русский город (исследования и материалы), вып.6, М., 1983, с.36.

[483] Русанова И.П., Тимощук Б.А. Древнерусское Поднестровье, с.66.

у с. Алчедар — центра племенного княжения тиверцев — был разрушен в процессе его ликвидации и возродился уже как один из центров великокняжеской власти в Поднестровье.

Екимауцы, Лукашевка, Рудь были перестроены в княжеские крепости без предварительного разрушения предшествующих славянских городищ.[484] Следует указать, что исторические древнерусские названия перечисленных укрепленных центров не сохранились, и историкам в настоящее время они неизвестны. Поэтому здесь приводятся названия современных населенных пунктов, у которых археологами обнаружены данные городища. Под этими названиями они и фигурируют в современных работах.

Произведенные археологами раскопки позволили, как уже отмечалось, установить, что эти городища, как и большинство селищ IX–XII вв., выросли из местных же славянских поселений предшествующего времени и генетически связаны с ними. Так, например, под валом Алчедарского городища была открыта славянская полуземлянка с каменной печью и лепной керамикой типа Пражской-Корчак. В нижних горизонтах культурного слоя Алчедарского городища вместе с византийской монетой конца VI–начала VII вв. была открыта славянская лепная керамика VI–VIII вв., домница, относящаяся к тому же времени. Подобного типа керамика обнаружена и в нижних горизонтах Екимауцкого городища и посада, на селищах Лопатна, Одая, в нижних горизонтах и в ряде ям городища Рудь. На посаде этого городища открыта раннеславянская полуземлянка и целый хозяйственный комплекс VIII–IX вв.[485]

Сами городища, как построенные заново Екимауцы, Алчедар, Лукашевка, Рудь, так и построенные с использованием древних городищ гетов еще античной эпохи — Куратуры, Матеуцы, — были относительно невелики (не свыше 200 м в диаметре). Однако многие из них были окружены значительными по территории посадами, занимавшими до нескольких десятков гектаров. Например, Алчедарское поселение, в центре которого находилось хорошо укрепленное городище, занимало площадь около 100 га. Только на одной четвертой части этого посада было открыто около 200 жилищ, 70 из которых было раскопано. Таким образом, общее количество жилищ было около 1000, если не более. Население здесь, должно быть, достигало нескольких тысяч человек.[486] Впрочем, прочие посады у иных городищ много меньше.

---

[484] Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф. Памятники древних славян, с.76, 93, 94.
[485] Федоров Г.Б. Генезис и развитие феодализма…, с.44.
[486] Там же, с.44.

Социальная и экономическая структура этих поселений к концу рассматриваемого периода (X–XI вв.), по мнению Г.Б. Федорова, является весьма выразительной.[487] Посады и городища представляли собой единый социально-экономический и культурный организм, что явствует не только из их территориальной общности, но и из тождества жилищ, отопительных сооружений, керамики и других основных элементов материальной культуры, а также своеобразного разделения труда между населением городища и посада. На городище жили воины, знать, ремесленники высококвалифицированных обрабатывающих профессий. На городищах найдены сотни образцов различного оружия (наконечники стрел, копий, части сабель, кистени, булавы, боевые топоры, пластинчатые и кольчужные доспехи). Большой интерес представляют собой многочисленные серебряные украшения, среди которых выделяется массивная шейная гривна, а также серебряные дирхемы, русские рубли — слитки. Здесь же открыты мастерские оружейников, ювелиров, кузнецов, имевшие полный набор инструментов, сырье, полуфабрикаты и готовые изделия.

Все жилища на городищах примерно одинаковы по размерам и конструкции, что не позволяет выделить жилища какого-нибудь единого главы укрепления. В то же время отчетливо выделяются по специфическому набору находок жилища-мастерские городских ремесленников, жилища воинов и знатных людей. Видимо, между обитателями цитадели еще не было сколь-либо резкой имущественной дифференциации. Отчетливо прослеживается лишь имущественная и социальная разница между обитателями городищ и посадов. Первые по отношению ко вторым представляли собой, очевидно, привилегированную верхушку жителей этих поселений.[488] Найдено небольшое число нательных крестов — прямое свидетельство распространения здесь христианства.

На окружающих городища посадах жили ремесленники добывающих специальностей, прежде всего металлурги и связанные с ними углежоги, рудокопы, а также гончары. На посадах найдены сотни килограммов железной руды, угля, железных шлаков, сотни воздуходувных сопел, каменные площадки для дробления железной руды, многочисленные домницы, печи для обогатительного обжига руды, служившие, видимо, и для обжига керамики. На посадах почти не найдено оружия, никаких дорогих украшений.

---

[487] Федоров Г.Б. Генезис и развитие феодализма…, с.45.

[488] Там же, с.45.

На посадах, в отличие от городищ, совсем не найдено крестов, зато обнаружены языческие амулеты — кабаньи и медвежьи клыки со сверлинами, глиняные изображения языческих божков.[489] Это говорит о живучести язычества в быту основной массы населения в первый век после официального крещения Руси, что, впрочем, неудивительно.

Глиняная посуда, производившаяся на посадах, формировалась на гончарном круге и обжигалась в специальных печах. Археологические данные раскопок в Прутско-Днестровском междуречье убедительно свидетельствуют о товарном характере производства на поселениях с городищами. Об этом говорит наличие высокоспециализированных орудий труда по меньшей мере сорока различных ремесел, широкое распространение на окрестных селищах в радиусе до 50 км произведенных на городищах и посадах железных изделий, керамики, наличие знаков собственности — клейма на посуде, замки, ключи. Найденные монеты и серебряные слитки указывают на денежное обращение. Шиферные пряслица из центров Киевской Руси, среднеазиатские дирхемы и сосуды, византийские трехручные кувшины свидетельствуют о международных торговых связях.[490]

Жилища на посадах располагались совершенно иначе, нежели на городищах — гнездами от двух до пяти, причем часто посреди такого гнезда размещался общий производственный комплекс. Такое расположение жилищ характерно для патронимной семьи, т.е. той стадии, когда большая патриархальная семья уже распалась на малые индивидуальные семьи, но между бывшими членами патриархальной семьи сохранились определенные родственные, территориальные и производственные связи.

По свидетельству уже приводимых данных Алчедарского могильника, патронимные семьи имели и общие усыпальницы.[491]

Жители посадов, хотя и были прежде всего ремесленниками (металлургами и гончарами), однако не порывали полностью с сельским хозяйством, о чем свидетельствуют находки жерновов в цепях мельничных поставов, земледельческих орудий труда.

Но на первый план все же выходила ремесленно-торговая деятельность. Городские ремесленники Алчедара, Екимауц снабжали жителей окрестных сельских поселений своими изделиями: украшениями, посудой, орудиями сельскохозяйственного труда и различных промыслов. Об этом говорят найденные при раскопках го-

---

[489] Федоров Г.Б. Генезис и развитие феодализма…, с.46.

[490] Там же.

[491] Федоров Г.Б. Работа Пруто-Днестровской экспедиции, с.93.

родищ и селищ наральники, лемехи, серпы, косы, жернова, ножи, древолазные шипы для бортничества, железные крючки для рыболовства, железные наконечники стрел, тупоконечные и двурогие для охоты на пушных зверей и птиц, топоры, оковки деревянных лопат, обручи, дужки и ушки для ведер и т.д.[492]

Из крупных поселений, могущих быть отнесенными к городским, на той территории Хорватского княжения, что впоследствии стала Буковиной, выделяются Горишни Шеровцы и Ревно.

Княжеская крепость в Горишних Шеровцах на р. Прут была построена на высокой горе, разделяющей земли двух гнезд общинных поселений VIII–X вв. Каждое из гнезд имело свое городище — общинный центр. С постройки в конце X в. Горишнешеровской княжеской крепости оба прежних городища прекратили свое существование.[493] Очевидно, это произошло после 992 г. — года «окняжения» хорватов Владимиром Святым.

По мнению Б.А. Тимощука, «окняжение» этих общин прошло мирно, и новую княжескую крепость построили на «нейтральной» земле.[494] То обстоятельство, что прежние городища исчезли, а близ новой крепости сколь-либо значимого нового посада не появилось, говорит, что не обязательно это «окняжение» было мирным. Иначе прежние городища не мешали бы.

Явно не мирно утверждалась власть киевских князей на группе хорватских поселений, раскопанных у Ревно на Буковине также близ р. Прут.

Безымянный город там существовал уже в X в. и прекратил свое существование в конце такового. Построенная на месте разрушенного общинного центра княжеская крепость соседствовала с поселением ремесленников в урочище Царина. Это поселение было вполне автономно, оно продолжало свое существование и после ликвидации княжеской крепости.[495] Его автономность подтверждается и наличием отдельного могильника, удаленного от могильника крепости. Ремесленники Царины обслуживали не только население крепости, но и всей округи, работая на рынок.[496]

На территории Запрутской Молдовы сколь-либо выраженных центров, могущих быть отнесенным к городскому типу поселений,

---

[492] Федоров Г.Б. Генезис и развитие феодализма…, с.47.
[493] Тимощук Б.А. Восточные славяне, с.186.
[494] Там же, с.192.
[495] Там же, с.196.
[496] Там же, с.196.

до настоящего времени археологами не выявлено. Как крупное городище выделяется поселение у с. Ибэнешть в центральной части Запрутской Молдовы. По типу оно соотносимо с городищами Лукашевка, Рудь Пруто-Днестровского междуречья и вполне может быть отнесено к княжеской крепости.

Небольшие городища-крепости — Фунду-Герций, Баранка, Деревка, Городище — сохранялись на прежнем хорвато-тиверском порубежье. При этом, очевидно, их функции изменились. В то же время ряд находок позволяет судить о наличии у тамошнего древнерусского населения тех же экономических связей, что и у жителей тиверского Пруто-Днестровья. На ряде поселений центральной части Пруто-Сиретского междуречья (археологическая культура Хлинча I) найдена серая тонкостенная посуда византийского типа.[497] Это, скорее всего, является следствием торговых русско-византийских связей. Связи эти не могли не существовать в регионе, из всех русских земель наиболее близком к Балканам.

Проникали в этот район и арабские монеты. У Босии близ города Яссы обнаружены две арабские бронзовые монеты, выпущенные во время правления халифа Марвана (747–750 гг.).[498] В том же регионе близ Ясс, у Рэдэкунень, обнаружены 7 арабских серебряных дирхемов, выпущенных между 757 и 806 гг. во времена правления аббасидских халифов Аль-Мансура (754–775 гг.), Аль-Махди (775–785 гг.) и Гарун-аль-Рашида (786–809 гг.).[499]

Исследователи дают в настоящее время различные оценки уровню развития городской жизни в Поднестровье и Попрутье в X–XI вв. Г.Б. Федоров склонен оценивать городские поселения Днестровско-Карпатских земель этого периода как центры ремесла и торговли, центры товарного производства, находившиеся в начале стадии развитого феодализма.[500] Б.А. Тимощук склонен рассматривать древнерусские городища этого периода как раннефеодальные центры раннегородского типа.[501] По мнению А.В. Кузы, укрепленные поселения бассейнов Днестра и Прута, несмотря на некоторые городские черты, так и не развились в городские центры, и основой

---

[497] Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. Археология Румынии, с.304.

[498] Spinei V. Realitati etnice si politice in Moldova meridionala in secolele X–XIII. Romani si Turanici, p.134.

[499] Ibidem, p.135.

[500] Федоров Г.Б. Генезис и развитие феодализма…, с.50–51.

[501] Тимощук Б.А. Древнерусские города Северной Буковины. — Древнерусские города. М., 1981, с.116–136.

экономики их оставалось сельское хозяйство и промыслы.[502] А.В. Куза полагает, что большинство из них разделило судьбу «древлянских градов» и прекратило свое существование в процессе государственного объединения Руси.[503] По мнению П.П. Бырни, в Днестровско-Прутском междуречье в X–XI вв. сложились раннегородские центры — протогорода.[504]

Для того чтобы определить место городских поселений Днестровско-Карпатских земель среди городов Древней Руси, их социально-экономическое содержание необходимо применить в исследовании шкалу археологических признаков города. Для древнерусских городов «городские» признаки систематизируются по следующим основным рубрикам и подрубрикам:[505]

I. Экономика:
   1) ремесло (производственные комплексы, орудия труда, полуфабрикаты);
   2) сельское хозяйство (орудия обработки почвы, орудия уборки урожая);
   3) торговля (импорты, детали весов, монеты и денежные слитки).
II. Административное управление (печати, пломбы).
III. Военное дело:
   1) наступательное оружие;
   2) доспехи, снаряжение коня и всадника.
IV. Идеология:
   1) каменные храмы;
   2) другие культовые сооружения (капища, идолы и пр.).
V. Культура:
   1) памятники эпиграфики;
   2) орудия письма;
   3) книжные застежки и накладки.
VI. Быт феодалов:
   1) предметы боярско-княжеского парадного убора;
   2) дорогая посуда;
   3) высокохудожественные предметы прикладного искусства.
VII. Внутренняя топография:
   1) усадебно-дворовая застройка;

---

[502] Куза А.В. Социально-историческая типология…, с.33.

[503] Там же, с.34.

[504] Бырня П.П. Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинев, 1984, с. 30.

[505] Куза А.В. Указ.раб., с. 24.

2) дифференциация жилых построек по местоположению, размерам и устройству.

VIII. Плановая структура поселения:

1) простая (I тип);
2) сложная (II тип);
3) неукрепленные селища-посады.

Основываясь на этих рубриках «городских признаков», можно составить следующие таблицы:

Таблица 1

Сводная археологическая характеристика древнерусских поселений городского типа в Днестровско-Карпатских землях IX–XI вв.

Название памятника	Археологическая характеристика							
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
	1 2 3	1	1 2	1 2	1 2 3	1 2 3	1 2	1 2 3
1. Алчедар	+ + +	–	+ +	– –	– – –	+ + +	– +	– + –
2. Горишни Шеровцы II	+ – –	–	+ –	– –	– – –	– – –	– +	+ – –
3. Екимауцы	+++	–	+ +	– –	– – –	– ++	– +	– + –
4. Лукашевка	+ + –	–	+ –	– –	– – –	– – –	– +	– + –
5. Ревно II	+ – –	–	+ –	– –	– – –	– – –	– +	+ – –
6. Рудь III	+ + –	–	+ –	– –	– – –	– – –	– +	– + –

Таблица 2

Площадь крепостей и посадов

Памятник	Площадь крепости	Площадь посада
1. Алчедар	70×80 м	100 га
2. Горишни Шеровцы II	100×170 м	—
3. Екимауцы	60×86 м	38,5 га
4. Лукашевка	60×80 м	24 га
5. Ревно II	300×160 м	—
6. Рудь III	60×70 м	4,5 га

Совершенно очевидным является наблюдение, что лишь Алчедар и Екимауцы обладают в какой-то мере набором археологических показателей, приближающих их к уровню городских центров Древней Руси. С экономической точки зрения эти центры выделяются достаточно высоким уровнем и специализацией ремесел, подчиненным значением сельского хозяйства, наличием внутренних и внешних торговых связей. Значительное количество оружия и предметов военного быта, обнаруженных на этих поселениях,

подтверждает мысль, что они являлись княжескими крепостями, опорными пунктами великокняжеской власти в Поднестровье.

Отдельные находки — нательные кресты, языческие амулеты — свидетельствуют о проникновении христианства, но и об одновременном бытовании прежних языческих верований. Культовых сооружений не сохранилось. Языческие капища должны были быть уничтожены по распоряжению княжеской власти после официального крещения Руси в 988/9 гг., христианские же храмы либо не были еще воздвигнуты, либо носили характер временных сооружений и археологически не прослеживаются. О возможном проживании на поселениях представителей феодальной верхушки свидетельствует обнаружение многочисленных ценных украшений, которые не могли принадлежать рядовым жителям посадов. Из предметов боярско-княжеского парадного быта обнаружены лишь серебряная гривна в Алчедаре, которая могла быть знаком власти.[506]

Если говорить о наличии в этих крепостях сколь-либо значительных сооружений, то здесь выделяются обнаруженные при раскопках укрепления у с. Екимауцы остатки длинного дома, служившего, по-видимому, для общинных собраний, обрядовых церемоний, хранения ценностей и запасов. Позднее там могли располагаться княжеские дружинники.

Плановая структура Алчедара, Екимауц, а также Лукашевки и Руди носит сложный характер: наличие крепости-детинца и окольного посада вокруг него, что является очень важным «городским» признаком. Однако размеры укрепленных центров этих поселений весьма невелики, ни одно из них не достигает даже 1 га.

Наибольшее значение в регионе, должно быть, имело поселение у села Алчедар. Оно могло быть военно-административным и экономическим центром значительной округи из 23 селений, располагавшихся от него на расстоянии до 20 км. В этой округе существовали и другие менее значительные укрепленные пункты X и XI вв., как, например, крепости у сел Куратуры, Глиншены, Матеуцы, Попауцы и Олишканы. Крепости эти возникли на местах укрепленных опорных пунктов местного населения еще в античную эпоху — их строили древние геты в IV–III вв. до н.э. Восточные славяне, обнаружив эти заброшенные городища, умело перестроили их в свои крепости — убежища на случай вражеских нападений. Эти укрепления-убежища ограждали со всех сторон густо населен-

[506] Федоров Г.Б. Генезис и развитие феодализма…, с.45.

ный район-гнездо древнерусских поселений на Среднем Днестре, центром которого и мог быть зарождающийся город у нынешнего села Алчедар. Еще два гнезда древнерусских поселений с рядом укреплений почти смыкались с предыдущим и были расположены одно южнее (в окрестностях ремесленно-торговых поселений с укреплениями у сел Царевка и Екимауцы), другое севернее его у сел Жабка и Пояна-Кунича.[507]

Таков был облик самой развитой части Днестровско-Карпатского региона в эпоху господства в нем Киевской Руси.

В то же время очевидно, что подлинными городами Древней Руси можно считать лишь те поселения, которые, обладая всеми или же большинством археологических городских признаков, являются как бы уменьшенными копиями стольных городов Руси.[508]

Проведенное советским археологом А.В. Кузой типологическое исследование древнерусских городов выявило очень существенный момент: в полном объеме городские признаки выявлены только у поселений, общая укрепленная площадь которых превышает 2,5 га. Судя по всему, этот показатель и является археологически уловимой гранью, отделяющей «степень концентрации жителей города от прочих типов поселений».[509] Он, однако, не является единственным. Площадь не обязательно признак городского характера укрепления.

Из числа древнерусских укрепленных поселений лишь Ревно по площади соответствует городскому центру. Однако прочие археологические характеристики не дают оснований относить Ревно к числу городов. Отсутствуют признаки развитых внутренних и внешних торговых связей. Ремесленное производство было в основном направлено на удовлетворение нужд жителей поселения. Простая структура поселения (отсутствие непосредственно примыкающего к укреплению посада), отсутствие усадебно-дворовой застройки внутри крепости, которая является принципиальной особенностью внутригородской планировки, все это, вместе взятое, не позволяет отнести Ревно к городским центрам Древней Руси. Торгово-ремесленное поселение Царина, автономное по отношению к княжеской крепости и занимавшее в X в. площадь 450×450 м, было ближе к типу городского центра Древней Руси.[510]

---

[507] История Молдавской ССР, с.233.

[508] Куза А.В. Социально-историческая типология…, с.26.

[509] Там же.

[510] Тимощук Б.А. Восточные славяне, с.196.

Ревно, так же как и Горишни-Шеровцы, следует рассматривать как княжеские крепости, несшие прежде всего военные функции.

О наличии определенных внешнеторговых связей древнерусских городищ Поднестровья свидетельствуют нумизматические материалы. При раскопках Екимауцкого (1950, 1951 гг.) и Алчедарского (1962, 1963 гг.) городищ был обнаружен 21 экземпляр куфических монет конца IX–X вв.[511] Монеты такого типа чеканились в этот период в среднеазиатском государстве Саманидов. Важнейшими поставщиками куфической монеты на денежные рынки Восточной Европы являлись Итиль, столица Хазарского каганата, и Булгар, центр Волжской Болгарии. Основные торговые пути, по которым восточное серебро попадало на древнерусские земли, шли из Хазарского каганата и Волжской Болгарии.[512]

10 монет найдено на Екимауцком городище, 11 — в Алчедаре, 20 находок — серебряные дирхемы, 1 — медный фальс, 9 являются оригинальными саманидскими монетами, 12 — подражаниями.[513] 4 монеты эмира Исмаила ибн Ахмада (892–907 гг.), 1 — Ахмада II ибн Исмаила (908–913 гг.), 13 — Насра II ибн Ахмада (914–943 гг.), 1 — Абуаллаха ибн Микаила, 2 — неопределенные. Монеты чеканились в Самарканде и Балхе, подражания, возможно, в Суваре или Булгаре.

Следует отметить тот факт, что находки куфических монет сосредоточены в зоне наибольшей плотности сосредоточения памятников древнерусской культуры на территории Днестровско-Карпатских земель.

По мнению специалистов, проникновение в Днестровско-Карпатские земли куфических монет связано с широкой торговлей, которую вела Древняя Русь со странами Центральной Европы, и подтверждает значение торгового пути, связывавшего Киевскую Русь с Западом.[514]

Непосредственно в Днестровско-Карпатские земли эти монеты проникали из древнерусских центров Подолья.[515] Время притока куфической монеты в Поднестровье можно отнести ко второй половине первого десятилетия — началу последней трети X в.[516]

---

[511] Нудельман А.А. Очерки истории монетного обращения, с.84.

[512] Там же.

[513] Там же, с.86.

[514] Там же.

[515] Кропоткин В.В. Время и пути проникновения куфических монет в Среднее Подунавье. — Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972, с.202.

[516] Нудельман А.А. Указ.соч., с.88.

Многие находки, обнаруженные на месте срубных домов в княжеских крепостях Днестровско-Карпатских земель, знакомят с жизнью и бытом военно-служилой знати — княжеских дружинников. При раскопках городищ — княжеских крепостей X–XI вв., в Екимауцах и Алчедаре, прекративших свое существование в результате военного штурма, найдены предметы вооружения (мечи, сабли, копья, стрелы, боевые топоры), дорогие украшения (серебряные шейные гривны, височные кольца, пластинки от панцырей), импортные вещи (византийские монеты и сосуды, восточные дирхемы). Эти находки свидетельствуют, что жители княжеских крепостей на территории Днестровско-Карпатского региона в землях бывшего племенного княжения тиверцев, таких как Алчедар, Екимауцы, в меньшей степени Лукашевка, Рудь, в первые века единой Киевской Руси (X–XI вв.) были хорошо вооружены, носили мечи и украшения из дорогих металлов, пользовались защитной одеждой (панцыри), принимали участие в международной торговле, о чем более чем недвусмысленно говорят куфические монеты, обнаруженные в городищах Алчедар и Екимауцы. Обнаруженные в крепостях скелеты лошадей и железные шпоры позволяют утверждать, что дружинники были конными воинами и занимались также охотой, об этом свидетельствуют многочисленные находки костей диких животных.[517]

Очевидно, олицетворяя княжескую власть на землях бывшего княжения тиверцев, военно-служилая знать, проживавшая в этих княжеских крепостях, принимала участие в сборе княжеской дани, выполняла административные функции по отношению к местным общинам, занималась международной торговлей, участвовала в военных походах киевских князей — военные предприятия Святослава, Владимира и Ярослава на Дунае, — располагала аппаратом принуждения. Во время походов в другие страны — Болгария, Византия — военно-служилые люди днестровско-карпатских владений Киевской Руси могли перенимать многое из того, что удалось узнать и увидеть в чужих краях.[518]

Подводя итоги проведенному исследованию древнерусских городищ на территории Днестровско-Карпатских земель, можно сделать следующие выводы:

1. Поселений, где отмечалось бы наличие в полном объеме развитых городских признаков, в Днестровско-Карпатских землях к середине XI в. не было.

---

[517] Тимощук Б.А. Восточные славяне. От общины к городам. М., 1995, с.206.
[518] Там же.

2. При благоприятных условиях развития возможно было превращение в города таких поселений, как Алчедар и Екимауцы. В пользу этого говорит наличие в них торгово-ремесленных посадов большой площади, обособление ремесел от сельского хозяйства, наличие внутренних и внешних торговых связей.
3. На этом же пути находились поселения Лукашевка и Рудь, где также возникают посады рядом с укрепленными пунктами и происходит обособление ремесла.
4. В больших княжеских крепостях Ревно и Горишни Шеровцы тенденции превращения их в городские центры пока не прослеживаются.
5. Ядром, вокруг которого происходило зарождение ранних форм городской жизни, являлись княжеские крепости, сооруженные на местах восточнославянских поселений — общинных центров предшествующей эпохи. В одних случаях прежние поселения просто преобразовывались в княжеские крепости путем возведения укреплений и размещения гарнизонов (Екимауцы, Лукашевка, Рудь), в других же случаях предшествующее поселение разрушалось, сжигалось (Алчедар). Княжеские крепости в Поднестровье являлись крупнейшими феодальными центрами. Они знаменовали собой не только факт вхождения этой территории в состав Киевской Руси, но и распространение на нее общих форм древнерусского феодализма в X–XI вв.
6. В обнаруженных археологами небольших древнерусских укрепленных городищах (Мерешовка, Жабка, Пояна-Кунича, Куратуры, Глинжены I и II, Матеуцы, Олишканы, Попауцы, Стохная, Царевка, Данчени, Городиште, Машкауцы, Кырлань и др.) сколь-либо заметные «городские» археологические признаки не прослеживаются. Их, вероятно, следует рассматривать как небольшие княжеские погосты, стоявшие в центре сельских округ.

Следовательно, в Днестровско-Карпатских владениях Киевской Руси к середине XI в. только зарождались первые городские центры. Укрепленные центры — городища древнерусского населения Днестровско-Карпатских земель — являли собой прообраз раннефеодального города, военно-административный и торгово-ремесленный центр группы сельских поселений.[519] Такие городища снабжали жителей окрестных селищ изделиями ремесленного производства, получали у них сельскохозяйственную продукцию. Во время напа-

[519] Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф., Великанова М.С. Бранештский могильник, с.99.

дений степных кочевников они могли служить убежищами, защитой от врагов. Подобные гнезда поселений в X–XI вв. становятся структурной ячейкой феодального общества, ранней политической и экономической формой феодальной организации.[520]

Древнерусские же селища представляли собой неукрепленные сельские поселения, где основными занятиями жителей было земледелие, скотоводство, бортничество, охота, рыболовство. В городищах и посадах существовали металлургическое и гончарное производства, производство оружия, орудий труда для сельского хозяйства и промыслов.

В каждом из таких поселений жило, видимо, в среднем 150–200 человек. Сельские поселения были обычно вытянуты вдоль берега реки или ручья, иногда цепочкой по несколько поселений на небольшом расстоянии друг от друга (например, 7 селищ вдоль Днестра между современными селами Пояна и Сокол), и размещались они на первой или второй надпойменных террасах, занимая в длину 200–250 м., в ширину 150–200 м. Насколько можно судить по результатам раскопок селищ 4 сел Пояна, Требужени, Одая, Лопайна, жилища располагались либо гнездами, либо рядами вдоль реки или ручья. Основным занятием жителей было земледелие, скотоводство, бортничество, охота, рыболовство, а на отдельных селищах, возможно, еще металлургия и гончарство.[521]

Судя по расстоянию между жилищами как на посадах, так и на селищах, не превышавшему 5–7 метров, дворы и усадьбы были очень невелики по размерам, т.е. основные участки обрабатывающих земель находились вне поселения и были, видимо, общинной собственностью, в то время как приусадебные участки играли в хозяйстве лишь второстепенную роль. В дальнейшем, видимо за счет падения роли общины и общинных земель, резко увеличились размеры приусадебных участков и соответственно расстояние между жилищами.[522]

Увеличение личных владений сельских жителей Днестровско-Карпатских земель может быть напрямую связано с подчинением их Киевской Руси. Дань киевскими князьями с податного населения взималась не с общины в целом, но с отдельных хозяйств: «по кунице с дыма», «по шелягу с рала». Это поощряло земледельцев

---

[520] Федоров Г.Б. Генезис и развитие феодализма у древнерусского населения Днестровско-Прутского междуречья в IX–XII вв., с.42–52.

[521] Федоров Г.Б. Генезис и развитие феодализма…, с.48.

[522] Там же, с.48.

расширять личное хозяйство. Так, здесь, как и в остальной Руси, в общинном владении оставались леса, пастбища, рыбные ловы, а земли пахотные переходили во владение личное.

Основным жилищем у древнерусского сельского населения Днестровско-Карпатских земель оставалась, как и в тиверскую эпоху, полуземлянка площадью в среднем 15 кв. м, сооруженная из дерева и глины. У наиболее зажиточной части населения в X–XI вв. начали появляться наземные деревянные, обмазанные глиной дома. Полуземлянки отапливались печами-каменками, а в местах, где выхода камня на поверхность меньше, бытовали глинобитные печи, которые одновременно служили для приготовления пищи. Стены жилищ сооружались из плетня и обмазывались глиной — способ обивки стен плетнем, ранее присущий в основном хорватам, затем спустился и к югу в земли тиверцев, вытеснив деревянные плахи. Крыша была одно- и двускатной. Спускались в жилище обычно по небольшой деревянной лестнице или земляным ступенькам. Домашняя утварь состояла из ручных жерновов для размола зерна, глиняной посуды, простых деревянных педалек, металлических предметов (ножей), простых украшений, глиняных и шиферных пряслиц. Вокруг дома располагались ямы-хранилища, летние сооружения.

В эпоху господства в Днестровско-Карпатских землях Киевской Руси (X–XII вв.) у древнерусского населения региона происходили существенные перемены в развитии земледелия. Если у славян VI–IX вв. при возделывании сельскохозяйственных культур применялись подсечно-огневая и залежно-переложная системы земледелия, то у древнерусского сельского населения начинает распространяться наряду с перелогом паровая система. Вместе с заметным ростом древнерусского населения в регионе увеличивается площадь обрабатываемых земель.[523]

Подъем земледельческого производства у древнерусского населения Днестровско-Карпатских земель, как и во всей Древней Руси того времени, отразился не только в широком освоении целинных земель с помощью более современной пахотной техники и использования таких пластовых культур, как просо, конопля, лен, но и в появлении севооборотов пар–озимые–яровые и новых видов культур — карликовой и мягкой пшеницы, овса. В паровой системе земледелия возросло значение ржи, становившейся главной продовольственной культурой всей Древней Руси. На древнерусском по-

[523] История Молдавской ССР, с.235.

селении у с. Екимауцы рожь составила 48,5% всех найденных при раскопках зерен, тогда как пшеница — 43%. В ряде находок на поселениях рожь составляла до 90%.[524]

Высокий уровень сельского хозяйства у древнерусского населения Днестровско-Карпатских земель, у южных славян в Карпато-Дунайском регионе стал важнейшим элементом славянского наследия в истории Румынии. Пастушеское восточно-романское население, осваивая в XIII–XIV вв. земли, ранее населенные славянами, именно у них перенимало сельскохозяйственный опыт, опыт различных ремесел. Не случайно основная сельскохозяйственная терминология в румынском языке, так же как значительная часть ее, связанная с ремеслами, — славянского происхождения.[525]

Рало звучит как ралэ и по-румынски; пахарь — соответственно плугарул; посевы — семэнэтурь, сеять — а семэна, сеялка — семенэтоаре, и во всех этих словах славянская основа: семена. Грабли — греблэ, почти идентично по-русски и по-румынски; борозда — браздэ. Гречиха — гричка, явный славянизм. Рожь — сечарэ, крупа — крупе. Пахать — а ара, здесь явственно слышится старославянское «орать» — пахать. Коса по-румынски коасэ, косить — а коси, косарь — косаш, косилка — коситоаре. Серп — сечерэ, основа — славянский глагол «сечь», соответственно жатва — сечериш.

Характерно, что сельскохозяйственные славянизмы в румынском языке связаны прежде всего с пахотой, посевом, жатвой, косьбой, орудиями земледельческого труда, зерновыми. Очевидно, предки румын, волохи, переселяясь из горных областей, где они традиционно занимались отгонным скотоводством, пастушеством, именно у славян, населявших с V–VI вв. равнинные территории Карпато-Дунайских и Днестровско-Карпатских земель, заимствовали навыки земледельческого труда. Это же относится и к отдельным видам ремесел. Молоток по-румынски — чокан, гвозди — куйе. В словах этих явственно слышны славянские глаголы «чеканить», «ковать».

Вернемся вновь к конкретным сельским поселениям Днестровско-Карпатских земель эпохи Киевской Руси.

Из числа древнерусских селищ на территории Пруто-Днестровского междуречья наиболее изученными археологами на сегодняшний день являются селища Бранешты XIII, относящиеся к X–XI вв., населению которого и принадлежал Бранештский могильник. Хотя

[524] История Молдавской ССР, с.236.
[525] Краткая история Румынии. М., 1987, с.17.

крупномасштабные раскопки на селище до настоящего времени не проведены, имеющиеся находки позволяют сделать предварительное заключение о характере хозяйства и основных занятиях населения.[526]

Основными занятиями жителей селища были земледелие и домашнее животноводство. Существовало местное производство лепной посуды. Существовали на селище также железоплавильное и кузнечное производства. Изделия же из цветных металлов (бронзы, меди, серебра), украшения, детали одежды — производились не на селище, а скорее всего на ближайшем городище Лукашевка, где найдены следы производства из цветных металлов.[527] Также на городище должна была производиться гончарная керамика, найденная при раскопках близлежащего Бранештского могильника.

Эти факты свидетельствуют о наличии экономических связей между жителями селища Бранешты XIII и населением городища Лукашевка. Правомерно будет полагать, что и прочие селища, окружавшие городища — княжеские крепости и погосты, — поддерживали с ними аналогичные связи.

Подведем теперь итоги этой главы:

- развитие феодальных отношений в Днестровско-Карпатском регионе в целом шло теми же путями, что и в других землях Древней Руси;
- племенное княжение тиверцев первоначально (после 885 г.) входило в конфедерацию племенных княжений восточных славян, объединенных вокруг земли полян со столицей в Киеве, сохраняя свои местные племенные особенности;
- позднее, скорее всего в середине X в., их земли, подобно землям других племенных княжений, были подвергнуты «окняжению» центральной властью Киевской Руси. «Окняжение» проводилось путем преобразования основных городищ тиверцев в княжеские крепости, где размещались гарнизоны дружинников, в ведении которых находилась организация сбора дани с подвластного населения. Менее значительные городища превратились в небольшие опорные пункты великокняжеской власти — погосты. С конца X в. те же процессы идут на Северной Буковине, ранее входившей в племенное княжение хорватов, присоединенное к Руси в 992 г.;

[526] Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф., Великанова М.С. Бранештский могильник, с.99.
[527] Там же.

- в большинстве своем княжеские крепости и погосты были перестроены из тиверских городищ предшествующего времени без предварительного разрушения. Исключение — Алчедар, где, возможно, был ранее центр племенного княжения тиверцев. Это свидетельствует о том, что в Днестровско-Карпатских землях «окняжение» в целом шло мирным путем;
- княжеские крепости и погосты были центрами гнезд древнерусских поселений в регионе и имели выраженную топографию поселений сообщества, находящихся на стадии отделения города от деревни. Это соответствует уровню становления раннефеодальных отношений. Утверждения Г.Б. Федорова, что на рубеже IX–X вв. на территории Днестровско-Прутского междуречья возник целый ряд городов в соответствии с началом стадии развитого феодализма,[528] являются большим преувеличением и не соответствуют действительности. Реального городского уровня городища региона в X–XI вв. не достигли, стадия же развитого феодализма начинается на Руси лишь на рубеже XI–XII вв., когда в наиболее развитых областях появляется частновладельческое вотчинное хозяйство. Стадия развитого феодализма соотносится с периодом феодальной раздробленности, которая на Руси утверждается окончательно лишь с 30-х гг. XII в.;
- наличие княжеских крепостей и погостов в регионе является свидетельством распространения и дальнейшего развития в нем феодальных отношений типа государственного феодализма в форме, соответствующей стадии раннефеодальных отношений.

Население региона платило дань киевскому князю — обычная форма феодальной ренты в раннефеодальных государствах. Размеры дани, должно быть, были аналогичны обложению населения наиболее близких к региону областей — земель уличей и древлян.

Известно по летописи, что воевода Свенельд обложил древлян и уличей «по черной куне с дыма».[529] Помимо дани жители Днестровско-Карпатских земель несли и военную повинность, выставляя вооруженные отряды, принимавшие участие в войнах Руси с Византией.

Важно отметить, что сеть княжеских крепостей и погостов в Днестровско-Карпатских землях охватывала прежде всего часть

[528] Федоров Г.Б. Генезис и развитие…, с.50–51.
[529] Новгородская I летопись. М., 1950, с.109.

Среднего Поднестровья — Междуречье Днестра и Реута, а также центральную и северную часть Пруто-Днестровского междуречья. В Запрутской Молдове их сеть значительно реже. Можно выделить как княжескую крепость крупное городище у Ибэнешть, как погосты — городища у Фунду-Герцей, Баранки, Дерска, Городище. Здесь, правда, надо учитывать и недостаточный уровень археологических исследований древнерусских памятников на этой части территории Днестровско-Карпатских земель.

Подводя итоги, отметим следующие особенности проявления общерусских форм феодализма государственной собственности и государственной эксплуатации в Днестровско-Карпатском регионе.

В отличие от земель древлян и уличей государственно-феодальные отношения — «окняжение» — утверждались на землях тиверцев в основном мирным путем.

С другой стороны, в силу, возможно, большой географической удаленности их от центров Киевской Руси, сеть крепостей и погостов в регионе была неравномерной. Она охватывала прежде всего междуречье Днестра и Реута, в меньшей степени центральную и северную части Пруто-Днестровского междуречья и в незначительной мере земли Запрутской Молдовы.

Уровень развития феодальных отношений в регионе в целом был несколько ниже, нежели в большинстве других областей Руси, поскольку развитые городские центры в Днестровско-Карпатских землях в X–XI вв. еще не сформировались.

В середине XI в. происходит массовое перемещение печенегов в Днестровско-Карпатские земли и степи Нижнего Подунавья. В результате этого один из основных торгово-ремесленных центров в регионе Екимауцы под ударами кочевников прекращает свое существование.[530]

Подвижение кочевых тюркских народов в Днестровско-Карпатские земли в X–XI вв. стало оказывать существенное влияние на политическую и социально-экономическую историю региона.

[530] Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф. Памятники древних славян, с.85, 93.

Глава 4. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КОЧЕВЫХ И ОСЕДЛЫХ НАРОДОВ В ДНЕСТРОВСКО-КАРПАТСКИХ ЗЕМЛЯХ К СЕРЕДИНЕ XII В.

Значение кочевнической цивилизации в истории народов Евразии исключительно велико. Во-первых, она занимала подлинно гигантские территории евразийских степей от римско-византийского лимеса на Дунае вплоть до Великой китайской стены; во-вторых, она существеннейшим образом влияла на судьбы соседних со степью, а частью и весьма отдаленных от нее оседлых народов.

«Кочевая цивилизация представляла собой отработанную веками наиболее рациональную для того уровня производительных сил форму освоения человеком внутренних районов Азии. Это была жизнеспособная, отнюдь не примитивная система общественной организации, способная гибко реагировать как на изменение природных условий, так и на внешнюю опасность. Более того, в этом мире мерного передвижения стад, войлочных юрт, трудной жизни пастухов и постоянного хаоса междоусобиц нередко аккумулировались силы, способные подобно удару молнии поражать соседние оседлые цивилизации».[531]

Днестровско-Карпатские земли являлись ареной передвижений различных кочевых народов издревле. Это обусловливалось самим географическим положением области, находящейся в конце евразийского «степного коридора».[532]

Фактически искусство, доступное Авелю, родившемуся после Каина, было не только более поздним приобретением. Номадизм был более выгоден экономически, чем земледелие. Здесь напрашивается определенная параллель с промышленным производством. Если земледелец производит продукцию, которую он может сразу же и потреблять, кочевник, подобно промышленнику, тщательно перерабатывает сырой материал, который иначе не годится к употреблению. Земледелец выращивает злаки, которые сам и потребляет. Кочевник пользуется естественными выпасами, скудная и гру-

[531] Кычанов Е.В. Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане. Новосибирск, «Наука», 1980, с.22.

[532] Полевой Л.Л. Очерки исторической географии Молдавии XIII–XV вв. Кишинев, 1979, с.161.

бая растительность которых непригодна для человека, но приемлема для животных. Человек же получает мясо и молоко животных, использует их шкуры для одежды.

Эта непрямая утилизация растительного мира степи через посредство животного создает основу для развития человеческого ума и воли. Круглый год кочевник должен искать корм для своего скота в суровой и скудной степи. В соответствии с годовым циклом он должен перемещаться по степным пространствам, преодолевая немалые расстояния, с летних пастбищ на зимние и наоборот. Причем кочует он не только со своим стадом, но всей семьей, со всем имуществом. Кочевники не смогли бы одержать победу над степью, выжить в столь суровом естественном окружении, если бы не развили в себе интуицию, самообладание, физическую и нравственную выносливость.

Неудивительно, что христианская церковь нашла в повседневной жизни номадической цивилизации символ высшего христианского идеала (образ «доброго пастыря»). Неудивительно также, что столь мощный и успешный рывок должен был предопределить и плату, соразмерную огромному напряжению, сопровождавшему его.

Наказание, постигшее кочевников, в сущности, того же порядка, что и наказание эскимосов. Ужасные физические условия, которые им удалось покорить, сделали их в результате не хозяевами, а рабами степи. Кочевники, как и эскимосы, стали вечными узниками климатического и вегетационного годового цикла. Наладив контакт со степью, кочевники утратили связь с миром. Время от времени они покидали свои земли и врывались во владения соседних оседлых цивилизаций. Несколько раз им даже удавалось перевернуть размеренную жизнь оседлых своих соседей. Однако кочевник выходил из степи и опустошал сады цивилизованного общества не потому, что он решил изменить маршрут своего привычного годового климатико-вегетационного перемещения. Скорее это происходило под воздействием внешних сил, которым кочевник подчинялся механически. Были две такие силы, которым он слепо повиновался. Кочевника выталкивало из степи резкое изменение климата либо его засасывал внешний вакуум, который образовывался в смежной области местного оседлого общества. Вакуум этот возникал как следствие таких исторических процессов, как надлом и распад оседлого общества».[533]

---

[533] Тойнби А.Дж. Постижение истории. М., 1996, с.153.

Справедливости ради надо отметить, что когда климатические условия выталкивали кочевников на земли оседлых народов, то сами эти нашествия номадов и становились главной причиной и надлома, а порой и распада оседлых обществ.

Приведенная обширная цитата из известного труда Тойнби, думается, дает подробную и верную картину соотношения между кочевьем и земледелием, которое, зародившись действительно в библейские времена, в основном сохранялось до Нового времени. Несколько неточным у английского автора представляется отождествление пастушества и кочевничества. «Добрый пастырь», безусловно, мирный пастух, но никак не воинственный номад. Пастушество было составной частью оседлой цивилизации, не противостоя ей, но, скорее, дополняя ее и занимая более чем почетное место.

Наибольших успехов кочевники достигали тогда, когда подчиняли себе целые народы оседлых цивилизаций, однако «судьба империй, основанных номадическими завоеваниями, покорившими оседлые народы, заставляет вспомнить притчу о семени, которое «упало на места каменистые, где не много было земли, и скоро взошло, потому что земля была неглубока; когда же взошло солнце, увяло и, как не имело корня, засохло» (Матф. 13.5-6). Обычно история таких империй начинается с резкой демонстрации власти, которая затем быстро деградирует и распадается. Средняя продолжительность жизни таких империй, по определению Ибн Хальдуна, не более трех поколений, т.е. 120 лет. Номадические империи могущественны, ибо силы, обретенной под действием стимула враждебного мира степи, хватает, как правило, для завоевания оседлых народов. В то же время номадические империи эфемерны, потому что с утратой стимула начинает исчезать и сила. Особые качества, выработанные в условиях сурового физического окружения, неизбежно атрофируются в новых условиях, начинается деградация и упадок. С другой стороны, покоренные кочевниками племена, оправившись от шока, вызванного неожиданным, зачастую весьма грубым ударом, начинают выходить из летаргического оцепенения и постепенно восстанавливать свое нравственное самосознание. Это приходится на тот момент, когда их номадические хозяева начинают терять свою власть и силу. Названные процессы хотя и совпадают по времени, вызваны разными причинами. Если номадический пастырь деградирует, не отвечая экономическим целям общества, то паства восстанавливается, поскольку она осталась на прежней и по-прежнему экономически продуктивной почве, несмотря на изменившиеся политические условия.

Процессы эти рано или поздно приводят к тому, что названные пастыри либо изгоняются, либо ассимилируются».[534]

Столь печальные и однозначно безысходные финалы номадических империй и навели, по-видимому, А.Дж. Тойнби на мысль, что «таким образом, несмотря на нерегулярные набеги на оседлые цивилизации, временно включающие кочевников в поле исторических событий, общество кочевников является обществом, у которого нет истории».[535] Такое безысходное определение исторической сути общества номадов вызвало в свое время ряд возражений в отечественной исторической науке. Оппонентами Тойнби выступили И.Я. Златкин и И. Васильченко.[536]

С появлением в регионе постоянных кочевий начался второй этап взаимоотношений кочевников и оседлых поселенцев в Днестровско-Карпатских землях. В это время их взаимоотношения постепенно развиваются в направлении к установлению добрососедского сосуществования. Этому способствовали следующие факторы:

- прекращение существования древнерусских укрепленных центров, с одной стороны, обезопасило кочевнические вежи от возможных контрударов, после чего у кочевников исчезла чисто военная необходимость в больших походах на эту территорию;
- с другой стороны, именно эти относительно богатые торгово-ремесленные центры и были ранее основным экономическим стимулом кочевнических набегов. После их уничтожения экономических стимулов для дальнейших набегов также не стало;
- грабительские набеги на сельские поселения большой добычи дать не могли. Установление мирных торговых связей для взаимообмена продуктами земледелия и кочевого скотоводства, несомненно, обещало больше экономических выгод;
- свидетельством мирного сосуществования кочевников и оседлых жителей в регионе к середине XII в. является сохранение в центральной части Пруто-Днестровского междуречья, близ земель, занятых кочевниками, значительного числа древнерусского поселений. К ним относятся следующие археологические памятники: Петруха, Бранешты XIII, Лукашевка V к югу от

---

[534] Тойнби А.Дж. Постижение истории, с.154.

[535] Там же, с.153.

[536] Златкин И.Я. Концепция истории кочевых народов А. Тойнби и историческая действительность. — Современная историография стран зарубежного Востока. М., 1971; Васильченко И. Еще раз об особенностях феодализма у кочевых народов. — Вопросы истории, №4, 1974, с.194.

нижнего течения р. Реут; Страшены и Страшены IV по р. Бык; Логанешты-Бучум, Костешты-Гырла I, Костешты II, Костешты IV, Костешты V, Ханск I, Ханск II, Ханск III, Милешты I, Милешты, Чигырляны, Горешты I, Горешты VIII, Карбуна I, Карбуна II к югу от Кишинева по верхнему течению р. Ботна и Когильник; Старые Каушаны I и Старые Каушаны II в низовьях р. Ботна.[537]

О наличии экономических связей оседлых жителей этих поселений с кочевниками свидетельствует то, что в этом регионе было налажено керамическое производство глиняных котлов, типично кочевнической кухонной посуды.

Кочевническая принадлежность глиняных котлов, хорошо известных как на обширнейшей территории южнорусских степей, так и в Венгрии, Румынии, Болгарии, в целом не оспаривается исследователями, хотя споров вокруг их происхождения и конкретной принадлежности предостаточно. Дискуссия вокруг глиняных котлов была обобщена венгерским археологом Иштваном Фодором в его работе, посвященной этим находкам на территории Венгрии и сопредельных с ней стран, опубликованной в Будапеште в 1977 г.[538]

Общие выводы его таковы: впервые производство глиняных котлов известно у салтовских племен VII–IX вв.; именно у салтовцев производство их заимствуют печенеги: в Болгарию они приходят с тюрко-болгарами; венгры заимствовали производство глиняных котлов, очевидно, еще на Дону во второй половине IX в. под салтовским влиянием.

Глиняные котлы, обнаруженные на территории Запрутской Молдовы, И. Фодор считал следами венгерского влияния, в то время как румынские археологи вполне однозначно полагают их печенежско-половецкими. Археологические раскопки 1980 г. выявили один из центров керамического производства глиняных котлов XII в. у с. Молешты.[539] Здесь, в Пруто-Днестровском междуречье, в XII в. о каком-либо венгерском влиянии говорить не приходится, поэтому мнение румынских археологов Д. Теодора и П. Дьякону о глиняных котлах XI–XII вв. на территории Днестровско-Карпатских земель как печенежских и половецких едва ли может быть оспорено.[540]

---

[537] Чеботаренко Г.Ф. Население центральной части Днестровско-Прутского междуречья в X и XII вв. Кишинев, 1982, с.4.

[538] Fodor I. Der ursprung…, p.323–349.

[539] Чеботаренко Г.Ф. Население центральной части…, с.57.

[540] Teodor D. Citeva observatii in legatura cu caldarile de lut descoperite la Raducaneni (r. Husi, reg. Jasi). — Studii si cercetari de istorie veche 14 (1963), p.202; Diaconu P. Cu privire la problema caldarilor de lut in epoca feudola timpurie (sec. X–XII). — Studii si cercetari de istorie veche, 7 (1956), p.257, 263.

В то же время в случае с центральной частью Пруто-Днестровского междуречья, куда еще с конца X в. переселилась часть жителей бывших поселений Балкано-Дунайской культуры на Нижнем Дунае, не исключена и салтовская традиция. Находки глиняных котлов на территории Днестровско-Карпатских земель имеются также в долине р. Прут к югу от Ясс.[541] Характерно, что в XII в. в этих местах сохраняются древнерусские поселения,[542] но также отмечаются и находки кочевнических погребений того же периода.[543]

В это же время складываются и этнокультурные связи славянского и тюркского населения. Надо отметить, что они имеют длительную историю. Постоянные контакты восточнославянского населения Днестровско-Карпатских земель с тюрками-протоболгарами-салтовцами, позднее печенегами, привели к тому, что знание тюркского языка давало возможность представителям древнерусского племени тиверцев быть толковинами-переводчиками во время похода Олега на Византию в 907 г. К середине XII в. в результате контактов древнерусского населения и тюркских кочевников (печенегов, торков, берендеев) в центре Днестровско-Прутского междуречья образуется своеобразная контактная этнокультурная зона.[544]

Об этом достаточно убедительно свидетельствуют материалы археологических раскопок и антропологических исследований.

Здесь автор пользуется случаем выразить благодарность Г.Ф. Чеботаренко за предоставленную им возможность участвовать непосредственно в археологической экспедиции АН МССР 1980 г., исследовавшей ряд поселений X–XII вв. центральной части Днестровско-Прутского междуречья.

Учитывая исключительную важность, в известной степени уникальность контактной этнокультурной славяно-тюркской зоны, необходимо привести подробные свидетельства археологических источников. Только в этом случае культурная и этническая принадлежность памятников будет достаточно убедительно обоснована.

Из всех известных археологам поселений центральной части Днестровско-Прутского междуречья наиболее исследованы такие памятники, как Лукашевка V, Бранешты XIII, Петруха, поселение и могильники у с. Ханск.[545]

---

[541] Fodor I. Der ursprung…, p.330–331.

[542] Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. Археология Румынии, с.338–340.

[543] Spinei V. Contributii…, p.151.

[544] Чеботаренко Г.Ф. Население центральной части…, с.57.

[545] Там же, с.42–55.

Прежде чем непосредственно перейти к рассмотрению проблемы культурной и этнической принадлежности археологических материалов с этих памятников, необходимо выделить основные критерии, позволяющие дать точные определения таковой.[546]

Первый по возможности критерий — тип хозяйства: оседлый или кочевнический, земледельческий или пастушеский.

Следующий важнейший критерий — тип жилища. Здесь особое значение имеют отопительные системы определенных типов, которые используются их обитателями в любых условиях.

Тип отопительного сооружения является наиболее стойким культурным элементом, указывающим на определенный тип хозяйства, а при изменении типа хозяйства он остается реминисценцией прежнего образа жизни.[547]

Для определения культурной принадлежности того или иного памятника ценным критерием являются украшения. К примеру, именно на основании особенностей женских височных колец были выделены племенные различия восточных славян.[548]

Далее следует выделить предметы обихода и хозяйственного назначения. Особо важны предметы культового назначения, позволяющие безусловно определить культурную и этническую принадлежность памятника.

Наконец, исключительное значение имеет керамика, найденная на поселениях. Сочетание различных ее категорий, групп и типов не только определяет культурную и этническую принадлежность того или иного памятника, но и дает важный материал для понимания процессов, происходивших в недрах древнего и средневекового общества, способствует установлению взаимосвязей и взаимовлияний между отдельными материальными культурами, а также отдельными этническими группами с различным типом хозяйства.

Теперь перейдем непосредственно к археологическим материалам с поселений центральной части Днестровско-Прутского междуречья.

На поселении Лукашевка V было раскопано семь землянок, среди которых одно сооружение хозяйственного назначения и шесть жилых. Все землянки однотипны — со столбовой конструкцией стен, обычны для земледельческого населения. В четырех из них найдены остатки печей-каменок, характерных для славянской материальной культуры. Подобные печи встречаются на всех па-

---

[546] Чеботаренко Г.Ф. Население центральной части…, с.38.

[547] Там же, с.39.

[548] Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с.492.

мятниках древнерусских племен и повсеместно у южных славян VIII–X вв. на Нижнем Дунае.[549]

В то же время в одной из землянок наряду с печью-каменкой найден и очаг, а в двух землянках только очаги и присутствуют. Очаг — это традиционный элемент материальной культуры кочевников южнорусских степей. Он оставался у них таковым и после перехода кочевников к оседлому образу жизни. С.А. Плетнева четко выявила это на примере болгар-салтовцев, у которых и после перехода к оседлости очаг оставался единственным отопительным сооружением.[550]

Таким образом, при рассмотрении жилищ и отопительных сооружений на поселении Лукашевка V мы сталкиваемся с остатками двух элементов материальной культуры, определяющих одновременно и их этническую атрибуцию — славянского земледельческого и тюркского, уже оседлого, но в жилищах своих сохранившего в качестве реминисценции очаг.[551]

Находки на поселении городских амфор византийского типа, шиферных пряслиц определенного типа, характерных для XI в., позволяет датировать поселение XI–XII вв.[552]

Керамика, найденная на всех жилищах, относится к двум типам: древнерусскому и балкано-дунайскому.

Древнерусская гончарная керамика, обнаруженная на поселении Лукашевка V, содержит слюду, что является характернейшим признаком тиверцев, древнерусского населения Днестровско-Карпатских земель. Керамика со слюдой типична для находок в городищах Екимауцы, Алчедар.

Другая группа керамики — балкано-дунайская кухонная. По сравнению с аналогичной керамикой балкано-дунайцев IX–X вв. эта керамика XI–XII вв. на поселении Лукашевка V претерпела некоторые изменения. У этих сосудов удлинены шейки, а венчик оформлен в виде жгута. Причины подобных изменений следует искать в традициях тюркских кочевников Северного Причерноморья.[553]

Таким образом, на поселении Лукашевка V мы встречаемся одновременно с тремя культурными и одновременно этническими типами: восточнославянским (древнерусским), южнославянским (бал-

---

[549] Вежарова Ж. Селища и некрополи (от края на IV–XI век). — Археология. София, 1974, №3, с.9–26.

[550] Плетнева С.А. От кочевий к городам. М., 1967, с.52–65.

[551] Чеботаренко Г.Ф. Население центральной части…, с.42.

[552] Там же, с.43.

[553] Там же, с.44.

кано-дунайским) и тюркским. Об этом свидетельствует весь комплекс находок — жилища, отопительные сооружения, керамика.

Аналогичная картина наблюдается и на поселении Петруха. Там раскопано три землянки и три производственных комплекса — одно сооружение для сушки злаков и два сыродутных горна.[554]

Подобные сыродутные горны известны с VIII в. как у ранних славян, так затем у славян восточных, южных, древнерусского населения. Поэтому они не могут быть материалом, определяющим точную этническую принадлежность памятника.

Необходимо, как и в случае с Лукашевкой, обратиться к жилищам.

Культурный слой на поселении Петруха X–XII вв. находился на слое раннеславянской культуры типа Луки Райковецкой, датируемой в Днестровско-Прутском междуречье VII–IX вв.[555]

Землянки были сооружены над остатками раннеславянских жилищ VII–IX вв. В одной из землянок отопительное сооружение — очаг, в другой — сочетание очага и печи-каменки, в третьей — две печи-каменки.

Керамика на поселении двух типов: древнерусская и южнославянская (балкано-дунайская) с некоторым преобладанием южнославянской. Если в первом жилище найдено 245 фрагментов древнерусской посуды и 121 фрагмент южнославянской, то во втором — преобладание вдвое южнославянской посуды, в третьем — 754 фрагмента восточнославянской керамики и 1394 — южнославянской.[556]

Таким образом, почти все элементы культурной атрибуции поселения Петруха — славянские и представляют две соседние культуры: Древней Руси и Болгарии. Здесь же, подобно и поселению Лукашевка, проявляется и третий этнический элемент — тюркский, кочевнический. О нем свидетельствует наличие очага.

Наиболее ярко процесс смешения трех этнических групп — восточно-славянской, южно-славянской и тюркской — прослеживается на материале археологических раскопок поселения X–XII вв. у с. Ханск, находящегося в 20 километрах к югу от Кишинева.

Здесь, как и на иных поселениях того же времени в этом регионе слою X–XII вв. предшествует культурный слой раннеславянского поселения VIII–IX вв. типа Луки Райковецкой.[557]

---

[554] Хынку И.Г. Поселения XI–XIV вв. в Оргеевских кодрах Молдавии. Кишинев, 1969, с.33–42.

[555] Рафалович И.А. Славяне VI–IX вв. в Молдавии. Кишинев, 1972, с.29–42.

[556] Хынку И.Г. Поселения XI–XIV вв…, с.38; Чеботаренко Г.Ф. Население центральной части…, с.47.

[557] Рафалович И.А. Славяне VI–IX вв. в Молдавии. Кишинев, 1972, с.12–16.

Всего здесь обнаружено и исследовано 34 жилища земляночного и полуземляночного типа. Некоторые жилища X–XII вв. расположены непосредственно над жилищами VIII–IX вв., что является прямым свидетельством исторической преемственности поселений двух эпох. Конструктивные детали жилищ X–XII вв. характерны как для восточно-славянского, так и для южно-славянского типов. Здесь использовались как срубные, так и столбовые конструкции. Печи-каменки древнерусского типа на поселении у с. Ханск встречаются нечасто, только в двух случаях. Куда более распространенный тип — подбойные печи, характерные для южных славян междуречья Прута и Днестра, а также Нижнего Подунавья.[558] Особо интересно, что наряду с печами-каменками и подбойными отопительными сооружениями во всех жилищах были и очаги, характерные именно для тюркского, кочевнического населения.[559]

Найденная на поселении у с. Ханск керамика также характерна для трех культурно-этнических групп населения. Основная часть ее — восточнославянская, велика доля южнославянской, а многочисленные фрагменты глиняных котлов свидетельствуют о наличии там и тюркского населения, для которого эта форма посуды очень характерна.

Непосредственным свидетельством проживания близ поселения у села Ханск тюрок-кочевников являются остатки кочевнической юрты, обнаруженные Г.Ф. Чеботаренко при раскопках в 1979–1980 гг.[560] Юрта эта, очевидно, находилась на данном месте продолжительное время. Оно датируется рядом находок. Основная масса керамики — глиняные котлы, но наряду с их многочисленными обломками найдены также обломки горшков баночной формы с линейным орнаментом, нанесенным тупым концом палочки и характерным для восточнославянской посуды XI–XII вв.[561] Посуда эта имеет прямые аналогии среди находок на древнерусских городищах Екимауцы, Алчедар, Лукашевка, Рудь.[562]

В юрте также обнаружены два железных наконечника стрел и пластинка от доспехов. Применив классификацию А.Ф. Медведе-

---

[558] Вежарова Ж. Славянски и славянобългарски селища в българските земли от края на VI–XI век. София, 1974, с.88.

[559] Плетнева С.А. От кочевий к городам, с.108–110.

[560] Чеботаренко Г.Ф. Население центральной части…, с.15.

[561] Там же, с.15.

[562] Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф. Памятники древних славян (VI–XIII вв.). Кишинев, 1974, с.74–76, 78–85, 91–98.

ва, Г.Ф. Чеботаренко датировал их XI–XII вв. Один из наконечников стрел имеет прямые аналогии в погребеньях черных клобуков в Поросье, другой, а также и пластина от доспеха имеют аналогии среди древнерусских новгородских древностей XI–XII вв.[563] Близ юрты находился ряд хозяйственных ям, в заполнении которых присутствуют фрагменты глиняных котлов.[564] Особый интерес представляет собою обнаруженные рядом с юртой два грунтовых погребения, безусловно принадлежащих тюркским кочевникам. Об этом говорит и самый тип погребения — руки костяков вытянуты вдоль тела, черепа ориентированы на запад. На груди одного скелета найдена бронзовая пуговица, аналогии которой имеются в погребениях черных клобуков XII в.[565] Сами погребения по-своему типу также в целом соотносимы с черноклобуцкими того же периода. То обстоятельство, что погребения носят не курганный, а грунтовый характер, является убедительным свидетельством того, что кочевники здесь проживали постоянно и начали переходить к оседлому образу жизни, постепенно, под влиянием местного славянского населения и к земледелию.

Земледельческий характер занятий жителей поселения у с. Ханск в XI–XII вв. сомнений не вызывает. О нем безусловно свидетельствуют остатки злаков, различные сооружения, характерные для земледельческого населения, — площадки для сушки зерна, ямы для его хранения.[566]

Окончательный ответ на вопрос об этнической принадлежности населения, проживавшего в XI–XII вв. в районе Ханска, дают материалы подробно исследованного учеными могильника Лимбарь. Он находился на северо-западной окраине раннесредневекового поселения у с. Ханск. Всего было археологами вскрыто 108 погребений.[567]

Все погребения — трупоположения. По типу обряда делятся следующим образом:

- погребения христианские;
- погребения языческие западной ориентировки;
- погребения языческие северной ориентировки.[568]

---

[563] Чеботаренко Г.Ф. Население центральной части…, с.15.
[564] Там же, с.15–16.
[565] Там же.
[566] Там же, с.15–16, 51.
[567] Хынку И.Г. Поселения XI–XIV вв…, с.33, 37.
[568] Чеботаренко Г.Ф. Население центральной части…, с.18–19.

Датирующим материалом является инвентарь, обнаруженный в ряде погребений. Из находок, позволяющих сделать относительную датировку могильника Лимбарь, выделяются следующие: железный топор с круглым обухом и широким лезвием, прорезное кресало, стремена, восьмеркообразная застежка, шиферное пряслице.[569]

Топоры, подобные найденному в одном из погребений могильника Лимбарь, распространены во многих областях Древней Руси. Аналоги есть и в Новгороде, и в Рязанской земле. Датируются они домонгольской эпохой, XII–началом XIII в.[570]

Кресала, подобные лимбарскому, встречаются на многих памятниках XI–XIII вв. Рязанской земли, а также в половецких погребениях XI–первой половины XIII вв.[571]

Стремена типичны для половцев, а также черных клобуков XI–XII вв.[572]

Восьмеркообразная застежка подобна аналогичным находкам из Капидавы на Нижнем Дунае. Там они датируются X–XI вв.[573]

Шиферное пряслице с отверстием 9 мм датируется второй половиной XI–первой половиной XII вв. Такие пряслица изготавливались в Киевской земле в г. Овруче.[574]

Таким образом, датировка могильника Лимбарь — XI–XII вв. Этнокультурная принадлежность датирующего материала вновь славяно-тюркская. Из славянских вещей превалируют древнерусские.

Окончательные выводы об этническом составе жителей сельского поселения XI–XII вв. у с. Ханск, оставившего могильник Лимбарь, позволяет сделать антропологический анализ найденных погребений, проделанный ученым-антропологом М.С. Великановой.[575]

М.С. Великанова обработала 96 погребений. Изученная краниологическая серия состоит из 40 черепов. В целом она европеоидна, но на единичных мужских черепах отмечены монголоидные особенности. Женские черепа по своим краниологическим особенно-

---

[569] Чеботаренко Г.Ф. Население центральной части…, с.19–20.

[570] Монгайт Л.А. Рязанская земля. М., 1961, с.299, рис.135/7.

[571] Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. М.–Л., 1958, с.179–180.

[572] Там же, с.178–180.

[573] Capidava, I Bucuresti, 1958, p.119.

[574] Розенфельд Р.Л. О производстве и датировке овручских пряслиц. — Советская археология, 1964, №4, с.223.

[575] Великанова М.С. Палеоантропология Пруто-Днестровского междуречья. М., 1975, с.114–138.

стям — славянские. Мужские черепа имеют аналогии среди кочевнического тюркского населения Северного Причерноморья.[576]

В целом антропологические данные исследованных погребений могильника Лимбарь прямо говорят о славяно-тюркском характере населения этой части Днестровско-Карпатских земель.

Обобщая приведенные археологические и антропологические материалы, можно с достаточной уверенностью утверждать следующее. В XI–XII вв. в центральной части Днестровско-Карпатских земель формируется своеобразная контактная зона разноэтнического населения. Здесь по-прежнему сохраняется древнерусское, восточно-славянское население. С юга же идет переселение южнославянского — болгарского — населения из тех мест Нижнего Подунавья, где поселения Балкано-Дунайской культуры были разгромлены в конце X в.; в XI–XII вв. к русско-болгарскому земледельческому населению здесь присоединяются тюрки-печенеги, торки, берендеи и половцы. Начинается мирное соседство кочевья и оседлости, этнические контакты славян и тюрок, постепенно часть тюрок переходит к земледелию.

Вопрос же о взаимоотношениях кочевников и оседлого населения в Днестровско-Карпатских землях в политическом аспекте в настоящее время в положительном смысле решен быть не может. Смешанное тюркское население региона самостоятельного политического объединения не составляло и с половецкими союзами в южнорусских степях в середине XII в. связано не было. Падение ряда княжеских крепостей, несомненно, подорвало позиции великокняжеской администрации на этих землях Днестровско-Карпатского региона. Об отдельной же политической организации древнерусского населения на территории, прилегающей к лесостепным и степным районам, занятым кочевниками в XI–первой половине XII в., никаких сведений не имеется. Следовательно, говорить о каких-либо «вассальных» или «даннических» формах взаимоотношений кочевников и оседлых поселенцев в Днестровско-Карпатских землях не приходится.

[576] Великанова М.С. Палеоантропология Пруто-Днестровского междуречья. М., 1975, с.91–113.

Глава 5. ДРЕВНЕРУССКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В ДНЕСТРОВСКО-КАРПАТСКИХ ЗЕМЛЯХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XII–ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIII ВВ.

Перемещение многочисленных половецких кочевий в Днестровско-Карпатские и Карпато-Дунайские земли, образование во второй половине XII в. Придунайской Кумании, в состав которой входили и половцы, кочевавшие в степных и частью в лесостепных районах Днестровско-Карпатских земель, существенным образом отразилось на судьбах древнерусского населения региона. Как уже отмечалось, именно в период занятия половцами степей нижнего Поднестровья, Попрутья и Подунавья под постоянные вежи во второй половине XII в. прекращают свое существование оседлые поселения в центральной части Пруто-Днестровского междуречья и в междуречье Прута и Сирета, где во второй половине XI–первой половине XII вв. сложилась так называемая «контактная зона» восточнославянского и тюркского (печенежско-тюркского) населения. Упадок поселений контактной зоны древнерусского и частью тюркского населения на территории между Днестром и Сиретом, в центральной части Днестровско-Карпатских земель, несомненно, привел к серьезным этническим и демографическим изменениям в этой зоне региона. Ко времени передвижения половцев из степей Заднестровья в Нижнее Подунавье через Днестровско-Карпатские земли в центральной части Пруто-Днестровского междуречья насчитывалось 23 поселения «контактной зоны»,[577] и 35 поселений в Пруто-Сиретском междуречье.[578] Результатом перемещения на эти земли половцев и явилось прекращение существования данных поселений.

Судьбы всего древнерусского населения Днестровско-Карпатского региона в результате передвижений половцев во второй половине XII в. оказались различными. Для правильного освещения этих проблем необходимо учитывать и особенности политического разви-

[577] Чеботаренко Г.Ф. Население центральной части…, с.4.

[578] Spinei V, Conaideratii in privire la populatia locala din zona centrala si maridinalia Moldovei in secolele XI–XIII. — Cercerari istorice (seria noua) XII–XIII, Jasi, 1981–1982, p.178–179.

тия Древней Руси и ее юго-западных земель в середине XII–первой половине XIII вв., особенности русско-половецких отношений в изучаемый период и, в частности, взаимоотношений половцев с русскими княжествами Юго-Западной Руси.

Дальнейшее развитие феодальных отношений на Руси, вступление Руси в период развитого феодализма в XII в. привели после кратковременного восстановления при Владимире Всеволодовиче Мономахе (1113–1125 гг.) и его сына Мстиславе Владимировиче (1125–1132 гг.) единства русских земель к торжеству феодальной раздробленности на Руси. В середине XII в. на юго-западе Руси складывается Галицкое княжество, в состав которого входит и часть Днестровско-Карпатских земель.

Галицкое княжество начало складываться во время феодальных усобиц второй половины XI в. Первыми известными галицкими князьями явились правнуки Ярослава Мудрого — Володарь и Василько Ростиславичи, которые получили от Всеволода Ярославовича (переяславского князя, отца Владимира Мономаха) на княжение два галицких города — Перемышль и Требоваль. Ближайшим соседом обоих Ростиславовичей был владимиро-волынский и дорогобужский князь Давид Игоревич, внук Ярослава Мудрого. Давид стремился присоединить к своим владениям также и Требовльское княжество, принадлежащее Васильку Ростиславичу. Несмотря на то что по решению Любечского съезда русских князей в 1097 г. за Ростиславичами были закреплены их владения, Давид оклеветал Василька Ростиславича перед великим князем киевским Святополком Изяславичем, и тот повелел ослепить требовльского князя. Требовльское княжество отошло под власть Давида Игоревича. Однако вскоре, в 1100 г., на Витичевском съезде князей Давид Игоревич за свое вероломство был лишен Владимиро-Волынского княжества. После смерти Ростиславичей на Галицкой земле в результате борьбы за княжение утвердился сын Володаря Владимирко (1145–1162 гг.). С этого времени и начинается история Галицкого княжества как самостоятельного феодального владения, образовавшегося в результате восторжествовавшей на Руси феодальной раздробленности.

Судьбы древнерусского населения Днестровско-Карпатских земель с этого времени были неразрывно связаны с Галицким княжеством.

Какие же территории Днестровско-Карпатских земель непосредственно входили в состав Галицкой Руси?

Ответ на этот вопрос можно дать, сопоставив данные как письменных, так и археологических источников.

Впервые летописные источники приводят данные, позволяющие судить о южных пределах Галицкой Руси, повествуя о конфликте звенигородского князя Ивана Ростиславича Берладника с галицким князем Ярославом Осмомыслом (1152–1187 гг.) в 1159 г.

Летопись сообщает, что Иван Ростиславич Берладник после занятия «городков подунайских» в союзе с половцами «поидя к Кучельмину и ради быша ему и оттуда к Ушице поиде и вошла бяше засада Ярославля в город и начашас бити крепко засадници из города, а смерди скакаху черес заборола к Иванове и перебеже их Т (300) и хотеша половцы взяти город. Иван не да им взяти и розгневавшеся половци ехаша от Ивана».[579] Из этого летописного сообщения очевидно, что первым городом Галицкого княжества, к которому подошел Иван Ростиславич, был Кучельмин.

Следующим за ним галицким городом была Ушица.

О южных республиках Галицкой Руси в период княжения Ярослава Осмомысла сообщает «Слово о полку Игореве», датируемое 1185 г.: «Галичкы Осмысле Ярославе! Высоко седиши на своем златокованном столе, подпер горы урорскыи своими железными полки, заступив королеви путь, затверив Дунаю ворота, меча бремены чрез облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землям текут: отворяеши Киеву врата, стреляеши с огня злата стола саотани за землями. Стреляй, господине, Кончака, поганого кащея, за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святославича!»[580]

О Подунавье, как о русской земле, где слышен плач Ярославны, говорят следующие строки «Слова о полку Игореве»: «На Дунаи Ярославны глас ся слышит, зегзицею незнаема рано кычеть: «Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви, омочю бебрян рукав в Каяле реце; утру князю кровавыя его раны на жестоцем его теле».[581]

Следовательно, с точки зрения автора «Слова», в 80-е годы XII в. южные границы Галицкой Руси доходили до Дуная.

О южных рубежах Галицкой Руси в первой половине XIII в. сообщают летописные известия: в 1229 г. галицкий князь Даниил «собрав землю Галичную ста на четыре части окрест его и собра от

---

[579] ПСРЛ, II, стб.497.

[580] Слово о полку Игореве. Л., 1976, с.35.

[581] Там же, с.37.

Боброкы дале и до реки Ушице и Прута».[582] Та же летопись сообщает, что в 1242 г. Даниил Галицкий, узнав о возвращении монгольского войска из похода на Венгрию, «хотя установити землю и еха до Бакаты и Калиуса».

Данные археологических раскопок дают достаточно полное представление о южных рубежах Галицкого, позже Галицко-Волынского княжества. В Поднестровье советскими археологами наиболее полно исследована была пограничная крепость Галицкой Руси Бакота (ныне село Каменец Подольского района Хмельницкой области Украины).[583] Открыты также летописная Ушица, где раскопаны руины сторожевой крепости, летописный город Калиус, от которого осталось городище в устье реки Калиус, а также летописный Кучельмин, находившийся на высоком правом берегу Днестра напротив Калиуса между современными селами Непоротовым и Ломачинцами Сокирянского района Черновицкой области Украины.[584] Пограничная галицкая крепость обнаружена также у с. Ломачинцы близ впадения в Днестр р. Калиус.

Следовательно, из сопоставленных данных письменных и археологических источников очевидно, что на правобережье Днестра непосредственные владения галицких князей доходили до реки Калиус, где находились г. Кучельмин и сильно укрепленная Ломачинская крепость.[585]

Археологические исследования позволили также уточнить южное порубежье Галицкой Руси и в Верхнем Попрутье. На левом берегу Прута в XII–XIII вв. крупнейшими княжескими крепостями являлись Коломыйская, Снятинская и Черновицкая (Ленковецкое городище).[586]

Кроме этих основных княжеских крепостей в систему Попрутской оборонительной пограничной линии Галицкой земли на правом берегу Прута, в районе современного города Черновцы, археологами обнаружено пять городищ XII–XIII вв., которые являются остатками сторожевых крепостей.[587] Эти городища-крепости (Спасская, Цецин, Греча, Острица и Молодия) и являли собой передовую оборонительную линию Галицкого княжества в Попрутье.

---

[582] ПСРЛ, II., стб.759.
[583] Русанова И.П., Тимощук Б.А. Древнерусское Поднестровье. Ужгород, 1961, с.90.
[584] Там же, с.91.
[585] Там же, с.94.
[586] Там же, с.99.
[587] Там же, с.90.

Таким образом, из числа земель, вошедших впоследствии в состав Молдавского феодального княжества, непосредственно в пределах Галицкой Руси находились Северная Буковина и северная часть Пруто-Днестровского междуречья. Земли же, лежавшие к югу вплоть до Дуная и Черного моря, могли находиться в сфере влияния галицких князей, о чем свидетельствует «Слово о полку Игореве». Они представляли собой так называемое «Галицкое Понизье». Основная масса древнерусского населения Днестровско-Карпатского региона во второй половине XII–первой половине XIII вв. была сосредоточена в северной его части, непосредственно входившей в состав Галицкого, позже Галицко-Волынского княжества. Здесь древнерусское население региона находилось под надежной охраной галицких крепостей и военной мощи княжества, игравшего в этот период видную политическую роль в истории не только Южной Руси, но и на юго-востоке Европы, успешно отражая попытки венгерских и польских феодалов захватить пограничные русские земли.[588]

Иная ситуация сложилась в Галицком Понизье, в центральной части Днестровско-Карпатских земель, непосредственно соседствовавшей с половецкими кочевьями юга региона. Здесь во второй половине XII в. древнерусское население значительно сокращается.

Лишь немногочисленные древнерусские поселения в это время продолжают существовать под защитой лесных массивов.[589] Однако с конца XII в. положение меняется. Количество древнерусского населения в центральной части Днестровско-Карпатских земель вновь возрастает за счет притока населения с севера из пределов Галицкой Руси. Об этом свидетельствуют результаты археологических исследований на территории МССР, где советскими археологами открыт ряд древнерусских поселений, датируемых концом XII–XIII вв. К числу таких поселений относятся Бранешты III и Бранешты X, Старый Орхей, Костешты, Бардар II, Лозово и ряд других.[590] Характерно, что эти поселения не связаны генетически с предшествующей древнерусской культурой X–XII вв. Группируются эти поселения главным образом в центральной части Пруто-

---

[588] Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси, с.255.

[589] Федоров Г.Б. Генезис и развитие феодализма у древнерусского населения Днестровско-Прутского междуречья в IX–XII вв. (по археологическим данным). — Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973, с.50.

[590] Бырня П.П. Галицкие славяне в Молдавии. — Тезисы докладов советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии. М., 1980, с.51.

Днестровского междуречья на территории, ограниченной с севера Белцкой, а с юга Буджакской степями.[591]

Почему же стало возможным появление новых древнерусских поселений в столь опасном соседстве с половцами, да еще и в местах, где столь недавно теми же половцами были разрушены многочисленные восточнославянские поселения? Для ответа на этот вопрос необходимо проанализировать особенности политической ситуации в Юго-Западной Руси и характер русско-половецких отношений в изучаемый период.

Русско-половецкие отношения, охватывающие почти двухвековой период от 1055–1061 гг. до монгольского нашествия, в разное время носили неоднозначный характер. Исследования С.А. Плетневой убедительно показали, что можно выделить четыре периода русско-половецких отношений: первый период — середина XI–начало XII в.; второй период — 20–60-е гг. XII в.; третий — вторая половина XII в.; четвертый — конец XII–первые десятилетия XIII в. (до монгольского нашествия).[592]

Для первого периода русско-половецких отношений была характерна активная наступательная политика половцев в отношении Руси. Половцы совершают многочисленные, чаще всего успешные, грабительские походы на русское порубежье. Русско-половецкие отношения этого периода носят откровенно враждебный характер, и лишь изредка делаются попытки установления союзнических отношений, носящие, как правило, недолговременный характер. О масштабах половецкой угрозы в этот период свидетельствует былинный фольклор. Именно в это время появляются русские былины о грозном Змее Тугарине, разорителе русских земель, прототипом которого явился исторический половецкий хан второй половины XII в. Тугоркан, сподвижник знаменитого хана Боняка.[593] Завершается этот период в первые десятилетия XII в., когда Владимир Мономах, восстановив единство Киевской Руси, наносит половцам ряд сокрушительных поражений, в результате чего значительная часть половцев вынуждена оставить южнорусские степи, бежав за Яик (Урал) и даже «в Обезы» (в Грузию). Русская летопись воздает хвалу за это Мономаху, «погубившему поганыя Измальтяны, рекомыя половцы».[594]

---

[591] Бырня П.П. Галицкие славяне в Молдавии. — Тезисы докладов советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии. М., 1980, с.51.

[592] Плетнева С.А. Половецкая земля. — Древнерусские княжества. М., 1975, с.265–266.

[593] Князький И.О. Змей Тугарин. — Русская речь, №2, 1983, с.104.

[594] ПСРЛ, II., стб.716.

В следующий период, в 20–60-е гг. XII в., происходит переход от конфронтации Руси и половцев к установлению союзнических отношений между русскими князьями и половецкими ханами. Это время характерно участием половцев в междоусобных войнах русских князей.[595]

Во второй половине XII в. происходит своеобразное сближение русских и половцев. Оно выражалось во взаимных союзнических походах, набегах; частым явлением становятся русско-половецкие браки.[596] Степень этого сближения, о котором пишет С.А. Плетнева, тем не менее не следует преувеличивать. События 1185 г., отраженные в «Слове о полку Игореве», рисуют далеко не столь идиллическую картину русско-половецких отношений. Именно в этот период половцы, продвигаясь от Поднестровья в степи Нижнего Подунавья, и подвергают разгрому русские поселения центральной части Днестровско-Карпатских земель на всем протяжении от Днестра до Сирета.

С конца же 90-х гг. XII в. и вплоть до монгольского нашествия, в четвертый период русско-половецких отношений, практически прекращается всякая конфронтация русских и половцев. Преобладающий вид связей в это время, о чем свидетельствуют летописные источники, — участие половцев в междоусобицах русских князей.[597] В отдельные годы, однако, продолжали возникать русско-половецкие конфликты. Так, в 1202 г. Галицкий князь Роман Мстиславович, заключивший в 1200 г. союз с Византией, нанес половцам Северо-Западного Причерноморья тяжелое поражение, ослабившее их натиск на Балканы.

Тем не менее особенно тесными в этот период становятся связи половцев с Галицко-Волынским княжеством, Юго-Западной Русью. Союзнические отношения галицко-волынских князей с половцами имели давние корни. Еще в 1097 г., когда Святополк II Киевский пытался отнять у Ростиславичей их удел и, потерпев неудачу, послал сына своего Ярослава просить помощи у венгров, галичане обратились к половцам. Принявший сторону галицких князей, Давид Игоревич привел им на помощь половцев под руководством знаменитого хана Боняка. На левом берегу реки Сан, близ Перемышля, между реками Вагром и Саном половцы наголо-

[595] Плетнева С.А. Половецкая земля, с.275.
[596] Там же, с.282–283.
[597] Там же, с.297.

ву разгромили венгров. По признанию самих венгров, их соотечественники никогда не терпели столь жестокого поражения.[598]

Половцы принимают самое активное участие в междоусобной борьбе в Галицкой Руси в первой половине XIII в. на стороне того или иного князя. Князь Мстислав призывал половцев на помощь в 1213, 1217 и 1219 гг.[599] Неоднократно половцы оказывали поддержку Галицкой Руси против Венгерского королевства.[600] Об этом свидетельствуют летописные источники.[601] Особенно дружеские отношения сложились у Даниила Галицкого с сильнейшим половецким ханом в предмонгольский период — Котяном. Так, летопись сообщает об одном из посольств Даниила к Котяну: «Данило… Павла своего посла к Котянови река. Отче измяти воину сю, приими в любовь собе».[602]

Союзнические отношения Галицкой Руси и половцев, несомненно, привели к устранению сколь-либо заметной половецкой угрозы как непосредственным владением Галицко-Волынской Руси, так и находящимся под ее влиянием Днестровско-Карпатским землям. В связи с этим обстоятельством и становится объяснимым значительный приток русского населения из Галицко-Волынского княжества в центральную часть Днестровско-Карпатских земель, где в конце XII–первой половине XIII в. вновь основываются сельские древнерусские поселения. Археологические и письменные источники в совокупности свидетельствуют, что приток с конца XII в. галицкого русского населения в Среднее и Нижнее Поднестровье был весьма значительным.[603] Этому способствовал и мирный *modus vivendi* Галицкой Руси и половцев, а также и то, что основная активность соседних с древнерусским населением Днестровско-Карпатского региона подунайских половцев была направлена на Балканы, где половцы принимали в это время активнейшее участие в войнах Второго Болгарского царства, Византии, позже Латинской и Никейской империи. На северо-западе Придунайская Кумания в этот период сталкивалась с Венгерским королевством.

---

[598] Голубовский П.В. Печенеги, турки и половцы до нашествия татар. Киев, 1984, с.168.

[599] Голубовский П.В. Печенеги, турки и половцы до нашествия татар. Киев, 1984, с.177–178.

[600] Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси, с.267.

[601] ПСРЛ. II, стб.753, 761, 770–771, 775.

[602] ПСРЛ, II, стб.753.

[603] Бырня П.П. Галицкие славяне в Молдавии, с.60.

Следует учитывать и тот факт: имевшие возможность грабить богатые города на Балканах и венгерские поселения на юго-востоке Трансильвании половцы едва ли были сколько-нибудь всерьез заинтересованы в набегах на сравнительно бедные сельские древнерусские поселения Днестровско-Карпатских земель.

Что непосредственно представляли собой древнерусские поселения Днестровско-Карпатских земель во второй половине XII–первой половине XIII вв.? Их можно разделить на две группы: древнерусские поселения северной части Днестровско-Карпатских земель, непосредственно входившие в состав Галицко-Волынского княжества, и древнерусские поселения территории, лишь находившейся в сфере галицкого влияния.

Более многочисленной является группа древнерусских поселений северной части региона, территории и собственно Галицкой Руси. Следует отметить, что древнерусские поселения XII–первой половины XIII в. являются наиболее многочисленными из общего числа древнерусских поселений Северной Буковины. Если всего на территории Северной Буковины археологами исследовано 190 древнерусских селищ IX–XIV вв., то 99 из них относятся именно к периоду XII–первой половины XIII в.[604]

Основная масса сельских древнерусских поселений северной части Днестровско-Карпатских земель обнаружено археологами в междуречье Днестра и Прута. Меньшая часть их сосредоточена на территории между Прутом и Сиретом.[605]

Основным типом жилищ на этих поселениях были наземные постройки срубной и столбовой конструкции с глинобитными печами. В ряде жилищ встречаются подвальные помещения. Для древнерусских поселений Северной Буковины XII–первой половины XIII в. характерна керамика, изготовленная на усовершенствованном гончарном круге. Основным типом посуды этой группы является горшок с отогнутым наружу венчиком и загнутым внутрь краем, образующим желобок вдоль внутренней стены венчика.[606] На некоторых поселениях обнаружены остатки древних церквей XII–XIII вв. По характеру постройки эти церкви относятся к типичным для Древней Руси деревянным церквам простой срубной конструкции. Характерными в этом отношении являются остатки

---

[604] Тимощук Б.А. Северная Буковина IX–XIV вв. по археологическим данным. Черновцы, 1967, с.6.

[605] Там же, с.7.

[606] Тма же.

деревянной церкви XII–XIII вв., открытой археологами на селище Мартиновка (Черновицкая область Украины). Она представляла собой небольшую срубную постройку, имевшую в плане форму квадрата размером 6×6 м. С восточной стороны к церкви была пристроена апсида, имевшая в плане форму трапеции и выступавшая на восток на 1,5 м. В середине церкви, возле северной стены, была обнаружена гробница, сложенная из каменных плит, где находилось захоронение двух взрослых мужчин.[607]

Древнерусские сельские поселения северной части Днестровско-Карпатских земель, входившей в состав Галицко-Волынского княжества в XII–первой половине XIII в., в культурном и этническом отношениях идентичны памятникам такого рода на других землях Древней Руси.

Несомненным является их восточнославянский характер и генетическая связь со славянской культурой предшествующей эпохи.[608]

К следующей категории древнерусских поселений Северной Буковины относятся городища. На территории городища Ушицы, известной также и по летописным источникам, археологами обнаружены мощные оборонительные стены, основу которых составляли поставленные в одну линию на валу-платформе деревянные срубы.[609] Крепость была небольшой по площади — 50 м в диаметре. К стенам с внутренней стороны примыкали жилищно-хозяйственные постройки с очагами. При раскопках жилых помещений археологами были обнаружены предметы снаряжения дружинников: бронзовая шпора, серебряные кольца от портупеи, позолоченные украшения конской сбруи.[610]

На высоком берегу Днестра, близ современного села Ломачинцы (Сокирянский район Черновицкой области Украины), археологи обнаружили три городища-крепости XII–XIII вв.

Городище-крепость Окопы расположено на высоком мысу левого берега речки Каютина близ ее впадения в Днестр у с. Ломачинцы. Оно представляет собой площадку размером 70×50 м, окруженную земляным валом и рвом. На вершине вала находились деревянные укрепления срубной конструкции. При раскопках на территории городища-крепости обнаружены жилищно-хозяйственные срубы,

---

[607] Тимощук Б.А. Северная Буковина IX–XIV вв. по археологическим данным. Черновцы, 1967, с.7–8.

[608] Там же, с.8.

[609] Русанова И.П., Тимощук Б.А. Древнерусское Поднестровье, с.93.

[610] Там же, с.92.

обломки керамики и ряд других находок, датируемых XII–первой половиной XIII в.

Крупное древнерусское городище обнаружено археологами у села Недобьева (урочища Галица). В западной части поселения сохранились два земляных вала, рядом с ними находился пещерный монастырь.[611] Еще одно городище у этого урочища находилось у села Непоротова.[612] В полутора километрах от урочища Галица в урочище Щовб, на высоком мысу правого берега Днестра, близ села Дарабаны Хотинского района, обнаружено еще одно древнерусское укрепление XII–первой половины XIII в. Площадь крепости у урочища Щовб 65×50 м. Крепость была окружена земляным валом, в насыпи которого обнаружены следы сгоревших деревянных срубов.[613]

По мнению советских археологов И.П. Русановой и Б.А. Тимощука, крупнейшее древнерусское поселение у урочища Галицы является остатками летописного Кучельмина. Значительное древнерусское укрепление второй половины XII–первой половины XIII вв. открыто археологами близ села Черновка Новоселицкого района Черновицкой области Украины. Оно расположено на левом берегу речки Мошкив в урочище Спринчены.[614] Оно представляет собой площадку размерами 50×40 м, имеющую форму правильного овала, размещенную на невысоком мысу и со всех сторон окруженную рвом. Городище имело оборонительные валы. Основу главной оборонительной линии составляли расположенные на валу пустые срубы шириной 2,7 м.[615] К оборонительным срубам с внутренней стороны примыкали три жилищно-хозяйственных сруба размерами 4,5×3,5 м, 3,5×3,7 м и 3,3×1,7 м. В этих срубах обнаружены как предметы вооружения, так и хозяйственного назначения. Скорее всего, это были жилища дружинников. Всего в крепости могло проживать около 300 человек. Во внутреннем подворье укрепления обнаружены остатки деревянной церкви и два захоронения, датируемых по найденной в могильных ямах керамике рубежом XII–XIII столетий.[616] Обнаружены также остатки большого сруба 7×4 м с хозяйственным погребом диаметром 2 м.[617]

---

[611] Русанова И.П., Тимощук Б.А. Древнерусское Поднестровье, с.93.
[612] Тимощук Б.А. Давньоруська Буковина. Киев. 1982, с.114.
[613] Русанова И.П., Тимощук Б.А. Древнерусское Поднестровье, с.93.
[614] Там же, с.93–94.
[615] Тимощук Б.А. Давньоруська Буковина. Киев, 1982, с.105.
[616] Там же, с.110.
[617] Там же.

Городище Черновка окружено целой группой синхронных селищ. Крупнейшее из них протянулось по противоположному от городища берегу речки Машков почти на километр. Селище среднего размера расположилось на том же берегу, что и городище, в одном километре от него. Протяженность его около 300 м. Неподалеку от крупнейшего селища располагались три небольших: 80×30 м, 100×50 м, 50×30 м.[618]

Характерной чертой ряда перечисленных городищ-крепостей — Недобоев, Окопы, Дарабаны, Черновка — является наличие близко от них открытых селищ. Эти селища составляли единый хозяйственный комплекс с крепостями и прежде всего обслуживали их нужды. Существование селищ было обусловлено постройкой крепостей. С прекращением существования крепостей прекратили свое существование и селища.[619]

Что же касается городищ Попрутья, то возле большинства из них отсутствуют синхронные селища-спутники.[620] Из пяти крепостей (Спасская, Цецин, Гореча, Острица, Молодия) две — Цецин и Спасская — до настоящего времени подробно археологами не исследовались.[621]Наиболее исследованной является Молодиевская крепость, расположенная на высоком берегу реки Дереглуй. Она представляла собой укрепленную площадку (100×50 м), в большей своей части не застроенную. Под жилища были приспособлены пустотелые срубы. В центре крепости возвышалась квадратная башня размером 11,5×11,5 м. Близ молдавской крепости находилось на берегу реки Дереглуй синхронное городище-селище. На нем открыто 10 наземных жилищ с глинобитными печами.[622]

Близ остальных городищ Попрутья селища не выявлены. Эти городища Попрутья — Спасская, Цецин, Гореча, Острица и Молодия составляли оборонительную линию южных границ Галицкого княжества в Попрутье.

Наибольший интерес из древнерусских поселений северной части Днестровско-Карпатских земель второй половины XII–первой половины XIII вв. вызывает Ленковецкое городище у современного города Черновцы и летописный Василев (упомянут в летописи под 1230 г.), расположенный на территории современного села Василев Застав-

---

[618] Тимощук Б.А. Давньоруська Буковина. Киев, 1982, с.112.
[619] Тимощук Б.А. Северная Буковина IX–XIV вв. по археологическим данным, с.10.
[620] Русанова И.П., Тимощук Б.А. Древнерусское Поднестровье, с.101.
[621] Там же, с.100.
[622] Тимощук Б.А. Давньоруська Буковина. Киев, 1982, с.112.

новского района Черновицкой области, на правом берегу Днестра. Эти поселения трактуются советскими археологами И.П. Русановой и Б.А. Тимощуком как поселения городского типа.[623] Для уточнения этого мнения представляется необходимым произвести типологический анализ имеющихся археологических данных из раскопок Ленковецкого и Василевского городищ. Для этого вновь обратимся к методике А.В. Кузы, ранее использованной уже в III главе настоящей монографии.[624] Для удобства читателя вновь перечислим ее основные рубрики:

I. Экономика:
   1) ремесло (производственные комплексы, орудия труда, полуфабрикаты);
   2) сельское хозяйство (орудия обработки почвы, орудия уборки урожая);
   3) торговля (импорты, детали весов, монеты и денежные слитки).
II. Административное управление (печати, пломбы).
III. Военное дело:
   1) наступательное оружие;
   2) доспехи, снаряжение коня и всадника.
IV. Идеология:
   1) каменные храмы;
   2) другие культовые сооружения (капища, идолы и пр.).
V. Культура:
   1) памятники эпиграфики, орудия письма;
   2) книжные застежки и накладки.
VI. Быт феодалов:
   1) предметы боярско-княжеского парадного убора;
   2) дорогая посуда;
   3) высокохудожественные предметы прикладного искусства.
VII. Внутренняя топография:
   1) усадебно-дворовая застройка;
   2) дифференциация жилых построек по местоположению, размерам и устройству.
VIII. Плановая структура поселения:
   1) простая (I тип);
   2) сложная (II тип);
   3) неукрепленные селища-посады.

---

[623] Тимощук Б.А. Северная Буковина IX–XIV вв. по археологическим данным, с.12–17; Русанова И.П., Тимощук Б.А. Древнерусское Поднестровье, с.98–99, 118.

[624] Куза А.В. Социально-историческая типология древнерусских городов X–XIII вв., с.24.

Перечисленные показатели, разумеется, не исчерпывают всех возможностей археологии в данном аспекте исследований, но сгруппированные выше показатели являются наиболее распространенными и легко устанавливаемыми.[625]

Если составить сводную археологическую характеристику Ленковецкого и Василевского городищ, то по перечисленным основным признакам городского характера древнерусских поселений получается следующая картина — табл. 3.

Таблица 3

Сводная археологическая характеристика Ленковецкого и Василевского городищ

Название памятника	Археологическая характеристика							
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
	1 2 3	1	1 2 3	1 2	1 2 3	1 2 3	1 2	1 2 3
1. Ленковцы	+ – –	–	+ + +	– +	– + –	– + +	– +	– + –
2. Василев	+ + +	+	+ + +	+ +	+ + –	+ + +	– +	– +–

Как видно из составленной таблицы, подавляющим большинством городских признаков по археологическим материалам обладает Василев. Ленковцы же имеют только часть городских признаков. Важным обстоятельством здесь является то, что на Ленковецком посаде основными ремеслами были выплавка железа и изготовление из него оружия и различных предметов воинского снаряжения, что прежде всего служило удовлетворению потребностей военного гарнизона крепости. Находки же, могущие свидетельствовать о наличии у жителей посада сколь-либо значительных торговых связей, в основном отсутствуют. Следовательно, мнение о том, что Ленковецкое городище эволюционизировало в древнерусский город, экономическую основу которого составляла внешняя торговля,[626] в значительной мере преувеличено.

Что же конкретно представляли собой Ленковцы и Василев во второй половине XII–первой половине XIII вв.?

Ленковецкая (Черновицкая) крепость была основана среди болот левого берега Прута. Оборонительную основу ее составляли оборонительные срубы, поставленные на вершине валов-платформ. С внешней стороны крепость ограждали рвы, с внутренней стороны к валу пристроены жилищно-хозяйственные срубы, в кото-

[625] Куза А.В. Социально-историческая типология древнерусских городов X–XIII вв., с.26–27.

[626] Русанова И.П., Тимощук Б.А. Древнерусское Поднестровье, с.98–99.

рых жили дружинники. Внутренний двор крепости (80 м в диаметре) был свободен от застройки. В центре двора находился большой дом с подвалом, принадлежащий, возможно, коменданту крепости.[627]

К крепости примыкал большой посад площадью 30 га, укрепленный как искусственными (рвы), так и естественными (река, болота) преградами. На территории посада обнаружены наземные жилища с глинобитными печами, раскопаны многочисленные горны, свидетельствующие о развитии на поселении железоделательного и кузнечного ремесел.

На Ленковецком городище найдено большое количество предметов, датируемых XII–XIII вв.[628] Это изделия из железа (стрелы, копья, шпоры, замки, писала, ножи, рыболовные крючки), бронзы (браслеты, писала, перстни, височные кольца, пуговицы), серебра (височные кольца), кости (ложки, гребешки, пуговицы), стекла (браслеты, перстни, посуда, бусы), камня (бусы, нательные крестики, пряслица), глины (поливные плитки, посуда, грузила).[629]

Ленковецкая крепость просуществовала до середины XIII в. и погибла, судя по всему, от пожара во время монгольского нашествия.

Древнерусский город Василев, упомянутый в Ипатьевской летописи под 1230 г., был расположен на правом берегу Днестра, напротив впадения реки Сирет. Основу города составлял детинец, расположенный на невысоком мысу Днестра. Площадь детинца — 130×110 м. Он был укреплен валом и рвом. На территории детинца археологами прослежены следы наземных жилищ и остатки деревянной церкви XII–XIII вв.[630]

Посад города занимал площадь около 30 га и располагался вдоль берега Днестра почти на 3 км. На территории посада обнаружены остатки наземных домов со стенами столбовой или срубной конструкции, которые отапливались глинобитными печами.[631] Обнаружены и раскопаны ремесленные мастерские, керамические обжигательные печи. Рядом с детинцем располагалась торговая площадь, вокруг которой находились ремесленные мастерские — раскопано 9 гончарных горнов.[632]

---

[627] Русанова И.П., Тимощук Б.А. Древнерусское Поднестровье, с.98.

[628] Тимощук Б.А. Северная Буковина IX–XIV вв. по археологическим данным, с.13.

[629] Там же, с.13–14.

[630] Там же.

[631] Русанова И.П., Тимощук Б.А. Древнерусское Поднестровье, с.113.

[632] Там же.

В культурном слое раскопанного городища найдено большое количество древнерусских находок XI–XII вв.: стеклянные браслеты, шиферные пряслица, обломки амфор, глиняные керамические поливные плитки, железные наконечники стрел, бронзовая и железная булавы, бронзовые энколпионы и ряд других предметов.[633]

В юго-восточной части города раскопан фундамент белокаменного храма XII в. По технике строительства Василевский храм представял собой монументальное сооружение, типичное для Галицкой Руси.[634] Своим планом он аналогичен храмам XII в. из Среднего Поднепровья (Киев, Чернигов, Переяславль).[635] Возле храма находилось древнерусское кладбище XII–XIII вв. На кладбище археологами обнаружено 13 каменных саркофагов, типичных для Древней Руси. Подобные каменные саркофаги известны в XII–XIII вв. в Киеве, Новгороде, Галиче, Владимире на Клязьме, Суздале.[636] Наличие захоронений в каменных саркофагах — типичный обычай захоронения представителей феодальной знати Древней Руси — свидетельствует о развитой классовой дифференциации среди жителей Василева, о проживании в городе значительного числа феодалов.

Помимо главного, на территории посада города Василева археологами обнаружено еще три типично древнерусских кладбища, поскольку на Руси христианские кладбища всегда располагались рядом с церквями, следовательно, в городе существовали помимо главного каменного храма еще не менее трех церквей, скорее всего деревянных.

Не исключено, что каждая церковь могла быть центром, вокруг которого группировались отдельные общины посадских людей.[637]

Результаты археологических исследований свидетельствуют о том, что город Василев существовал в XII–первой половине XIII в. Его выгодное географическое расположение на Днестровском водном пути способствовало возникновению торгово-ремесленного посада около основной княжеской крепости и постепенному превращению его в поселение городского типа, близкое к общему типу древнерусского города домонгольской эпохи. Прекращение су-

---

[633] Тимощук Б.А. Северная Буковина IX–XIV вв. по археологическим данным, с.16.
[634] Там же, с.14.
[635] Там же.
[636] Русанова И.П., Тимощук Б.А. Древнерусское Поднестровье, с.115.
[637] Там же, с.117.

ществования Василева как городского центра связано с последствиями монгольского нашествия.

Прохождение через Северную Буковину ряда торговых путей стимулировало экономические контакты с соседними землями. Древнерусское население земель Днестровско-Карпатского региона, входивших в непосредственные пределы Галицко-Волынского княжества, поддерживало некоторые экономические контакты с соседним Венгерским королевством, возможно с Польшей. Свидетельством этого является большой клад (816 единиц, хранящихся в Государственном Эрмитаже) западноевропейских монет, обнаруженный в 1889 г. под Хотином.[638] Клад состоит из трех основных групп монет: саксонские, в основном мейссенские, брактеаты, тюренгенско-гессенские брактеаты, фризахские денарии.

Тщательное изучение компонентов клада нумизматами показало, что западноевропейские монеты могли проникнуть в Поднестровье в первой трети XIII в. только из Венгерского королевства или Польши.[639]

Сопоставление Хотинского клада с известными находками кладов XIII в. в Трансильвании, входившей в то время в состав Венгрии, доказывает, что наиболее вероятным источником притока монет, содержащихся в кладе, была Трансильвания с прилегающими к ней районами.[640]

Хронологический диапазон проникновения и бытования западноевропейских монет в Днестровско-Карпатских землях не выходит за пределы первой трети XIII в. Ареал этой группы монет узко локализуется в единственном пункте (Хотин), расположенном на Днестре близ южных рубежей Галицко-Волынского княжества. Отсутствие находок западноевропейских монет на остальной части Днестровско-Карпатских земель свидетельствует, что эти монеты не имели хождения в регионе.[641]

Здесь уместно напомнить, что XII и XIII вв. были в истории Древней Руси периодом безмонетного денежного обращения.[642]

---

[638] Потин В.М. Клад брактеатов из Поднестровья. — Нумизматика и сфрагистика, I, 1963, с.223.

[639] Нудельман А.А. Очерки истории монетного обращения в Днестровско-Прутском регионе. Кишинев, 1985, с.93.

[640] Нудельман А.А. Очерки истории монетного обращения в Днестровско-Прутском регионе. Кишинев, 1985, с.93.

[641] Нудельман А.А. Указ.соч., с.94.

[642] Дьячков А.Н., Узденников В.В. Монеты России и СССР. М., 1978, с.34.

Скорее всего, Хотинский клад является свидетельством определенных контактов этой части Галицкой Руси с землями Венгерского королевства. Это тем более вероятно, что у Галицко-Волынского княжества были в предмонгольский период и тесные связи с соседней Византией.[643]

Вернемся теперь к анализу характера других поселений-городищ северной части Днестровско-Карпатского региона. Остальные городища Северной Буковины, кроме Василева — городского центра, — классифицируются по археологическим данным следующим образом.

Ленковецкая крепость и крупнейшее городище у села Ломачинцы (Кучельмин?) относятся к большим княжеским крепостям XII–первой половины XIII в.[644]

Основные критерии такой классификации следующие:

- крепости имеют посад и являются центрами сельской округи;
- крепости являются не только оборонительными, но и экономическими центрами округи; располагались они на торговых путях.[645]

К следующей категории относятся феодальные (частновладельческие) замки. В числе таких Б.А. Тимощук выделяет следующие крепости: Молодиевскую, Черновкскую, Недобоевскую, Дарабановскую.[646] Главный критерий выделения владения — наличие селищ-спутников, примыкающих иногда непосредственно к укрепленному городищу.[647] Селища основывались, как правило, синхронно и их обитатели должны были нести определенные повинности в пользу феодала, владевшего замком.[648] Замки могли быть двух типов: принадлежащие боярам-вотчинникам, резиденции служилых бояр.[649] Те земли, близ которых существовали синхронные селища-спутники, следует считать центрами вотчины. Те же земли, где селища-спутники были основаны в иное время, нежели крепость, и не примыкали непосредственно к ней, находились в условном владении служилых бояр.[650]

Принимая в целом предложенную Б.А. Тимощуком классификацию городищ Северной Буковины XII–первой половины XIII вв.,

---

[643] Пашуто В.Г. Внешняя политика Древней Руси, с.270.
[644] Тимощук Б.А. Давноруська Буковина, с.68.
[645] Там же, с.80.
[646] Там же, с.100–119.
[647] Там же, с.118.
[648] Там же, с.105.
[649] Там же, с.100.
[650] Там же, с.118–119.

можно дополнить ее, классифицировав небольшие крепости без посадов и селищ-спутников как княжеские крепости со сторожевыми пограничными функциями. К таковым можно отнести Непестровское городище на Днестровском пограничье, Спасское, Горечское, Цецинское и Острицкое городища. В пользу этого говорит их пограничное положение, отсутствие селищ-спутников. Они не могли быть боярскими замками, поскольку не были центрами вотчиненных владений. Не могли они быть выделены и в условное владение служилым боярам, поскольку не имели близ селищ-спутников, жители которых несли бы повинности в пользу владельца замка и княжеской казны.

Анализ характера поселений Северной Буковины второй половины XIII в. свидетельствует о том, что на ее территории в эту эпоху поступательно развивались феодальные отношения. Сложилось три различные формы феодальной земельной собственности:

1) наличие больших княжеских крепостей, бывших центрами сельских округ, говорит о наличии княжеской домениальной собственности;
2) с появлением феодальных замков появляется сначала условная земельная собственность феодалов;
3) появляется и частновладельческая вотчина. Подобная структура земельной собственности соответствует уровню развитого феодализма.

Следует отметить, что такая система землевладения была распространена во всем Галицко-Волынском княжестве. В 1234 г. князья Даниил и Василько «прия землю Галичкую и розда городы боярам и воеводам».[651] Бояре получали поселения в частное, вотчинное владение, воеводы в условное.[652]

Таким образом, древнерусские поселения северной части Днестровско-Карпатских земель, входившей в состав Галицко-Волынского княжества во второй половине XII–первой половине XIII в., носили следующий характер:

- в основной массе это были сельские поселения, сосредоточенные в их большинстве в северной части Пруто-Днестровского междуречья. Всего известно 99 селищ;
- существовало три типа крепостных поселений: крепости с прилегающими к ним селищами (Поднестровская оборонительная система Галицко-Волынского княжества); стороже-

[651] ПСРЛ, II, стб.771.
[652] Тимощук Б.А. Давньоруська Буковина, с.119.

вые крепости с чисто военными функциями (Попрутская оборонительная система); крупнейшие крепости с большим ремесленным посадом, обслуживающим прежде всего нужды гарнизона, — Ленковецкая и Ломачинская крепости;

- единственным городским центром на Северной Буковине в XII–первой половине XIII в. был летописный город Василев;
- городища-крепости были трех типов: большие княжеские крепости с посадами в центрах сельских округ; феодальные замки вотчинных и служилых бояр; пограничные княжеские крепости с чисто оборонительными функциями;
- характер поселений этой части Днестровско-Карпатского региона свидетельствует о том, что на Северной Буковине шло дальнейшее поступательное развитие феодальных отношений. Как и на остальной территории Галицкой Руси, здесь наступил период развитого феодализма. Отсюда и сложная система земельной собственности на этих землях: здесь были и княжеские домениальные владения, примыкающие к большим крепостям; земли, выделенные служилым боярам, со временем перерастающие в вотчины; частновладельческие вотчинные боярские владения;
- социально-экономические процессы в этой части региона были аналогичны таким же процессам в наиболее развитых русских княжествах в XII–первой половине XIII в.

Каково же положение было южнее, в Галицком Понизье?

Говоря о древнерусских поселениях XII–XIII вв. на территории Молдавии, входившей в ту эпоху в состав Галицкого Понизья, следует учитывать, что прямых сообщений письменных источников о таковых не имеется и материалы археологических исследований, по сути дела, являются единственным и важнейшим источником о культуре Древней Руси середины XII–первой половины XIII в. в Днестровско-Карпатских землях.

Если древнерусские памятники XII–XIII вв. на территории Северной Буковины достаточно подробно изучены и изучаются, то положение с исследованием памятников этой культуры на территории Молдавии иное. До настоящего времени древнерусские памятники этого периода в Молдавии специально почти не изучались.[653] После открытия в 50-е гг. в центральных районах Молда-

[653] Власенко И.Г. Древнерусский слой городища Мерешовка (по раскопкам 1980 г.). — Археологические исследования в Молдавии в 1979–1980 гг. Кишинев, 1983, с.77.

вии небольшой группы селищ с керамикой галицкого типа лишь на двух из них тогда же, в конце 50-х гг., — Бранешты III и Бранешты X — проводились небольшие разведочные работы. С 1980 г. начаты раскопки древнерусского слоя с материалом XII–XIII вв. на городище Мерешовка на севере Молдавии.[654]

В настоящее время древнерусская керамика конца XII–XIII вв. обнаружена археологами на поселении Старый Орхей (Оргеевский район Молдавии), поселении Машкауцы I (Криулянский район Молдавии).[655]

Древнерусское селище Бранешты III обнаружено археологами близ современного села Бранешты. В 1958–1959 гг. раскопками под руководством П.П. Бырни было вскрыто 236 кв. м. На восточной окраине селища найден гончарный двухъярусный горн. Обнаружены фрагменты древнерусской керамики XII–XIII вв.

В том же 1958–1959 гг. отряд под руководством П.П. Бырни вскрыл 192 кв.м на древнерусском поселении Бранешты X. При раскопках были найдены фрагменты сделанной на гончарном круге керамики.[656] Данная керамика с поселения Бранешты X находит аналогии в древнерусской керамике галицкого типа, известной по раскопкам Б.А. Тимощука на Северной Буковине и, в частности, при раскопках поселения Василевка Черновицкой области Украины.[657]

Древнерусская керамика XII–XIII вв. обнаружена также В.А. Дергачевым при раскопках селища у с. Ниморены (Страшенский район Молдавии), Л.Л. Полевым у с. Бардар (Котовский район Молдавии), П.П. Бырней и Г.Ф. Чеботаренко при раскопках селища у с. Юрчены.[658]

Археологические материалы, относящиеся к древнерусской культуре XII–XIII вв. на территории Молдавии известны также по раскопкам городища и посада древнерусского поселения Рудь (Атакский район Молдавии) в 1969–1970 гг., где было найдено несколько фрагментов галицкой керамики XII–XIII вв.,[659] и по раскопкам, производимым И.Г. Власенко с 1980 г. на многослойном

---

[654] Власенко И.Г. Древнерусский слой городища Мерешовка (по раскопкам 1980 г.) — Археологические исследования в Молдавии в 1979–1980 гг., Кишинев, 1983, с.77.

[655] Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф. Памятники древних славян. Археологическая карта Молдавской ССР. Вып.6. Кишинев, 1974, с.65.

[656] Там же, с.66–67.

[657] Тимощук Б.А. Ленковское городище. — Советская археология, 1959, №4, с.276, рис.4–6.

[658] Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф. Памятники древних славян, с.73–74.

[659] Федоров Г.Б. Отчет о работе Пруто-Днестровской экспедиции за 1969–1979 гг. Москва–Кишинев, 1971.

памятнике Мерешовка-Четэцуе близ села Мерешовка Окницкого района Молдавии.[660]

Городище Мерешовка имело систему укреплений, состоящую из ряда валов. По системе укреплений оно напоминает известные древнерусские городища XII–XIII вв. в Галицкой Руси, но произвести более или менее точную датировку по материалам произведенных раскопок пока не представляется возможным.[661] В настоящее время из древнерусских сооружений XII–XIII вв. на городище Мерешовка-Четэцуе выявлены лишь две полуземлянки и 27 ям различного назначения. О древнерусской принадлежности памятника свидетельствуют найденные при раскопках многочисленные наконечники стрел, типичные для древнерусского оружия XII–XIII вв., и большое количество древнерусской керамики того же времени.[662]

Уровень приведенных к настоящему времени археологических раскопок на городище Мерешовка-Четэцуе и опубликованные материалы не позволяют сделать сколь-нибудь определенные выводы о типе этого древнерусского поселения XII–XIII вв. на севере Молдавии. Опубликованные данные раскопок не позволяют определить площадь, занимаемую поселением, характер расположения оборонительных валов, характер застройки городища.

Относительно большое количество керамики, обнаруженное при проведении незначительных в целом раскопок древнерусского слоя на городище (8791 фрагмент керамики, относящейся к древнерусскому времени, в том числе 8679 древнерусской и 112 импортной — красноглинных амфор XII–XIII вв.),[663] позволяет предполагать наличие на поселении ремесленных мастерских по производству керамики.

Возможно, что древнерусское поселение XII–XIII вв. у современного урочища Мерешовка-Четэцуе, близ села Мерешовка, носило характер укрепленного пункта. Об этом свидетельствуют оборонительные валы, его военные функции подтверждаются в известной степени находками наконечников стрел.

Проведенные к настоящему времени молдавскими археологами полевые археологические исследования и опубликованные по ним материалы подтверждают мнение о наличии в этой части Днестровско-Карпатского региона древнерусских поселений второй по-

---

[660] Власенко И.Г. Древнерусский слой городища Мерешовка, с.77.
[661] Там же.
[662] Там же, с.79–81.
[663] Там же, с.83.

ловины XII–первой половины XIII вв., связанных генетически с культурой Галицкой Руси. Однако они не дают достаточного, полного представления о характере этих поселений.

Освещение вопроса о древнерусских поселениях на территории Запрутской Молдовы затруднено тем, что с конца 60-х гг. древнерусские памятники в этом регионе румынскими археологами и историками практически не изучаются. В настоящее время большинство румынских историков и археологов исходят из того, что к X в. «румынское население» полностью ассимилирует славян на территории между Карпатами и Днестром.[664]

Данное утверждение не соответствует показаниям как письменных, так и археологических источников и, по сути дела, исходит из априорного представления о том, что основным населением Днестровско-Карпатского региона с X в. были восточные романцы. Однако стремление румынских историков обосновать это положение, опираясь на археологические источники, успехом не увенчалось. Бездоказательно прокламируя факт «заселения румынами» всей территории между Карпатами и Днестром на всем протяжении XI–XIII вв., румынские историки вынуждены, ввиду отсутствия конкретного восточнороманского археологического материала, либо утверждать, что «румынские» древности XI–XIII вв. теряются во многих культурах, либо называть археологическую культуру территории между Карпатами и Днестром с конца XII и до XIV вв. «неопределенной и безымянной».[665]

Каковы же реальные и археологические источники, позволяющие историку сделать конкретный вывод о действительном характере этнического состава населения центральной и северной частей Запрутской Молдовы во второй половине XII–первой половине XIII вв.?

Во второй половине XII в. на территории Запрутской Молдовы в связи с перемещением в Днестровско-Карпатские земли большой волны кочевого населения — половцев — приходят в упадок многочисленные оседлые земледельческие восточнославянские поселения, расположенные в основном в центральной части Прут-Сиретского междуречья. Однако, после того как основная масса половцев заняла под свои кочевья Нижнедунайские степи и уста-

---

[664] Комша М. Проникновение славян на территорию Румынской Народно-Демократической республики и их связи с автохтонным населением. — Труды VII международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т.5. М., 1970, с.286; Cihodaru C. Observatii…, p.170.

[665] Cihodaru C. Op. Cit., p.170; Spinei V. Moldova in secolele XI–XIV, p.83.

новились дружеские отношения между половцами и Галицкой Русью, в Запрутской Молдове, так же как и в Пруто-Днестровском междуречье, создались благоприятные условия для переселения сюда древнерусского населения из пределов Галицко-Волынского княжества. Свидетельством этого переселения является наличие в Запрутской Молдове в конце XII–первой половине XIII вв. ряда поселений, где археологами обнаружены различные материалы, относящиеся к древнерусской культуре XII–XIII вв.

Археологические раскопки, проводившиеся румынскими археологами до середины 60-х гг., показали, что в центральной и северной частях Запрутской Молдовы, в холмистой местности, покрытой густыми лесами и служившими местному земледельческому населению естественной защитой от возможных нападений конницы кочевников в XII–первой половине XIII вв. продолжалось развитие древнерусской культуры предшествующего времени.[666] К этому периоду относятся открытые археологами сельские земледельческие поселения в Сучаве, ее пригороде Шкее и около Байи — севере Запрутской Молдовы, Хлинча II, Валя-Лупулуй, Спиноаса, Рэдикэнень — в ее центральной части, а также поселение Гырбовец у г. Бырлад — в Южной Молдове, непосредственно на границе со степью.[667]

Как и в предшествующий период, древнерусское население Запрутской Молдовы проживало в это время в полуземлянках с печами-каменками, глинобитными печами и очагами, расположенными в одном из углов жилища. В жилищах найдены железные ножи, костяные проколки, глиняные и шиферные пряслица. Изредка встречаются железные ромбовидные наконечники стрел, украшения — крученый из бронзовой проволоки браслет, трехбусинное височное кольцо черниговского типа XII в., а также характерные древнерусские серебряные однобусинные серьги с филигранью.[668]

Одним из главных занятий древнерусского населения Запрутской Молдовы наряду с земледелием была добыча и обработка железа. На поселении Хлинча II найдены глинобитные домницы для выплавки железа.

На высоком уровне находилось гончарное производство. Как по формам, так и по орнаментам и технике изготовления глиняная посуда с поселений Запрутской Молдовы XII–XIII вв. продолжала тради-

---

[666] Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. Археология Румынии. М., 1973, с.336.
[667] Там же.
[668] Там же.

ции восточнославянской керамики предшествующего времени.[669] Основной формой посуды были горшки с корпусом, расширяющимся кверху, и с хорошо выраженными плечиками. Посуда изготовлялась из плотного глиняного теста на быстром гончарном круге. Она украшалась врезными линиями из частых и неглубоких прямых или волнистых углублений. Наносился фрагмент в виде пояска из косых лунок, обычно по плечикам или ниже венчика. Обжиг до серого, бурого или желтого цвета, вероятно, производился в специальных горнах.[670]

В XII в. в древнерусской керамике Запрутской Молдовы происходит некоторое изменение в пропорциях горшков: наиболее широкая часть корпуса горшков поднялась наверх, к самым плечикам, которые стали, таким образом, более подчеркнутыми, с более резким нагибом.[671]

Аналогичные изменения происходят в это время во всем гончарном производстве восточнославянского мира.[672] Этот факт является свидетельством тесной связи материальной культуры населения Запрутской Молдовы с древнерусской культурой Восточной Европы.

Проводимые в свое время археологические раскопки у г. Яссы позволяют высказать мнение о существовании в предмонгольский период на месте будущего средневекового города Яссы значительного торгово-ремесленного поселения.[673] О древнерусском характере поселения свидетельствует крупнейший клад древнерусских серебряных ювелирных изделий. Есть предположение, что клад был зарыт местными жителями непосредственно перед монгольским нашествием.[674]

Основную часть клада составляют серебряные изделия, являющимися одними из лучших и типичных образцов древнерусского ювелирного дела. Ювелирные изделия клада находят полные аналогии в ювелирных изделиях X–XIII вв. Киева, Галича, Смоленска и других древнерусских городов.[675]

Во многих пунктах Запрутской Молдовы найдены так называемые кресты-энколпионы с древнерусскими надписями. Они под-

---

[669] Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. Археология Румынии. М., 1973, с.237.
[670] Там же, с.336.
[671] Там же, с.237.
[672] Там же.
[673] Там же, с.338.
[674] Там же, с.338.
[675] Там же, с.237.

разделяются на два типа: тип А, датируемый XII–XIII вв., размером 9,4×6,8 см, и тип Б, датируемый XIII в., размером 8,3×5,6 см.[676] Кресты-энколпионы таких типов изготовлялись русскими ювелирами Киева и Галича.[677]

Кресты-энколпионы состояли из двух пластин. На передней пластине, на центральном плане имеются следующие надписи: 1СхС ХР(ЕС) ТЬ НАМЬ ПОХВАЛА ХР(ЕС)ТЬ НАМЬ УТЬШЕНІЕ. На вертикальной планке крестов были имена святых: НИКОЛ ГРИГОР. С обратной стороны крестов на центральном плане надпись: С(ВЯ)ТАЯ БОГО(РОДИ)ЦЕ ПОМОГАИ. На планках крестов также имена святых ПЕТРЬ ВАСИЛ КОЗМА ДАМІАН.[678]

По мнению Б.А. Рыбакова, такого рода надписи делались на энколпионах, изготовленных на Киевщине в первой половине XIII в.[679]

Энколпионы типа А обнаружены на территории Запрутской Молдовы в следующих местах: Ботошаны, Брэешть, Ибэнешть, Ворничень (округ Ботошаны), Кодешть (округ Васлуй), Пятра-Нямц (округ Нямц), Сучава (округ Сучава). В Пруто-Днестровском междуречье единственный энколпион найден в районе г. Сороки. Две половинки креста-энколпиона и один небольшой фрагмент найдены на Северной Буковине в бассейне Верхнего Прута.[680]

Энколпионы типа Б обнаружены в районе Бытка-Доамней-Пятра-Нямц (два экземпляра), в районе Кындешть (округ Нямц) и Трифешть (округ Яссы).[681]

Следовательно, поселения на территории Запрутской Молдовы, где были обнаружены древнерусские кресты-энколпионы XII–XIII вв., находились в основном в центральной и северной ее частях. Находки крестов-энколпионов, большой клад древнерусских ювелирных изделий у древнерусского поселения на месте современного города Яссы свидетельствуют о наличии связей древнерусского населения этой части Галицкого Понизья как с Галицко-Волынской Русью, так и с другими русскими княжествами (Киевская земля).

В горных районах Восточных Карпат и в Восточном Прикарпатье известно также пастушеское восточнославянское население.

---

[676] Spinei V. Contributii…, p.141–142.

[677] Ханенко В.Н. Древности русские. Кресты и образки. Киев, 1899, с.14–15.

[678] Spinei V. Contributii…, p.141.

[679] Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI–XIV вв. — Археология СССР. Свод археологических источников. Е 1-44. М., 1964, с.39.

[680] Spinei V. Contributii…, p.141.

[681] Ibidem, p.142.

Оно проживало в этих краях еще в I тысячелетии.[682] В XIII в. также отмечается древнерусское население в области верхних течений рек Быстрицы, Молдовы и Сучавы.[683]

Уровень развития феодальных отношений в регионе у древнерусского населения северной и центральной ее частей резко возрос. В северной части, входившей в состав Галицкой Руси, развиваются социально-экономические отношения стадии развитого феодализма; в центральной части с середины XII в. идет иной процесс: с упадком раннегородских центров, опустением бывших княжеских крепостей и уходом княжеской администрации в связи с нашествиями кочевников, а затем их соседством, здесь прекратились отношения государственного феодализма, бытовавшие в X–XI вв. Уровень социально-экономического развития резко снизился. Существование в эту эпоху в центральных областях Днестровско-Карпатских земель только сельских поселений, отсутствие сколь-либо заметных городищ, заставляет предполагать, что феодальные отношения здесь практически вернулись к своей самой ранней стадии на уровне территориальной соседской общины.

В целом вырисовывается следующая картина древнерусских поселений в Днестровско-Карпатских землях во второй половине XII–первой половине XIII вв. (до монгольского нашествия). Основная масса древнерусских поселений располагалась в северной части региона на территории, непосредственно входившей в состав Галицко-Волынского княжества. В большинстве своем это были сельские поселения. На южном порубежье Галицкой Руси находились пограничные княжеские крепости двух типов — большие крепости, близ которых располагались селища (Ушица, Кучельмин, крепость у современного села Непоротова), или значительные ремесленные посады (Черновицкая крепость — Ленковецкое городище); небольшие пограничные княжеские крепости с чисто военными функциями; появляются феодальные замки. Единственным городским центром на территории Днестровско-Карпатских земель в конце XII–первой половине XIII вв. был город Василев, упомянутый в Ипатьевской летописи под 1230 г.

---

[682] Королюк В.Д. Пастушество у славян в I тысячелетии н.э. и перемещение их в Подунавье и на Балканах. Славяне и волохи (попытка реконструкции по письменным источникам). — Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972, с.183–187.

[683] Гоцак В.М., Рикман Э.А. Легенда о Драгоше и отражение в ней этнической ситуации в Восточном Прикарпатье. — Этническая история и фольклор. М., 1977, с.208.

К югу от непосредственных владений Галицко-Волынской Руси, на территории, находящейся под ее влиянием (так называемое Галицкое Понизье), в северной и центральной части Запрутской Молдовы и Пруто-Днестровского междуречья, находились сельские древнерусские поселения, где проживали выходцы из Галицкой Руси и оставшееся местное земледельческое древнерусское население предшествующей эпохи. В Восточном Прикарпатье проживало также восточнославянское пастушеское население.

Следовательно, основным населением северной и центральной частей Днестровско-Карпатских земель с середины XII в. и до монгольского нашествия оставалось восточнославянское, древнерусское население.

Глава 6. БЕРЛАДНИКИ, БРОДНИКИ, ГАЛИЦКИЕ ВЫГОНЦЫ И АЛАНЫ В ДНЕСТРОВСКО-КАРПАТСКИХ ЗЕМЛЯХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XII–ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIII ВВ.

Помимо многочисленных археологических источников, подтверждающих мнение о проживании в Днестровско-Карпатских землях древнерусского населения в период, предшествующий монгольскому нашествию, письменные источники содержат ряд упоминаний об отдельных группах восточнославянского, русского населения в регионе во второй половине XII–первой половине XIII вв. Это известия о берладниках, бродниках и галицких выгонцах.

Одной из наиболее интересных проблем истории Днестровско-Карпатских земель периода раннего средневековья является проблема берладников. Проблема эта не является новой в исторической науке. Она дискутируется в отечественной и зарубежной историографии уже более столетия. Особую остроту она приобрела с 1860 г., когда видный деятель молдавской культуры, известный писатель и историк Богдан Петрович Хаждэу опубликовал в 1860 г. так называемую «Берландскую грамоту».[684] Согласно тексту опубликованного документа, относящегося, согласно утверждениям Б.П. Хаждэу, к 1134 г., берландский князь Иванко Ростиславич даровал купцам византийского приморского города Месемврии право беспошлинной торговли не в Малом Галиче, а только в городах Берладе и Текуче. Первоначально подлинность грамоты не оспаривалась, и она послужила основой для обоснования мнения, что на юге Днестровско-Карпатских земель в XII в. существовало древнерусское княжество, где имелись городские центры — Малый Галич, Текуч и Берладь. Столицей княжества считали город Берладь. Подробный палеографический, текстологический и смысловой анализ «Берландской грамоты» 1134 г., проведенный румынским историком И. Богданом и русским историком А.И. Соболевским, убедительно показал, что данная грамота является умело составленным фальсификатом.[685]

---

[684] Instructiunea publica, Jasi; (24) Januarie, 1860.

[685] Bogdan I. Diploma birladeana din 1134 si principatul Birladului. — Analele Romana. Metoriile sectiunii istorice, serie 2, XII (1888–1889), p.65; Соболевский А.И. Грамота кн. Иванка Берладника. — Труды Восьмого археологического съезда в Москве 1890. II, М., 1895, с.173–174.

Тем не менее точка зрения о существовании «Берландского княжества» на юге Днестровско-Карпатских земель в XII в. получила широкое распространение. Некоторое время «Берландское княжество» считалось одним из прямых предшественников средневекового Молдавского государства в молдавской советской историографии.[686] Высказывается подобное мнение и в отдельных новейших исследованиях.[687]

Каковы же прямые известия письменных источников о берладниках и об их пребывании в Днестровско-Карпатских землях?

Берладники упоминаются в русских летописных источниках во второй половине XII в. (Ипатьевская летопись). Упоминание берладников связано с деятельностью звенигородского князя, впоследствии князя-изгоя Ивана Ростиславича Берладника (1144–1161 гг.), бурная жизнь которого, полная приключений, хорошо известна по русским летописям.

Первое из этих упоминаний, имеющее отношение к территории Днестровско-Карпатских земель, относится к 1159 г., когда Иван Ростиславич в союзе с половцами занял на Нижнем Дунае «городки подунайские», захватил и разграбил два купеческих корабля, «пакостяще» галицким рыболовам.[688] Подобная «деятельность» князя Ивана Ростиславича и его берладников и позволила видному советскому историку В.Т. Пашуто охарактеризовать берладников, как «южных ушкуйников».[689]

В том 1159 г. Иван Ростиславич и «берладники у него совокупися»,[690] в союзе с половцами совершил поход к южным рубежам Галицкого княжества — Кучельмину и Хмыце, находящимся на севере Днестровско-Карпатского региона. Находясь у стен Ушицы, он воспрепятствовал намерению половцев разграбить поселение, что послужило причиной разрыва половцами союза с берладниками. Трудно сказать, чем руководствовался князь Иван Ростиславич в своей ссоре с половецкими союзниками, патриотическими ли соображениями, не позволив степнякам грабить русское население Ушицы (таковые, впрочем, если у него и были, то не помешали ему в союзе с половцами предпринять явно грабительский поход на русские земли), или же просто он не желал делиться с половца-

---

[686] Мохов Н.А. Молдавия в эпоху феодализма. Кишинев, 1964, с.84.
[687] Русанова И.П., Тимощук Б.А. Древнерусское Поднестровье, с.88.
[688] ПСРЛ, II, стб.497.
[689] Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси, с.269.
[690] ПСРЛ, II, стб.497.

ми предполагаемой добычей. Разрыв же этого союза и помощь, оказанная гарнизону княжескими войсками галицкого князя Ярослава Осмомысла, привели к неудаче похода берладников к галицкому порубежью. На следующий год (1160 г.) Иван Ростиславич и его верные берладники перенесли свою разбойную деятельность уже на побережье Черного моря, где в устье Днепра находился русский городок Олешье (на месте современного г. Херсона). В результате киевский князь Ростислав был вынужден «в то же лето (1160 г.) посла из Киева Гюрга Нестеровича и Якира в наседах на берладники оже бяхут Олешье взяли».[691]

Все эти факты свидетельствуют о том, что южные ушкуйники — берладники во главе со своим предводителем князем-изгоем Иваном Ростиславичем — действовали на довольно обширной территории Северо-Западного Причерноморья от Нижнего Днепра до Нижнего Подунавья и до Среднего Поднестровья.

Поскольку все три летописных сообщения о берладниках говорят только о предпринятых ими под руководством князя Ивана Ростиславича грабительских походах как на юг Галицкого Понизья и на южное порубежье Галицкого княжества, так и на Олешье, то в историографии получило распространение мнение о том, что берладники получили свое наименование от их образа жизни и само слово «берладник» означает «разбойник» или же «бродяга».[692] В пользу этого мнения советский историк В.П. Шушарин использовал данные грамот Буковины второй половины XVII–XVIII вв. Здесь «берладским путем» назывался «воровской», «разбойничий» путь — «берладский путь», называемый также разбойничьей дорогой.[693] Мнение это любопытно, однако полностью согласиться с ним трудно. Прозвище князя Ивана Ростиславича — Берладник — происходит, что очевидно из летописи, от названия населенного пункта или же местности Берладь. В Ипатьевской летописи под 1174 г. приводятся следующие слова суздальского князя Андрея Боголюбского, обращенные князю Давиду Ростиславичу: «Ты поиди в Берладь, в Русской земли не велю ти быти».[694] Из этого сообщения историки делают вывод, что Берладь в понятии «Русской земли» не

---

[691] ПСРЛ, II, стб.505.

[692] Spinei V. Zur Geschichte…, p.84; Шушарин В.П. Этническая история Восточного Прикарпатья в IX–XII вв. — Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972, с.172.

[693] Шушарин В.П. Указ. раб., с.172.

[694] ПСРЛ, II, стб.573.

входила.[695] Может ли это значить, что летописная Берладь, название которой и послужило основой прозвища князя Ивана Ростиславича, находилась вне пределов Древней Руси?

Здесь необходимо коснуться вопроса о самом значении термина «Русская земля» в разные периоды раннего средневековья.

Первоначально понятие «Русская земля» складывается в IX–X вв. Реконструкция границ «Русской земли» IX в. была осуществлена А.Н. Насоновым.[696] Согласно выводам его исследования, в состав «Русской земли» первых веков русской истории вошла полностью территория княжения полян, Киевская земля, восточная часть мест расселения северян, Черниговская земля.

Позднее, в период существования единого древнерусского государства — Киевской Руси, понятие «Русская земля» становится более широким и уже в IX в. обозначает всю совокупность русских земель от Черного моря и Дуная до Финского залива и Ладоги. В этот период упрочивается понятие «Русская земля» как обозначение единого государства всех восточных славян, а понятие «русские люди» — как единого этнического наименования населения этого государства.[697]

Впервые такое широкое понимание значения «Русской земли» отражено в «Слове о законе и благодати» киевского митрополита Илариона (1049 г.).[698]

Во второй половине XII в., в период торжества феодальной раздробленности на Руси, понятие «Русская земля» вновь претерпевает изменения. В это время термин «Русская земля» употребляется обычно в отношении территории, непосредственно прилегающей к Киеву (Киевская земля), а также Черниговского и Переяславского княжеств.[699] Следовательно, нахождение Берлади вне «Русской земли» в 1174 г. отнюдь, как нам представляется, не означает ее расположение за пределами собственно русских земель, Древней Руси.

Где же находилась летописная Берладь? Долгое время многие историки полагали, что Берладь находилась на месте современного

---

[695] Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси, с.207.

[696] Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, с.28–33.

[697] Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982, с.111.

[698] Розов Н.Н. Синодальный список сочинений Иллариона, русского писателя XI в. «Slavia». 1963, №2, с.161.

[699] Робинсон А.Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI–XIII вв. М., 1980, с.219–242.

румынского города Бырлад. Однако многочисленные археологические исследования не подтвердили этого мнения. В IX–X вв. на территории Бырлада находились сельские поселения.[700] В XI–XIII вв. земледельческие поселения в районе Бырлада прекращают свое существование в связи с переселением сюда тюркских кочевников.[701] Вновь эта территория заселяется земледельческим населением только в конце XIII в.[702]

Оказались безуспешными и розыски археологами других упомянутых в «Берладской грамоте» городских центров так называемого «Берладского княжества» XII в.

Следовательно, летописную Берладь и Бырлад на юге Днестровско-Карпатских земель не объединяет ничего, кроме случайного созвучия.

В совокупности письменные и археологические источники не подтверждают мнения ни о существовании на территории Днестровско-Карпатских земель «Берладского княжества», ни о берладниках как об особой группе населения Днестровско-Карпатского региона в XII в. Упоминания берладников в летописи связаны исключительно с деятельностью звенигородского князя, впоследствии князя-изгоя Ивана Ростиславича Берладника. Спорадические появления берладников в Поднестровье и Нижнем Подунавье происходили лишь во время походов Ивана Ростиславича на подунайские городки либо на пограничье Галицкого княжества. Причем данная «деятельность» берладников и их предводителя отнюдь не ограничивалась Днестровско-Карпатскими землями, о чем свидетельствует набег берладников на Олешье и их присутствие на территории собственно «Русской земли». Местонахождение исторической летописной Берлади, бывшей центром берладников, по названию которой Иван Ростиславич и получил прозвище, до настоящего времени точно не установлено. Поскольку как до появления на исторической сцене князя Ивана Ростиславича Берладника, так и после его смерти берладники в письменных источниках не упоминаются, то справедливым поэтому представляется мнение о летописных берладниках как о сподвижниках князя Ивана Ростиславича в его многочисленных авантюрах на землях Руси и на просторах южнорусских степей.

Князь Иванко Ростиславич Берладник, как известно, бежал в 1161 г. в Византию, где вскоре и умер. Вскоре, однако, земли Нижне-

---

[700] Spinei V. Zur Geschichte…, p.87.
[701] Ibidem.
[702] Ibidem, p.84.

го Подунавья стали ареной деятельности сразу трех князей-изгоев, трех братьев — сыновей Юрия Долгорукого: Мстислава, Василька и Всеволода, изгнанных из своих уделов старшим братом Андреем Боголюбским. К 1164 и 1165 гг. относится свидетельство русской летописи о том, что византийский император радушно принял изгоев и дал им в управление области.[703] Князь Василько получил в управление область на Нижнем Дунае, как это засвидетельствовано у Иоанна Киннама: «…область около Истра… император дал сыну Юрия Васильку, пришедшему в империю и занимавшему первое место между племенными князьями Таврокифии».[704] Здесь же Киннам сообщает о прибытии в Византию в 1165 г. еще одного русского князя-изгоя Владислава, прибывшего «вместе с детьми, женой и всем войском» и получившего в управление ту подунайскую область, которая ранее была отдана императором Мануилом I Васильку.[705] Об этом Владиславе из русских источников ничего не известно.[706] Ценность сообщения Киннама тем не менее существенна: князь-изгой приводит с собой не только свою семью, но и часть родственников и большую военную дружину; в Подунавье существует область, которую византийский император «традиционно» дает в управление русским князьям-изгоям. Следовательно, можно говорить о русских поселенцах земель не только к северу, но и к югу от Дуная.

Здесь важно отметить, что переселение части древнерусского населения в область Нижнего Подунавья, при Василии II Болгаробойце (976–1025 гг.), вновь вошедшую в состав Византии, шло на протяжении всего периода XI–XII вв. Об усилении роли выходцев из Руси в экономической жизни региона свидетельствует расширение, начиная с XI в., номенклатуры русского экспорта, который наряду с традиционными товарами — пушнина, кожа, воск, мед — стал включать в себя ряд ремесленных изделий — шиферные пряслица из Овруча, киевские поливные яйца-писанки, дверные трубчатые замки, стеклянные бусы и браслеты.[707] Наиболее массовые находки древнерусских вещей обнаружены при раскопках византийских крепостей на Нижнем Дунае — Диногенция, Капидава, Новиодунум-Исакча.[708] В них должны были находиться русские купеческие под-

---

[703] ПСРЛ, II, стб.391.
[704] Иоанн Киннам, с.232.
[705] Там же.
[706] Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений, с.493.
[707] Коновалова И.Г., Перхавко В.Б. Древняя Русь и Нижнее Подунавье, с.190.
[708] Там же, с.190.

ворья. Одно из таковых зафиксировано ал-Идриси в Шумене.[709] Значит, наиболее активной деятельностью русских в Нижнем Подунавье была дельта Дуная и территория Добруджи.[710]

Вернемся к упомянутым в летописи «городкам» на Нижнем Дунае, занятым Иваном Ростиславичем Берладником, опираясь на которые, он и «пакосташе» галицким рыболовам. Это летописное сообщение свидетельствует, что и в начале 60-х гг. XII в. в Нижнем Подунавье сохранилось оседлое население, имевшее свои «городки». Существованию этих населенных пунктов, несомненно, способствовал торговый путь, шедший по Дунаю из стран Цетральной Европы в Причерноморье. Здесь часто проходили купеческие суда. Население нижнедунайских городков поддерживало торговые связи с Византийской империей, владения которой лежали к югу от Дуная. Подтверждением этого является распространение византийских монет XII в. на крайнем юге Днестровско-Карпатских земель именно на побережье низовий Дуная и прилегающих к ним причерноморских земель. Известны три крупных клада византйиских монет на этой территории: Измаильский, Ренийский и Суворовский (пос. Суворово Одесской области). Есть и единичные находки. Хронологически это монеты периода, начиная с правления Алексея I Комнина (1081–1118 гг.) и до Алексея III Ангела (1195–1203 гг.).[711]

Монеты Алексея I Комнина содержатся в основном в Измаильском кладе, есть и единичные находки; монеты Иоанна II Комнина (1118–1143 гг.) — также в основном в Измаильском кладе; монеты Мануила I Комнина (1143–1180 гг.) имеются в составе всех трех указанных кладов; монеты Андроника I Комнина (1183–1185 гг.) зафиксированы в составе Суворовского клада, есть единичные находки; монеты Исаака II Ангела (1185–1195 гг.) обнаружены только в Суворовском кладе; монеты Алексея III Ангела (1195–1203 гг.) известны только среди единичных находок в этом же ареале.[712]

Все три клада были зарыты, вероятно, в последней четверти XII в. Поскольку монеты Мануила I встречены во всех трех кладах и они наиболее многочисленны, можно предположить, что именно в его правление происходит оживление поступления византийских монет в южную часть Днестровско-Карпатского региона. В этот же

---

[709] Коновалова И.Г., Перхавко В.Б. Древняя Русь и Нижнее Подунавье, с.191.

[710] Там же, с.191.

[711] Нудельман А.А. Очерки истории монетного обращения в Днестровско-Прутском регионе, с.79–80.

[712] Там же, с.78.

период наряду с медными сюда поступают и монеты из драгоценных металлов.[713] Резкое же сокращение монетного притока прослеживается в 70-х и 80-х гг. XII в.[714]

Какие же можно сделать выводы на основании приведенных данных о монетном обращении в нижнем Подунавье в XII в.?

1. В XII в. в Нижнем Подунавье продолжают существовать небольшие городские центры местного населения, поддерживающие тесные экономические связи с Византией, свидетельством чего является распространение здесь византийских монет этого периода, и с Галицкой Русью, что подтверждает пребывание здесь «галицких рыболовов», отмеченное в русских летописных источниках. Прямых данных об этническом составе населения этих городков в источниках не содержится, можно, однако, предполагать, что оно носило характер, сходный с разноэтническим населением Нижнего Подунавья в предыдущем столетии.[715] Здесь и в то время могли проживать русские, болгары, тюрки.
2. Резкое сокращение монетного притока в 70–80-е годы XII в. должно быть связано с обоснованием в степях Нижнего Подунавья половцев и образованием придунайской Кумании. Тогда же, возможно, прекращают свое существование придунайские городки, зарываются клады.
3. Окончательное прекращение проникновения византийских монет в эту эпоху скорее всего связано с утратой Византией своих нижнедунайских владений после образования в 1186 г. Второго Болгарского царства, а затем и падения Константинополя в 1204 г. в результате IV Крестового похода.

Письменные источники второй половины XII–первой половины XIII вв. — русские, византийские, венгерские, документы римской курии — сообщают ряд сведений о бродниках, группе населения южнорусских степей, игравших определенную роль и в истории земель Днестровско-Карпатского региона в предмонгольский период. Известия о бродниках русской летописи восходит к середине XII в. Так, во время войны черниговского князя Святослава Ольговича в союзе с ростово-суздальским князем Юрием Владимировичем Долгоруким против киевского князя Изяслава Мстиславича в

---

[713] Нудельман А.А. Указ.раб., с.80.
[714] Там же.
[715] Michaelis Attaliatae. Historia, p.204.

1147 г. бродники упоминаются в качестве союзников Святослава. В последней четверти XII в., в 1190 г., бродники упоминаются византийскими историками в Нижнем Подунавье как союзники болгар. По свидетельству византийского историка Никиты Хониата, бывшего современником описываемых событий, в болгаро-византийской войне на Балканах на стороне болгар сражались половцы и уроженцы местности, именуемой Бордана (т.е. из Берданы), которых Хониат относил к «ветви тавроскифов» (русских).[716] Бордана — это страна бродников, следовательно, «те… из Борданы» — бродники.[717]

В первой половине XIII в. бродники и «земля бродников» неоднократно упоминаются в письменных источниках. Ряд письменных свидетельств позволяет историкам говорить о постоянном пребывании бродников в этот период на землях Днестровско-Карпатского региона. Впервые бродники на этих территориях упоминаются в 1222 г. В этом году венгерский король Андрей II расширил свой домен на востоке и юго-востоке Трансильвании за счет прилегающих к земле Бырса незаселенных земель.[718] Эти земли Андрей II предоставил во владение рыцарям-тевтонам. Тогда-то бродники и были упомянуты как восточные соседи тевтонов.[719]

Поскольку земли бродников располагались к востоку от земли Бырса, являвшейся юго-восточной окраиной Трансильвании, постольку, следовательно, эти земли находились на территории Днестровско-Карпатских земель. Южными соседями бродников здесь были половцы, кочевавшие в степях Нижнедунайской низменности. Бродники, так же как и половцы, оказались в сфере внимания римской курии, настойчиво стремившейся распространить католицизм в Восточной Европе. Организованная по инициативе папы Григория IX в конце 20-х гг. XIII в. так называемая Половецкая епископия должна была стать центром распространения католицизма не только среди половцев, но и среди их соседей — бродников. Об этом недвусмысленно говорят документы римской курии. В письме папы Григория IX от августа 1227 г. дается предписание епископу Эстергома обращать в католическую веру население земель Кумании и соседней с ней Земли Бродников: «In Cumania et

---

[716] Литаврин Г.Г. Новое исследование о восстании в Паристрионе и образовании Второго Болгарского царства. — Византийский временник. Т.41, 1980, с.111.

[717] Там же.

[718] Urkundenbuch zur Geschichte der Dentschen in Siebenburgen. Bd. I. Hermannstadt, 1892, s.19, 23.

[719] Шушарин В.П. Свидетельства памятников…, с.39.

Bordinia terra ills vicina, de cuius gentis conuersionis officium tibi commitere dignaremur, per quod potestatem eisdem terris vice nostra praedicandi, aedificandi Ecclesias, ordinandi clericos…». (Мы удостаиваем дать тебе наше полномочие в землях Кумании и Бродинии, соседней с ней, на обращение которых есть надежда, по которому ты имеешь власть от нашего имени проповедовать, возводить церкви, крестить, назначать священников…).[720]

В документе римской курии, датируемом мартом 1231 г., вновь говорится о Кумании и Земле Бродников, как о соседних провинциях: «Cumanorum et Brodnicorum provinciis sidi vicinis».[721]

О географическом положении Земли Бродников сообщает письмо венгерского короля Белы IV римскому папе Иннокентию IV от 11 ноября 1250 г. В письме говорится, что татары заставили платить себе дань страны, «que ex parte Orientis cum regno nostro conterminantur, sicut Ruscia, Cumania; Brodnici, Bulgaria» (которые с востока граничат с нашим королевством, именно Русь, Куманию, Бродников и Болгарию).[722]

Приведенные свидетельства письменных источников убедительно показывают, что бродники проживали на территории Днестровско-Карпатских земель по соседству с половцами, Придунайской Куманией, близ восточных рубежей Венгерского королевства.

Что представляла собой Земля Бродников в Днестровско-Карпатском регионе — на этот вопрос письменные источники определенного ответа не дают. Была ли это просто территория на стыке русских поселений и половецких кочевий, или же она представляла собой некое подобие политического объединения? Последнее мнение получило распространение в историографии, хотя сколь-либо удовлетворительных известий об этом вся совокупность письменных источников не дает. Днестровско-Карпатские земли не были единственным регионом обитания бродников. Бродники проживали по соседству с половцами на всем пространстве южнорусских степей вплоть до Приазовья. Факт перехода части бродников во главе с их воеводой Плоскыней на сторону монголов в битве при Калке в 1223 г. говорит о неоднозначности взаимоотношений бродников с русскими княжествами и половцами. Союзнические отношения порой сменялись враждебными. Русская летопись так описывает переход бродников во главе с Плоскыней на сторону монголов: «Ту же и

---

[720] Urkundenbuch zur Geschichte der Dentschen in Siebenburgen. Bd.I, s.20.

[721] Hummuzaki-Densusianu, p.114.

[722] Vetera Monumenta Hungariam Sacram illustrantia. V. I, Rima, 1860, p.93, №167.

бродницы быша старые, и воевода их Плоскыня, и той окаянный целовав крест ко князю Мстиславу и обема княземы, яко их избити и пустити их искуре, и солгав окаянный предасть их связав татарам».

Летописные сообщения свидетельствуют о многочисленности бродников, о наличии у них своих воевод. Тот факт, что бродники занимали достаточно обширную территорию, подтверждает и венгерский документ 1250 г., где Земля Бродников упоминается в одном ряду с Русью, Куманией и Болгарией.

По вопросу о происхождении и этнической принадлежности бродников в историографии существует ряд различных мнений.

Л.Н. Гумилев полагал, что бродники были народом русско-хазарского происхождения, наследниками древних хазар. Мнение это, однако, носит гипотетический характер и не подкрепляется какими-либо конкретными данными тех или иных источников.

В.Т. Пашуто, исходя из их названия — «брод», «бродить», — полагал, что бродники были кочевым народом, связанным с половцами и обитавшим в Половецкой степи. Оговаривая неясность их происхождения, В.Т. Пашуто тем не менее не подвергал сомнению славянское происхождение бродников и распространение среди них христианства.

Мнение о бродниках как о кочевом народе не поддержал М.Ф. Котляр. Согласно его представлениям, бродники были предшественниками казачества в южнорусских степях и являлись не кочевым народом, а обитателями поселений у «бродов», речных переправ. Основной областью их расселения, согласно М.Ф. Котляру, было Подунавье.

Мысль о бродниках как о кочевом народе вызвала серьезные возражения у В.В. Мавродина, Р.М. Мавродиной, И.Я. Фроянова. По их мнению, славянское происхождение бродников вряд ли делает возможным определение бродников как особого кочевого народа.

В румынской историографии утвердилось мнение о бродниках как о населении с «румынской этнической принадлежностью». По справедливому утверждению В.П. Шушарина, это мнение является бездоказательным, и в настоящее время не имеется никаких новых данных, которые позволяли бы предполагать румынскую этническую принадлежность бродников. Все свидетельства о бродниках не дают никаких оснований для отождествления их с восточными романцами.[723]

---

[723] Шушарин В.П. Свидетельства письменных памятников…, с.43.

В.П. Шушарин присоединился к мнению о славянской этнической принадлежности бродников.

Наиболее четкий ответ об этническом происхождении бродников дает анализ сообщения о них Никиты Хониата. Никита Хониат совершенно определенно пишет о бродниках, как о ветви «тавроскифов» — русских. Шесть раз упоминая тавроскифов, Хониат имеет в виду только русских.

В «Истории» Никиты Хониата бродники как ветвь тавроскифов-русских совершенно четко отличаются от тюрок — половцев и восточных романцев — влахов.

На сегодняшний день наиболее основательным остается мнение о бродниках как по преимуществу русских, высказанное еще в прошлом веке выдающимся русским историком Ф.И. Успенским.

Итак, бродники, проживавшие на территории Днестровско-Карпатских земель по соседству с половцами в конце XII–первой половине XIII вв., были частью древнерусского населения региона.

Относительно социального происхождения бродников в историографии существует мнение, что их основу составляли беглые холопы и крестьяне из соседних и отдаленных областей Руси, стекавшиеся в Подунавье.[724]

Помимо бродников, из числа представителей древнерусского населения Днестровско-Карпатских земель письменные источники отмечают в регионе в первой половине XIII в. так называемых «галицких выгонцев».

Места возможных поселений галицких выгонцев в центральной части Пруто-Днестровского междуречья известны по данным археологических раскопок и разведок. Это древнерусские поселения, существовавшие на месте современных молдавских сел Бранешты, Машкауцы, Иванча, Юрчены, Бардар, Ханска, Дончены.[725]

Галицкие выгонцы, проживавшие в Днестровско-Карпатских землях, играли заметную политическую роль в истории соседних с регионом государств. В.Т. Пашуто приводит сообщение византийского историка Георгия Акрополита о том, что «русские беглецы» (галицкие выгонцы) были союзниками болгарского царя Ивана II Асеня, который во многом благодаря их помощи сумел вернуть престол, утраченный в междоусобной войне.[726] Активное участие

---

[724] История крестьянства в Европе. Т.I. М., 1985, с.470.

[725] Бырня П.П. К вопросу о керамике галицкого типа на территории Молдавии. — Далекое прошлое Молдавии. Кишинев, 1969, с.101.

[726] Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, с.169.

приняли галицкие выгонцы в борьбе русского народа против надвигающейся угрозы монгольского нашествия. Во время первого вторжения монгольских туменов во главе с Субудаем и Джэбэ в Восточную Европу галицкие выгонцы были в составе русско-половецкого войска, сражавшегося против монголов в битве на реке Калке. Вот что сообщает русская летопись о движении галицких выгонцев на соединение с основными силами русско-половецкого войска в 1223 г.: «а выгенцы Галицкыя придоша по Днепру (Днестру) и выидоша в море бе бо их лодеи тысяща и воиндоша во Днепр и возведоша прогы и стоша у рекы Хортице на броду у Пратолчи».[727] Следовательно, военные отряды галицких выгонцев двигались на соединение с русско-половецким войском водным путем — Днестр, Черное море, Днепр. Летописец указывает огромное количество их судов — тысяча ладей. Едва ли, конечно, следует принимать на веру эту явно преувеличенную цифру. Если бы она соответствовала действительности, то численность одних галицких выгонцев в составе русского войска достигла бы 30–40 тысяч человек (известно, что в одной ладье помещалось до 30–40 человек).[728] Тогда как численность всех русских войск в битве при Калке не превышала 40 тысяч человек.[729]

Не исключено, однако, и такое предположение: столь значительное число людей могло быть использовано не столько для перевоза вооруженной силы, сколько для транспортировки воинского снаряжения и припасов.

В любом случае, даже преувеличение летописцем количества галицких выгонцев, приведенное сообщение русской летописи свидетельствует о том, что галицкие выгонцы представляли собой силу в северо-западном Причерноморье и были способны выставить несколько тысяч вооруженных бойцов. В пользу этого мнения свидетельствует и приведенный факт союзнической помощи, оказанной ими болгарскому царю Ивану II Асеню.[730]

Пребывание уроженцев Галицкой Руси в Нижнем Поднестровье и на Нижнем Дунае имело давние традиции. Как известно, еще в середине XII в. в Нижнем Подунавье галичане занимались рыбным

---

[727] ПСРЛ, II, стб.742.

[728] Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси…, с.269.

[729] Романов В.К. Битва при р. Калке и ее отражение в русском летописании (историко-текстологическое исследование). Автореферат диссертации, представленной на соиск. уч. степени кандидата исторических наук. М., 1983, с.21.

[730] Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси…, с.202.

промыслом. В XIII в. число галицких выгонцев в Днестровско-Карпатских землях заметно возросло в связи с длительной, почти сорокалетней междоусобной политической борьбой в Галицкой Руси, вылившейся в непрестанные феодальные войны.[731]

Социальный состав галицких выгонцев на территории Галицкого Понизья был пестрым. Основную массу их составляло, по-видимому, крестьянское население, о чем свидетельствует наличие земледельческих сельских поселений уроженцев Галицко-Волынского княжества в центральной части Днестровско-Карпатских земель. Некоторую часть галицких переселенцев могли составлять выходцы из городов — ремесленники, рыбаки-промысловики. Особое значение имело появление в Галицком Понизье изгнанных в результате феодальных войн и княжеских репрессий представителей знатных боярских родов. Бежавших и изгнанных бояр должна была сопровождать достаточно многочисленная военная челядь — боярские дружины. Не этим ли объясняется тот факт, что галицкие выгонцы были столь заметной военной силой в Северо-Западном Причерноморье?

Наиболее известными представителями галицкого боярства среди выгонцев были представители знатных боярских родов Домажиричей и Кормиличичей.[732] Домажиричи и Кормиличичи были изгнаны из пределов Галицкой Руси в начале XIII в. князем Романом Мстиславичем.

Представители боярских родов и играли важную роль военных предводителей воинских отрядов галицких выгонцев. В битве при Калке отряды галицких выгонцев возглавляли бояре Юрий Домажирич и Держикрай Володиславич.[733]

В советской историографии состав галицких выгонцев определялся неоднозначно. В.Т. Пашуто, опираясь на сведения византийских авторов, подразумевал под галицкими выгонцами бояр, бежавших за пределы Галицкой Руси.[734] Н.А. Мохов считал галицкими выгонцами только крестьян, бежавших из-под гнета галицких бояр.[735] П.П. Бырня отнес к числу галицких выгонцев как бояр, так и крестьян, составлявших, по его мнению, основу галицких выгонцев.[736]

---

[731] Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси…, с.271–272.

[732] Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси…, с.144.

[733] ПСРЛ, II, стб.743.

[734] Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси…, с.144.

[735] Мохов Н.А. Формирование молдавского народа и образование молдавского государства. Кишинев, 1959, с.23; История МССР. Т.I, 1965, с.80.

[736] Бырня П.П. К вопросу о керамике…, с.100.

Уточняя вышесказанные точки зрения, следует указать, что бояре, вынужденно переселившиеся в Галицкое Понизье, а до этого активно участвовавшие в бесчисленных феодальных смутах, несомненно, опирались на значительные военные отряды. Они и составляли основу войска галицких выгонцев, а не вооруженные крестьяне, ибо предпринимать столь серьезные и продолжительные военные экспедиции, как поход в Болгарию на помощь Ивану II Асеню или же вглубь южно-русских степей до Приазовья, как в 1223 г., могли только отряды профессиональных воинов, а никак не крестьянское ополчение.

В совокупности данные археологических и письменных источников свидетельствуют о том, что наиболее многочисленной группой древнерусского населения центральной части Днестровско-Карпатского региона были галицкие выгонцы, выходцы из пределов Галицко-Волынского княжества.

Каковы же были социальные отношения в среде галицких выгонцев, учитывая их сложный классовый состав?

Учитывая, что боярские рода переселялись в Понизья из пределов Галицкой Руси, необходимо коснуться вопроса об особенностях боярства этой области русских земель.

В Галицко-Волынском княжестве, как нигде на Руси, сложился мощный слой бояр — земельных магнатов. В их владениях были обширнейшие земельные угодья. По свидетельству летописи в первые десятилетия XIII в. галицкое боярство держало в своих руках практически все земли княжества, из-за чего порой власть князя над ними становилась номинальной: «Бояре же галичьстии Данила князем собе назваху: а сами всю землю держаху».[737] Боярин Доброслав в это время распоряжался даже княжеским доменом.[738] Мало того, если одним из существеннейших отличий русского боярина от его западноевропейского собрата по классу считается отсутствие на Руси боярских замков,[739] — что, безусловно, верно для большей части русских земель, — то для Галицкой Руси этого отличия не существовало. Крупнейшие галицкие бояре владели замками, которые представляли собой мощные крепости, наполненные оружием и запасами продовольствия, которые могли быть оплотами бояр в их «крамолах» с княжеской властью. Таким был, к примеру, известный по летописи замок галицкого боярина Судисла-

[737] ПСРЛ, II, стб.750.

[738] Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества…, с.517.

[739] Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России, с.205.

ва, упомянутый под 1229 г.: «Даниил же взя двор Судиславль, якоже вино и овоща и корма и копий и стрел — престраньнь видити!»[740]

И вот эти, еще недавно могущественные земельные магнаты, потерпев поражение в феодальных усобицах с княжеской властью, теперь оказались со своими многочисленными домочадцами, челядью, воинскими дружинами в Галицком Понизье за пределами княжества. Каким образом можно было организовать содержание, прокорм такого числа людей? Только за счет местного крестьянского населения. Откуда можно было взять средства на снаряжение войска для похода в Болгарию на помощь царю Ивану II Асеню? Ведь доходы с их былых вотчин поступали теперь в княжескую казну. Новые доходы могли быть только результатом феодальной эксплуатации местного сельского населения. Эта эксплуатация не могла носить столь же жестокий характер, каковой она носила на территории собственно Галицко-Волынского княжества. Иначе бы сюда не было столь значительного перемещения крестьянского населения из галицких земель. Не исключено, что бояре, обосновавшиеся в Понизье, предоставляли определенные льготы как местным жителям, так и переселенцам именно с целью стимулировать дальнейшее переселение сюда крестьян из пределов княжества. Опираясь на свои вооруженные отряды, бояре могли организовать на новых землях и определенную систему управления — боярские уделы.

Изложенное мнение носит, разумеется, сугубо гипотетический характер, поскольку построено исключительно на косвенных догадках. Никаких прямых известий о существовании каких-либо боярских «уделов» на территории Галицкого Понизья в источниках не имеется. Археологические же материалы, как уже указывалось, пока скудны. Тем не менее возможность появления таких уделов в связи с переселением в центральную часть Днестровско-Карпатских земель представителей боярских родов, которых должны были сопровождать воинские отряды, и наличием на этих землях местного и переселившегося крестьянского населения исключать полностью нельзя.

Помимо тюркского и восточнославянского населения в домонгольский период на территории Днестровско-Карпатского региона в Поднестровье и Подунавье можно предполагать проживание некоторого числа ираноязычного населения — аланов. Впервые аланы появились в Северо-Западном Причерноморье еще в III в. и с этого времени в разные периоды письменные источники споради-

[740] Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985, с.94.

чески позволяют предполагать их проживание в Днестровско-Карпатских землях.

О возможности присутствия аланов в Поднестровье и в Нижнем Подунавье в период со второй половины XII в. и до монгольского нашествия сообщают некоторые письменные источники. Составленная в первой половине XIII в. в Германии энциклопедия «О свойствах вещей» (автор — средневековый теолог и писатель Бартоломей Английский) сообщает ценные географические сведения об исторической географии Европы того времени. Один из ее разделов посвящен описанию Алании.

(Об Алании)

(Алания — первая часть Сифии, являющейся первой и самой большой областью Европы, которая, а именно Европа, начинается от реки Даная (Дуная — И.К.), нисходя к западу по Северному океану, и простирается до самых границ Испании. Ее восточная и южная часть начинается у Понта, объединяется Большим морем и заканчивается на островах Гадес, как говорит Исидор в книге XV.

Итак, первой частью Сифии является Алания, которая тянется до Меотийских озер и простирается до самой Дации (Дакии — И.К.). Область же эта — обширнейшая; в ней обитает много жестоких варварских народов, и расположена она в холодном климате, на востоке отклоняясь к северу).[741]

Согласно описанию пределов Алании Бартоломеем Английским, она простиралась от Приазовья (Меотида) вплоть до Карпат (Дакия). Следовательно, Днестровско-Карпатские земли также включались в сферу обитания аланских племен.

При использовании географических описаний в сочинениях Бартоломея Английского следует учитывать тот факт, что в основном они базировались на сочинениях признанных в средневековье авторитетов — Аристотеля, Геродота, Исидора Севильского, Павла Орозия, Плиния Старшего, арабских авторов.[742] Помимо сведений, почерпнутых из древних сочинений, Бартоломей приводит также и ряд оригинальных известий о странах и народах Восточной Европы, однако описание Скифии и Алании носит скорее общий характер, далеко не адекватно отражающий конкретную историческую ситуацию в Северном Причерноморье в XIII в. В этот период гос-

[741] Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1979, с.72, 81.

[742] Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1979, с.72, 81.

подствующей силой в Причерноморье были тюркские кочевники — половцы. Аланы, часть племен которых продолжала обитать в южнорусских степях, далеко не ведущую роль там играли. Поэтому представление о землях Северного Причерноморья от Приазовья до Карпат как об Алании не соответствует историческим реалиям первой половины XIII в. Скорее всего описание Алании в географическом разделе энциклопедического сочинения Бартоломея Английского «О свойствах вещей» отражает общие сведения о проживании аланов в Северном и Северо-Западном Причерноморье в I тысячелетии и первых веках II тысячелетия.

О взаимном присутствии аланов (асов) на территории, непосредственно примыкающей к Нижнему Подунавью, говорится о выписке, сделанной Ф.И. Успенским по просьбе известного русского историка Ф.К. Бруна из Древнего Ватиканского кодекса. Сведения, приводимые в этом отрывке, датируются 1243 г.

Источник сообщает, что незадолго до нашествия «безбожных татар» болгарский царь Коломан принял в свои владения асов (аланов).[743]

По мнению Ф.К. Бруна, «жилища этих аланов (асов) должны были находиться в Молдавии, где многие из них, подобно половцам, после сражения при Калке нашли убежище».[744]

Приведенный источник фиксирует пребывание аланов на территории Днестровско-Карпатских земель, сопредельной на Нижнем Дунае со Вторым Болгарским царством, откуда они переселились во владения болгарского царя Коломана (Каллимана). Однако неясно, кто были эти аланы: постоянное население этой территории или переселенцы из других областей Северного Причерноморья, бежавшие от монгольского нашествия и просто прошедшие через Днестровско-Карпатские земли в пределы Болгарии.

Следует учитывать, что и позднее, в 1301 г., 16 тысяч аланов переселились из-за Дуная в пределы Византйиской империи, где способные носить оружие, числом 8000, поступили на службу к императору Андронику II Палеологу (1282–1328 гг.). Об этом сообщает византийский писатель Георгий Пахимер.[745] Не исключено, что среди этих переселенцев могли быть и аланы, потомки аланского населения Днестровско-Карпатских земель более раннего, домонгольского периода.

---

[743] Брун Ф.К. Черноморье. Т.II, с.355.

[744] Там же.

[745] Georgii Pachimeris. De Michaele et Andronice Paleologis. Vol.I, libri IV, cap.16. Bonnae, 1835.

В пользу мнения о проживании аланов в Днестровско-Карпатских землях в XII–XIII вв. свидетельствуют средневековые карты этой эпохи.[746] На них река Прут носит название (река аланов) «по имени народа, который сидел на ее берегах».[747]

Возможным наследием проживания аланов (асов или ясов) в Попрутье является название современного румынского города Яссы, происходящее от древнерусского Ясского торга.[748]

О проживании аланов по соседству с половцами на землях к востоку от Карпат свидетельствует переселение в 1279 г. «куман и ясов» с этой территории в Венгерское королевство на службу королю Ладиславу IV Куману.[749]

Суммируя приведенные известия письменных источников, можно предполагать, что одним из этнических компонентов населения Днестровско-Карпатских земель в период, предшествующий монгольскому нашествию, были аланы. Локализовать территорию, где проживали аланы в Днестровско-Карпатском регионе, и определить характер их поселений в настоящее время не представляется возможным ввиду отсутствия археологических источников, относящихся к культуре аланов описываемого периода.

---

[746] Кулаковский Ю.А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899, с.24.

[747] Там же.

[748] Брун Ф.К. Черноморье, Т.II, с.356.

[749] Там же, с.355.

Глава 7. ВОЛОХИ В ДНЕСТРОВСКО-КАРПАТСКИХ ЗЕМЛЯХ В ДОМОНГОЛЬСКУЮ ЭПОХУ

Вопрос о появлении волошского населения в Днестровско-Карпатских землях, к востоку от Карпат, является одним из наиболее важных вопросов раннесредневековой истории региона. Важность его заключается в том, что он является одним из ключевых моментов формирования молдавской средневековой народности. Результатом переселения волохов на земли к востоку от Карпат явились всесторонние контакты волошского и древнерусского населения на территории Днестровско-Карпатских земель, приведшие впоследствии, в XIV в., к формированию молдавской народности. Эти широкие и всесторонние контакты волохов и древнерусского населения в Днестровско-Карпатском регионе, явившиеся продолжением традиционных славяно-волошских связей, обусловили наличие в результате этого двух предков молдавского народа — волохов и древнерусского населения. Именно это и является главной особенностью, выделяющей молдаван из числа других восточных романцев как самостоятельный восточно-романский народ.

Вопрос о времени появления волохов на землях к востоку от Карпат является дискуссионным. В современной румынской историографии утвердилось мнение, что, начиная с X в., основным населением Днестровско-Карпатских земель (за исключением части Северной Буковины с ее славянским населением и степного юга, где кочевали тюрки — печенеги, торки, берендеи и половцы) были восточные романцы, заселявшие всю территорию между Карпатами и Днестром.[750]

В обоснование этого мнения румынские историки приводят следующие доводы:

- к X–XI вв. славянское население на территории между Карпатами и Днестром было будто бы ассимилировано «румынами»;[751]
- в этот период, на большей части территории региона была распространена «румынская» по этнической принадлежности культура Дриду (Балкано-Дунайская культура);[752]

[750] Spinei V. Moldova in secolele XI–XIV, p.89.
[751] Cihodaru C. Observatii…, p.170.
[752] Spinei V. Contributii…, p.121–123.

- культура Дриду последовательно сменялась культурой Рэдукэнэнь, распространенной прежде всего в междуречье Прута и Сирета. Культура Рэдукэнэнь существовала в XI–XII вв. и носила преимущественно «румынский» характер с примесью тюркских элементов (результат влияния проживающих в регионе кочевых тюркских народов);
- основным занятием оседлого населения региона в XIII в. было земледелие. «Румыны» на территории между Карпатами и Днестром в этот период являлись земледельческим народом.[753]

Приведенную аргументацию нельзя признать убедительной. Ее научная несостоятельность доказывается следующими фактами:

- совокупность письменных и археологических источников неопровержимо доказывает, что основным населением северной и центральной части территории между Карпатами и Днестром на протяжении X–первой половины XIII в. оставалось славянское древнерусское население. Никакой ассимиляции славян «румынами» в указанный период не произошло;
- Балкано-Дунайская культура (культура Дриду) носила не восточно-романский, а синкретический южнославянско-тюркский (болгаро-салтавский) характер, что убедительно доказано исследователями советских и болгарских археологов;[754]
- преемственность между культурой Рэдукэнэнь как восточнороманской в своей основе и культурой Дриду нереальна, поскольку культура Дриду (Балкано-Дунайская) не является восточнороманской.

Памятники культуры Рэдукэнэнь Пруто-Сиретского междуречья практически идентичны памятникам контактной зоны восточнославянского и тюркского населения центральной части Пруто-Днестровского междуречья. В этом убеждает сравнительный анализ керамики с поселений Рэдукэнэнь и поселений контактной зоны в Пруто-Днестровском междуречье. Наиболее типичными находками в обоих случаях являются глиняные котлы,[755] тип которых полностью совпадает. Аналогичными либо очень близкими являются и другие типы керамических изделий. Характерно распространение на

---

[753] Spinei V. Romani si Turanici, p.94–145.

[754] Степи Евразии в эпоху среденвековья. М., 1980, с.75–77; Spinei V. Populatia locala…, p.186–194.

[755] Чеботаренко Г.Ф. Население центральной части Днестровско-Прутского междуречья в X–XII вв., с.11–12.

всех поселениях этого времени от Восточного Прикарпатья и до Днестра так называемых горшков «с плавно отогнутым венчиком и различно профилированным краем».[756]

Этот тип керамической посуды безраздельно господствовал в керамике поселений восточнославянской культуры Поднестровья и датируется очень широко — с VIII по XII в.[757] Следовательно, если и наблюдается преемственность в культуре Рэдукэнэнь, то она носит восточнославянский, а не восточнороманский характер.

Общим является на поселениях всей центральной части Днестровско-Карпатских земель как в Пруто-Сиретском, так и в Пруто-Днестровском междуречье тип жилища — землянки и полуземлянки. Идентичны и находки украшений и предметов обихода, найденных как на поселениях контактной зоны, так и на поселениях культуры Рэдукэнэнь.[758]

Приведенные аналогии позволяют высказать мнение об идентичности материальной культуры всего оседлого населения центральной части Днестровско-Карпатского региона на всем пространстве между Сиретом и Днестром в XI–XII вв. Поскольку в контактной зоне Пруто-Днестровского междуречья в этот период истории региона произошло смешение восточнославянской, южнославянской (остатки носителей Балкано-Дунайской культуры) и кочевнической (тюркской — печенеги, торки, берендеи) культур,[759] справедливым представляется мнение об аналогичном этническом составе и населения поселений культуры Рэдукэнэнь в Пруто-Сиретском междуречье.

Главным элементом, составлявшим основу оседлого населения контактной зоны, был древнерусский,[760] следовательно, поселения центральной части Днестровско-Карпатских земель в XI–XII вв. являли собой единую контактную зону славянского (в первую очередь, древнерусского) населения и тюркских кочевников — печенегов, торков, берендеев.

Неубедительным также является утверждение о преимущественно земледельческом характере хозяйства восточнороманского населения (волохов) в X–XIII вв. Главным хозяйственным заняти-

---

[756] Ibidem, p.184; там же, с.31.

[757] Чеботаренко Г.Ф. Указ. раб., с.31.

[758] Ibidem, p.184; Чеботаренко Г.Ф. Население центральной части…, с.39–42.

[759] Чеботаренко Г.Ф. Указ.раб., с.57.

[760] Чеботаренко Г.Ф. Население центральной части Днестровско-Прутского междуречья в X–XII вв., с.57.

ем восточнороманского населения в этот период было пастушество,[761] прежде всего отгонное овцеводство. Оно сочеталось с переложно-залежным земледелием, которое в хозяйстве волохов в X–XII вв. носило вспомогательный характер. В этот период у восточнороманского населения Карпатского региона складывается комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство с преобладанием в стаде овец.[762] Основным видом хозяйственной деятельности волохов оставалось животноводство. В общественном разделении труда и обмене волошское хозяйство повсюду представлено своей главной отраслью — скотоводством, его продукцией и предметами обработки этой продукции.[763]

Итак, мнение о восточнороманском в основном характере населения Днестровско-Карпатских земель в X–первой половине XIII вв. данными как письменных, так и археологических источников не подтверждается.

Каковы же реальные известия источников, позволяющие предполагать наличие волошского населения на территории Днестровско-Карпатских земель в XII–первой половине XIII в.?

Наличие волошского населения в землях, сопредельных с Днестровско-Карпатским регионом — в Трансильвании, в последние столетия I и начале II тысячелетия доказывается всей совокупностью письменных, археологических и топонимических источников.

В сочинении венгерского хрониста XII–начала XIII в. «Анонима» — истории короля Белы III — «Деяния венгров», датируемом обычно 1196–1203 гг.,[764] описано восточнороманское население на территории довенгерской Паннонии, именуемое «блахами».[765] В результате венгерского завоевания Среднего Подунавья в конце IX–начале X в. «блахи» — волохи были вынуждены, оставив равнинные земли, отойти в горы — в Трансильванию, где также в это время проживала часть волошского населения. Венгерские феодалы, стремясь утвердить свою власть на завоеванных землях, постоянно оттесняли волохов с равнинных мест — из Среднедунайской низменности (Паннонии), Трансильванской впадины —

---

[761] Полевой Л.Л. О хозяйственно-культурном типе волохов. — Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы (до середины XIX в.). Кишинев, 1980, с.49.

[762] Там же, с.54.

[763] Там же.

[764] SRH, I, p.66–67.

[765] Королюк В.Д. Славяне, влахи, римляне и римские пастухи венгерского «Анонима». — Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972, с.139.

в горные области.[766] Центральный Карпатский массив, таким образом, в IX–X вв. становится одним из ареалов расселения восточнороманского этноса — волохов. Проживание волохов в конце IX в. в Трансильвании подтверждается также сообщением «Повести временных лет». Летописное известие от 898 г. гласит: «Пришедшие (угры) от востока и устремишося через горы великия, яще прозвашася горы Угорськия (Карпаты — И.К.) и почата воевати на живущая ту волохи и словени. Седяху бо ту преже словене, и волохове преяша землю словенську. Посемь же Угри прогнаша Волохы, и наследиша землю ту, и седоша с словены, покорившe я под ся, и оттоле прозвася земля Угорська. И начаша воевати угри на греки, и попленишa землю Фрачьску и Македонську и до Селуня. И начаша воевати на Мораву и на Чехи. Бе един язык словенск: словени, иже седяху до Дунаеви, их же прияша Угри, и Морава, и Чеси, и Ляхове, и Поляне, яже ноне зовомая Русь. Сим бо первое преложены Мораве, яже прозвася грамота словенська, еще грамота есть в Руси и в Болгарех Дунайских».[767]

Таким образом, «Повесть временных лет» сообщает о совместном проживании волошского и славянского населения на землях за Карпатскими горами (Внутрикарпатское плато, Трансильвания). Факт совместного проживания волохов и славян в Трансильвании в IX–XI вв. подтверждают также данные археологических раскопок.[768]

Топонимические данные свидетельствуют о наличии волошского населения в Трансильвании в IX–X вв.[769] Поскольку закрепление топонимов требует определенного исторического времени, то можно полагать, что волошское население было в Трансильвании в VIII и даже в VII вв.[770]

В XI–XII вв. венгерская корона утверждает свое господство в Трансильвании. Для волошского населения оно сопровождалось установлением как национального, так и религиозного гнета, помимо феодальной эксплуатации со стороны венгерских феодалов. Гнет венгерских феодалов и католической церкви вынуждал волохов, исповедовавших православное христианство, оставлять часть ранее занимаемой территории и переселяться на новые земли. Од-

---

[766] Королюк В.Д. Термин «Волошская земля» в раннесредневековых письменных источниках. — Этническая история восточных романцев. Древность и средние века. М., 1979, с.9.

[767] Повесть временных лет. Т.I, М.–Л., 1950, с.21.

[768] Din istoria Transilvanici. Bucuresti, 1963, p.81.

[769] Draganu N. Romanii in veacurile IX–XIV pe baza toponimiei si onomasticei. Bucuresti, 1933, p.405.

[770] Королюк В.Д. Термин «Волошская земля»…, с.9.

ним из регионов, куда могли переселяться волохи, ранее проживавшие в Трансильвании, были Днестровско-Карпатские земли — пограничное с Трансильванией Восточное Прикарпатье.

Вопрос о времени появления волошского населения в Восточном Прикарпатье до настоящего времени остается дискуссионным.[771] Сложность решения этого вопроса заключается в скудости и неопределенности данных источников.

Первым историческим известием, позволившим ряду историков делать выводы о наличии волошского населения в Днестровско-Карпатских землях во второй половине XII в., является сообщение византийского историка Никиты Хониата о бегстве после неудавшегося заговора с целью дворцового переворота двоюродного брата византийского императора Мануила I Комнина Андроника Комнина в Галицкую Русь в 1164 г.[772]

Согласно свидетельству Хониата Андроник Комнин из приморского византийского города Анхиала, которого он достиг, бежав из константинопольской тюрьмы, направился в «Галицию» (Галицкое княжество).[773]

«Но когда Андроник считал себя в безопасности, поскольку уже скрылся от преследований и достиг пределов Галиции, куда стремился, как в спасительное убежище, тогда-то именно он и попадается в сети ловцов; предупрежденные молвою о его бегстве, схватили его и опять повели назад к василевсу».[774] Вскоре, правда, при достаточно комических обстоятельствах Андроник сумел освободиться и со второй попытки бегства все же достиг галицких владений и провел некоторое время при дворе галицкого князя Ярослава Осмомысла.

Приведенный отрывок из «Истории» Никиты Хониата подвергся бесчисленному множеству толкований по вопросу, где был схвачен влахами Андроник: на левом берегу Дуная (юг Днестровско-Карпатских земель) или же еще на правом берегу его (пределы Византийской империи).[775]

---

[771] Обзор мнений по данной проблеме см. в ст.: Зеленчук В.С. Молдавские летописи как источник изучения ранней этнической истории Молдавии. — Историографические аспекты славяно-волошских связей. Кишинев. 1973, с.11–22.

[772] Мохов Н.А. Молдавия эпохи феодализма, с.102–103; Русанова И.П., Тимощук Б.А. Древнерусское Поднестровье, с.88; Гацак В.М., Рикман Э.А. Легенда о Драгоше и отражение в ней средневековой этнической ситуации в Восточном Прикарпатье. — Этническая история и фольклор. М., 1977, с.213.

[773] Nicitae Choniatae. Historia, p.171.

[774] Ibidem.

[775] См.: Литаврин Г.Г. Влахи византийских источников X–XIII вв. — Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972, с.103.

Не вдаваясь в подробности вышеуказанной дискуссии, попробуем проанализировать сообщение Никиты Хониата в указанных аспектах.

Хониат ничего не сообщает о переправе Андроника через Дунай. Он только говорит о том, что беглец достиг пределов Галиции, но не указывает прямо, что он в таковых уже находился и, следовательно, уже покинул пределы Ромейской империи.

Согласно представлениям византийцев, русские земли (земля тавроскифов), в данном случае Галицкая Русь, находилась к северу от Дуная.[776] Следовательно, человек, достигший низовий Дуная, мог считать, что он достиг пределов Галицкой земли. Действительно, Нижний Дунай, «городки подунайские» на его левом берегу, были местом пребывания в конце 50-х–начале 60-х гг. галицких рыболовов и русской дружины Ивана Ростиславича Берладника.

Андроник мог считать себя в безопасности, отнюдь не обязательно находясь уже в пределах Галицкой Руси на левом берегу Дуная. Византийская граница была очень слаба, число войск в Паристрионе (нижнедунайская фема Византии) было незначительно, и господство империи в этих районах Нижнего Подунавья во многом носило эфемерный характер.[777] По свидетельству того же Никиты Хониата в этот период в Паристрионе местные владетели считали себя практически независимыми от центральной власти.[778] Оказавшись на этой территории, Андроник мог считать себя в безопасности, полагая, что здесь уже он может не опасаться имперских властей и посланной за ним из Константинополя погони. Собственно, погоня-то его и не достигла, возможно, не решившись приближаться к опасному пограничью империи. Настигла Андроника лишь «молва», схватили же его влахи, не посланные императором, а явно местные жители.

В связи с этим возникает вопрос: были ли эти влахи подданными Византии, или же они населяли территорию левобережья Нижнего Дуная за лимесом империи? Более вероятным представляется первое предположение. Молва о бегстве Андроника могла распространиться только в пределах империи. Распространению ее к северу от Дуная не способствовала хотя бы разница в этническом составе населения этих районов — русско-тюркское население и болгарско-волошское, частью греческое (подданные империи) к югу от Дуная. Надо учитывать и тот факт, что византийцы были

---

[776] Иоанн Киннам, с.102.

[777] Златарский В.Н. История на българската държава прех среднитевекове. Т.II, София, 1934, с.394–395.

[778] Nicitae Choniatae. Historia, p.370.

редкими гостями на левом берегу Дуная,[779] да и то были чаще всего военные отряды. От кого же именно могла исходить и распространиться на Левобережье Дуная молва о бегстве Андроника и тем более получить достаточно широкое распространение среди местного населения. Удивительной представляется и «лояльность» влахов, проживающих за пределами Византии, по отношению к Мануилу I Комнину в их стремлении доставить в Константинополь его «мятежного кузена». Со стороны же влахов Правобережья Дуная, подданных императора Византии, подобный поступок вполне оправдан. Его могла вдохновлять, наверняка вдохновляла, надежда получить достойную награду.

Необходимо учесть и следующее обстоятельство. Степные районы левого берега нижнего течения Дуная были в то время уже зоной, которой достигали половцы. Иван Ростиславич Берладник действовал в «городках дунайских» в союзе с половцами. Соседство степных скотоводов-кочевников — половцев — представляло чрезвычайное неудобство именно для волохов, также скотоводов. Известно, что основной тип хозяйства волохов в это время — пастушеское скотоводство.[780] Едва ли могли ужиться по соседству в одном степном регионе скотоводы-пастухи — волохи и кочевые скотоводы — половцы. Да и сами по себе степи Нижнего Подунавья не могли быть зоной пастушеского хозяйства волохов. Более удобными для этого были предгорья и горные районы Карпат. В степях же хозяевами положения были кочевники.

Итак, по нашему мнению, Андроник Комнин мог быть задержан влахами лишь на территории собственно Византийской империи, что не позволяет трактовать приведенный отрывок из «Истории» Никиты Хониата как свидетельство проживания волошского населения на юге Днестровско-Карпатских земель во второй половине XII в. Он лишь может свидетельствовать о наличии восточнороманского населения (влахов) в византийской провинции (феме) Паристрион в Нижнем Подунавье. В этом случае речь идет о балканских влахах, составлявших значительный процент населения европейских владений Византии.

О балканских же влахах речь идет в сообщении Иоанна Киннама о походе полководца императора Мануила I Льва Ватаца против Венгерского королевства в 1166 г., когда византийцы решили нанести венграм удар со стороны Нижнего Подунавья и Черного мо-

[779] Литаврин Г.Г. Влахи византийских источников…, с.103.

[780] Полевой Л.Л. О хозяйственно-культурном типе волохов…, с.49.

ря. В составе войска под командованием Льва Ватаца находилось множество влахов. Источниковедческий анализ этого сообщения показал, что влахи войска Ватаца были набраны из числа влахов, населявших балканские владения Византии, т.е. земли к югу от Дуная.[781] Поэтому было бы неверным истолковывать сообщение Иоанна Киннама от 1166 г. как свидетельство о проживании волошского населения в южной части Днестровско-Карпатских земель.

Об участии волошского населения Левобережья Дуная в войнах болгар, влахов и половцев под руководством царя Калояна против Византии в самом конце XII в. свидетельствует сообщение Никиты Хониата от 1199 г., когда половцы вместе с отрядом влахов переправились через Дунай и приняли участие в войне болгарского царя Калояны против ромеев.[782]

Как справедливо отмечает Г.Г. Литаврин, влахи, пришедшие с половцами на Балканы из-за Дуная, должны были быть жителями Левобережья.[783] Однако определить, из каких именно мест, земель к северу от Дуная, пришел на помощь половцам данный влашский отряд, не представляется возможным.

Более определенные сведения о волохах в первой половине XIII в. на территориях, прилегающих к Днестровско-Карпатским землям, откуда, возможно, и шло волошское население в Восточное Прикарпатье, сообщают венгерские источники XIII в.

Согласно сообщению венгерского хрониста XIII в. Шимона Кезаи, секеи в горах Трансильвании поселились рядом с волохами (nono tamen in plane Pannoniae, sed cum Blackis in montibus continii sortem habuerunt).[784]

Известно, что «земля секеев» располагалась к северу от земли Бырса. Следовательно, эти поселения секеев рядом с волохами находились в восточной части Трансильвании, на территории, сопредельной с Восточным Прикарпатьем. Это мнение подтверждается сообщениями Иоанна Лонга из Ипра о том, что именно волохи и секеи обороняли карпатские перевалы во время монгольского нашествия на Венгрию в 1241 г.[785]

С сообщением об участии волохов в борьбе против монголов на территории Венгерского королевства во время нашествия Батыя

---

[781] Литаврин Г.Г. Влахи византийских источников…, с.101–102.

[782] Там же, с.104.

[783] Там же.

[784] SRH, II, p.147.

[785] Iohanes Longus de Ipra. Cronica Monasterii S. Bertini. — In: Catalogus Fontium Historiae Hungaricae. Ed. Gombos Ferens Aldin, t.2. Budapest, 1937, p.1332.

согласуются данные Рашид-ад-Дина об этих событиях. Как пишет Рашид-ад-Дин, один из монгольских военноначальников «Бучек, пройдя дорогой Караулагской, через тамошние горы, разбил те племена Улаг, оттуда, через лес и гору Баякбук вошел в пределы Мишлява и разбил неприятелей, которые там стояли, готовые встретить его».[786]

Согласно Рашиду-ад-Дину, битва монголов с волохами (племена Улаг) скорее всего произошла за Карпатами, возможно, в восточной Трансильвании.

Возможным свидетельством проживания волошского населения на востоке и юго-востоке Трансильвании, близ земель Восточного Прикарпатья, является сообщение грамоты венгерского короля Андрея II от 1224 г., где он подтверждает права саксонских переселенцев на земли королевского домена в долине реки Тырнова маре. В документе упоминается некий «лес волохов и печенегов» — «silvam blacorum et Bissenorum».[787]

В связи с тем что документ в целом говорит о землях Южной Трансильвании, историки традиционно связывали «лес волохов и печенегов» с «Землей волохов» в Фэгэраше на юге Трансильвании, в Южных Карпатах.[788]

Не исключено, однако, что совместные поселения волохов и печенегов могли находиться и на востоке Трансильвании, в Восточных Карпатах.

Места поселений печенегов в Восточных Карпатах, у перевалов на границах Венгерского королевства, хорошо известны. Они располагались у Сфынтул Георгэх в южной части Восточных Карпат, у Бешанец в центральной части Восточных Карпат.[789] Возможно, что в горных лесных районах этой части Восточных Карпат по соседству с поселениями печенежских федераторов, призванных охранять перевалы на восточной границе Венгерского королевства, проживало также волошское население. В пользу этого предположения говорит установленный факт наличия в Восточной Трансильвании рядом с поселениями секеев поселений волохов. Поселения печенегов у Сфынтул Георгэ соседствовали с поселениями секеев, следовательно, там же, по соседству с ними, могло проживать и волошское население.

---

[786] Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, II. М.–Л., 1941, с.38.

[787] Hurmazaki-Densugianu, p.84.

[788] Pascu St. Voievodatul Transilvaniei, I, Cluj, 1971, p.203–217.

[789] Fodon I. Der Ursprung…, p.330.

О связях населения Восточного Прикарпатья с Трансильванией и о наличии на землях к востоку от Карпат переселенцев из Трансильвании свидетельствуют данные археологических исследований. В шести километрах к западу от современного города Пятра Нямц археологи исследовали укрепленное поселение у Бытка Доамней.[790] Обнаруженные при раскопках археологические материалы свидетельствуют о том, что данное поселение сохранялось здесь с конца XII до середины XIII в.[791] На поселении у Бытка Доамней археологами обнаружены богатый керамический материал, бытовые изделия из металла, венгерские монеты времени правления короля Белы III (1173–1196 гг.).[792]

По мнению археологов, основные находки на поселениях у Бытка Доамней аналогичны археологическим материалам того же времени с поселений на территории Трансильвании. Об этом свидетельствуют прежде всего керамический материал, металлические изделия, монеты.[793] Следовательно, убедительным представляется мнение, что укрепленное поселение у Бытка Доамней было основано выходцами из Трансильвании, с территории Венгерского королевства. Укрепленный характер поселения позволяет считать его венгерским форпостом к востоку от Карпат.

Материалы археологических раскопок не позволяют восстановить этнический состав населения укрепления у Бытка Доамней. Среди него, несомненно, могли быть венгры, секеи, нельзя исключать возможного наличия саксонцев в связи с активно проводимой венгерской короной колонизацией Трансильвании, в том числе и выходцами из Германии. Учитывая проживание волошского населения на прилегающих к Восточному Прикарпатью землях востока Трансильвании, можно предполагать и наличие колонистов из числа волохов.

Говоря о проблеме волошского населения Днестровско-Карпатских земель в домонгольский период, необходимо коснуться и вопроса о так называемых «болоховцах», жителях Болоховской земли, расположенной в Верхнем Побужье (Южный Буг) на стыке Галицко-Волынской Руси и Киевского княжества. Болоховская земля имела своих князей и бояр и сохраняла определенную автономию. Известно, что в период монгольского нашествия болоховцы откупились от захватчиков данью, поставляя им прежде всего продук-

[790] Spinei V. Contributii…, p.145.
[791] Ibidem, p.146.
[792] Ibidem.
[793] Ibidem.

ты земледелия — пшеницу, просо. По свидетельству летописи «оставили бо их татарове, да им орют пшеницю и проса».[794] Такая политика болоховских князей вызывала недовольство галицко-волынского князя Даниила, предпринявшего против них военную экспедицию и нанесшего болоховцам полное поражение. Действия Даниила против болоховцев вызвали гнев хана Золотой Орды Батыя, заступившегося за своих исправных данников.

На основании созвучия наименований «болоховцы» — «волохи» в румынской историографии до настоящего времени господствует мнение о восточнороманском характере населения Болоховской земли. Прямо утверждается, что и создание ее есть результат «прогрессивного проникновения румынского населения из Трансильвании в Молдавию»[795] в конце XII–первой половине XIII в.

Данное утверждение, однако, не подкрепляется сколь-либо убедительными научно-состоятельными аргументами.

Письменные источники ничего не сообщают о какой-либо миграции восточнороманского населения из Карпатского региона в Побужье ни в XII, ни в первой половине XIII в. Непонятно, какие причины в принципе могли вызвать столь значительную «прогрессивную» миграцию волохов, пастушеского, в основном, по своим занятиям, населения, на достаточно большое расстояние от мест своего постоянного проживания, на территорию, отличную от Карпатских земель по своим природным особенностям, где волохи были бы вынуждены резко менять свои традиционные хозяйственные занятия.

Если болоховцы были восточными романцами, то совершенно неясно, почему их достаточно продолжительное время проживания в Верхнем Побужье не наложило никакого отпечатка на этнические особенности населения этого региона, не оставило никаких следов и в топонимике территории бывшей Болоховской земли?

Окончательный ответ на вопрос об этнической принадлежности болоховцев дали материалы археологических исследований поселений на территории исторической «Болоховской земли».

Результаты проведенных археологических раскопок ряда городищ и селищ болоховцев (крупнейшими из них является так называемое Райковецкое городище) показали типично восточнославянский, древнерусский характер населения Болоховской земли. Об этом свидетельствует тип поселений, характер их жилищной за-

[794] ПСРЛ, II, стб.792.

[795] Spinei V. Moldova in secolele XI–XIV, p.40.

стройки. Типично древнерусскими являются обнаруженные предметы бытового обихода, украшения, многочисленная керамика.[796]

В целом археологические исследования показали полное соответствие культуры поселений Болоховской земли с культурой соседних областей Древней Руси в XII–XIII вв.[797] Некоторое же созвучие названий «болоховцы» — «волохи», судя по всему, является не более чем случайным совпадением и никак не может служить обоснованием мнения о восточнороманской этнической принадлежности болоховцев.

Если следовать подобной «методике», то волошское население можно искать и под Болоховым на Орловщине, и на берегах реки Волхов. Ведь не может же случайное созвучие служить обоснованием, к примеру, этнического сходства населения Карпатской Галиции и Иберийской Галисии!

Если гипотеза о миграции волошского населения из Трансильвании в Верхнее Побужье и основании им там городов и сельских поселений Болоховской земли является научно несостоятельной, то конкретные данные известных письменных источников свидетельствуют об имевшем место в предмонгольский период реальном переселении части волошского населения за пределы Трансильвании на соседние с ней земли Карпато-Дунайского региона.

В конце первой половины XIII в. письменные источники фиксируют существование на склонах Южных Карпат, обращенных к Подунавью, по соседству с Куманией, в северной части Мунтении, волошского воеводства Сенеслава.[798] Наличие развитой политической волошской организации на этой территории могло быть только следствием переселения значительного числа волохов в предшествующие десятилетия. Причиной переселения волохов на новые территории и создания ими на них самостоятельных политических организаций-воеводств было усиление в Трансильвании гнета венгерских феодалов и католической церкви в конце XII–первой половине XIII в. Экспансия католицизма в Карпато-Дунайских землях особенно усилилась, как известно, с 20-х годов XIII в.[799]

---

[796] Раппорт П.А. Города Болоховской земли. — Краткие сообщения Института истории материальной культуры (КСИИМК), 1955, вып.57, с.59; Терещук К.И. Допитиня про локалізацію Болохівськоі землі. — Дослідження в слов'яно-руськоі археолог, II. Київ, 1976, с.164–165.

[797] Там же.

[798] Hurmuzaki-Densusianu, p.250.

[799] Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси, с.268; История Венгрии. Т.I, с.143.

Для земель Восточного Прикарпатья, по мнению исследователей, источники бесспорно свидетельствуют о проживании волошского населения в конце XIII–начале XIV в.[800]

Учитывая факт проживания волошского населения в конце XII–первой половине XIII в. на востоке Трансильвании, на землях, сопредельных с Восточным Прикарпатьем, начало миграции волохов из пределов Венгерского королевства, его Карпатских владений в Трансильвании, бесспорность наличия волошского населения на восточных склонах Карпат в конце XIII–начале XIV в., можно ретроспективно предполагать начало переселения волохов в горные районы и предгорья Восточного Прикарпатья с конца XII–в первой половине XIII в.

Следовательно, в Днестровско-Карпатских землях, на территории Восточного Прикарпатья, пограничной с Венгерским королевством, с конца XII в. и в первые десятилетия XIII в., в период, непосредственно предшествующий монгольскому нашествию, предположительно начало этнических контактов восточно-романского населения — волохов с древнерусским населением региона. Они положили начало процессу формирования новой восточно-романской народности, завершившемуся к середине XIV в. образованием самостоятельной молдавской народности и созданием Молдавского феодального государства.

[800] Зеленчук В.С. Молдавские летописи как источник изучения ранней этнической истории Молдавии, с.17; Полевой Л.Л. О хозяйственно-культурном типе волохов, с.60.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В истории Днестровско-Карпатских земель с IX и до середины XIII в. произошло много событий, сказавшихся на их политическом, этническом и социально-экономическом положении.

В конце IX в. в этом регионе население состояло в основном из двух этнических групп: в северной и центральной части местным населением были восточные славяне, в южной — южные славяне. Восточнославянское население Северной Буковины входило в состав независимого племенного княжения хорватов, в центральной части региона располагалось племенное княжение тиверцев, с 885 г. подчиненного Киевской Руси, центром которого могло быть укрепленное поселение (городище) у современного села Алчедар, юг региона вошел после 896 г. в состав Первого Болгарского царства.

У восточных славян в это время шел процесс становления раннефеодальных отношений, следствием чего и явилось образование у них племенных княжений; на южную часть региона начали распространяться феодальные отношения, господствовавшие в Первом Болгарском царстве.

На протяжении X в. в регионе происходят значительные политические перемены, непосредственно связанные со стремлением киевских князей укрепить свое господство на этих землях крайнего юго-запада Руси. Войны Святослава на Дунае (963–971 гг.) привели к утверждению границ Руси на Нижнем Дунае, при Владимире Святославиче в 992 г. было включено в состав Киевского государства племенное княжение хорватов, и, таким образом, к концу X в. все Днестровско-Карпатские земли оказались в составе Древнерусского государства — Киевской Руси. С того же времени здесь начинает утверждаться христианство как официальная религия Руси.

Эти события благоприятно отразились на социально-экономическом и культурном развитии края. На Днестровско-Карпатские земли в X–XI вв. распространяются феодально-государственные отношения, господствовавшие в Киевской Руси. «Ячейками» феодализма становятся княжеские крепости и погосты. Вокруг княжеских крепостей формируются торгово-ремесленные посады, способствующие их перерастанию в раннегородские центры.

Дальнейшее успешное развитие древнерусской культуры в регионе затрудняется из-за внешнего фактора — вторжений кочевников.

Ослабление позиций Руси в крае связано было не только с вторжениями кочевников, но и с внутренним положением в самих русских землях. Вторая половина XI в. — это время, когда начинает нарушаться внутреннее единство Руси. Многочисленные усобицы между князьями — Ярославичами — привели к ослаблению внимания к судьбам земель крайнего юго-запада Киевского государства. В это время степной юг региона начинает превращаться в зону постоянного обитания кочевников — печенегов и торков. Когда же при Владимире Мономахе (1113–1125 гг.) государственное единство Руси восстанавливается, рубежи Древнерусского государства вновь устанавливаются по Нижнему Дунаю, в «городках подунайских» находятся княжеские посадники.

В условиях наступившей после 1132 г. феодальной раздробленности на Руси натиск кочевников на Днестровско-Карпатские земли усиливается. Вторжения орд берендеев, торков, печенегов, половцев наносят жесткий удар по очагам древнерусской культуры в регионе.

Периодизация перемещения тюркских кочевых племен на территорию Днестровско-Карпатского региона выглядит следующим образом:

1. Печенеги впервые появляются на Нижнем Дунае в 896 г. как союзники болгарского царя Симеона против венгров. Русская летопись отмечает их присутствие в регионе в 915–917 гг. В X в. предположительно в степных районах Нижнего Поднестровья и Подунавья располагалась печенежская «фема Гиазихопон», упомянутая Константином Багрянородным. В 1048 г. происходит массовое переселение печенежских племен в Поднестровье и Нижнее Подунавье и, далее, в пределы Византии. С этим событием связана гибель древнерусского городища у Екимауц.
2. В 1064 г. на территорию региона вторгается орда торков и следует далее на юг от Дуная в Византию.
3. В 20-е гг. XII в. в Днестровско-Карпатские земли перемещаются соединенные силы берендеев, торков и печенегов. Результатом этого является упадок Алчедара и других основных древнерусских городищ в регионе.

Взаимоотношения кочевников и древнерусского населения лишь первоначально носили открыто враждебный характер, результатом

чего и явилась гибель раннегородских и части сельских поселений. В середине XII в. постепенно установился мирный образ жизни кочевников и оседлых жителей, что подтверждается образованием в центральной части Пруто-Днестровского междуречья контактной этнокультурной зоны как места расселения древнерусского и тюркского населения, а также болгарского. Здесь же наблюдается начало процесса оседания части кочевников на землю, перехода их к оседлому образу жизни.

После упадка основных раннефеодальных центров развитие древнерусского феодализма в этом регионе затормаживается. На землях, занятых кочевниками, в связи с их переходом от куренного способа кочевания к аильному и наличием условий для перехода к оседлости, начинается развитие кочевого феодализма.

Мнение, господствующее в румынской историографии, что к XI в. в Днестровско-Карпатских землях восточнославянское население было ассимилировано восточнороманским, носит характер произвольного утверждения, поскольку никакими данными письменных, археологических, антропологических и топонимических источников оно не подтверждается.

Наоборот, именно в XI в. древнерусские центры региона достигают наивысшего расцвета, наиболее многочисленно древнерусское население, наибольших успехов достигает земледелие. Основная масса древнерусского населения была сосредоточена в это время в Пруто-Днестровском междуречье, наиболее густо населенным было междуречье Реута и Днестра, но и к западу от Прута Древняя Русь сохраняла свои позиции. Археологические данные свидетельствуют, что «культура населения Молдовы в XI–XII вв. продолжала развитие предшествующего времени, носила в основном славянский облик и самым тесным образом была связана с восточнославянской культурой Восточной Европы».[801]

Нашествия кочевников, приведшие к тому, что большая часть Днестровско-Карпатских земель — ее южные и центральные районы — оказались с середины XII в. вне древнерусской государственности, привели не только к изменениям в составе населения региона. Они коренным образом сказались на развитии здесь феодальных отношений.

---

[801] Федоров Г.Б., Полевой М.Л. Археология Румынии, с.340.

Каково было социально-экономическое положение в регионе в X–XI и в начале XII в., когда практически весь он входил в состав Древнерусского государства?

На землях бывших племенных княжений тиверцев и хорватов распространялись феодально-государственные отношения, характерные для всей Киевской Руси X–начала XII в. Уровень их развития, правда, был ниже, нежели в наиболее развитых областях Руси, поскольку здесь еще не сложились в полном смысле слова городские центры. Это было обусловлено и окраинным положением Днестровско-Карпатских земель, и тем, что основной торговый путь («из варяг в греки») не проходил через регион, и частыми войнами, и набегами кочевников. Тем не менее наиболее значительные центры — городища у Алчедара, Екимауц, в меньшей степени — у Лукашевки, Руди — были близки к тому, чтобы со временем вырасти в подлинно городские центры. В это время наиболее развитой частью региона было Среднее Поднестровье, междуречье Днестра и Реута, где находились крупнейшие центры древнерусской культуры Днестровско-Карпатских земель. Крупнейшие центры на Северной Буковине, на землях бывшего племенного княжения хорватов, городища Ровно и Горишни Шеровцы по уровню развития в это время уступают Алчедару и Екимауцам. Число городищ — княжеских крепостей и погостов — в центральной части региона в это время значительно больше, нежели на Северной Буковине. Скорее всего, такое положение было обусловлено более ранним вхождением земель тиверцев в состав Древнерусского государства по сравнению с Буковиной, бывшей окраиной племенного княжения хорватов.

Наименее развитой в плане становления городских центров была территория между Прутом и Восточными Карпатами — Запрутская Молдова, но там было достаточно большое число сельских земледельческих поселений древнерусского населения.

В Запрутской Молдове древнерусское население менее, чем в Пруто-Днестровском междуречье, пострадало от кочевнических нашествий, и потому восточнославянский мир в этой части Днестровско-Карпатского региона к середине XII столетия особых изменений не претерпел.

Поступательное развитие феодальных отношений у древнерусского населения продолжалось только на севере региона, в Запрутской Молдове наблюдается стагнация таковых, в Пруто-Днестровском междуречье — резкое снижение уровня.

Таким образом, складывается совершенно новая картина социально-экономического развития региона. Теперь самая развитая часть — северная, где проживает и большинство древнерусского населения региона. В Запрутской Молдове число русского населения в результате кочевнических нашествий также должно было несколько возрасти за счет притока части жителей разоренных номадами поселений Пруто-Днестровского междуречья, но сколь-либо заметных перемен в общем уровне развития этой части Днестровско-Карпатского региона не происходит. Там же, где до XII столетия был наиболее высокий уровень развития — в междуречье Днестра и Реута, в центре Пруто-Днестровского междуречья, — исчезновение городских центров, сокращение числа сельских поселений и изменение этнического состава населения, из чисто славянского становящегося славянотюркским.

Все это произошло в первую очередь из-за ухода из Днестровско-Карпатского региона государственной власти Киевской Руси вследствие кочевнических нашествий и, увы, того, о чем сказано летописцем: «раздрашася вся Русская земля».

Таким образом, вторжения кочевнико-тюрок — печенегов, торков, берендеев, половцев — на территорию Днестровско-Карпатских земель с конца IX до середины XII в. привели к значительным изменениям в этнической и демографической структурах региона и существенно сказались на особенностях его социально-экономического развития.

Номады не смогли полностью вытеснить Древнюю Русь из Нижнего Подунавья, Поднестровья и Восточного Прикарпатья. К середине XII в. коренное древнерусское земледельческое население по-прежнему было основным на севере и западе региона, сохранялось и в центральной его части. Конгломерат тюрок-кочевников господствовал в степях у Нижнего Дуная, а там, где были рубежи степи и лесостепи, на всем протяжении их от Сирета до Днестра совместно проживали славяне и тюрки. В пределах небольшого, в общем-то, региона жили бок о бок Русь и Великая степь.

С середины XII в. и до середины XIII в. в истории Днестровско-Карпатских земель произошло много событий, сказавшихся на их политическом, этническом и социально-экономическом положении.

В условиях наступившей после 1132 г. феодальной раздробленности на Руси натиск кочевников на Днестровско-Карпатские зем-

ли усиливается. Вторжение орды берендеев, торков и печенегов в 20-е гг. XII в. в Поднестровье и Нижнее Подунавье, массовое переселение в Нижнедунайские степи орды «диких половцев» из Побужья, происшедшее во второй половине XII в., приводят к упадку основных центров древнерусской культуры в южной и центральной частях региона. Разрушаются крупнейшие крепости-городища, резко сокращается население, вынужденное укрываться от набегов кочевников в лесистых и холмистых районах либо отойти к северу, где на Буковине древнерусское население находилось под защитой Галицкого княжества, в состав которого вошли северные земли Днестровско-Карпатского региона.

Южные же степные и частью лесостепные земли региона в это время являются зоной постоянного кочевания половцев, а также остатков печенегов, торков и берендеев, влившихся в состав сложившегося во второй половине XII в. нового половецкого союза в Нижнедунайских степях.

Образование этого половецкого союза было закономерным следствием развития у половцев феодальных отношений. Способствовали его созданию в этом регионе и внешние политические события на Балканах: активное участие половцев в войнах Второго Болгарского царства с Византией. К середине XII в. в центральной зоне Днестровско-Карпатских земель создается своеобразная «контактная зона» совместного проживания славянского и тюркского населения. Здесь начинается процесс оседания части кочевнического населения.

Установление в первой половине XIII в. в основном мирных, часто и союзнических отношений Галицко-Волынского княжества с половцами явилось благоприятным фактором для некоторого увеличения числа русского населения в центральной части Днестровско-Карпатских земель. Здесь появляются «галицкие выгонцы». Среди них были и крестьяне, бежавшие от феодального гнета в Галицкой Руси, были и боярские роды, вынужденные в результате междоусобных войн в Галицко-Волынском княжестве покинуть его территорию. Их сопровождали многочисленные домочадцы, челядь и воинские дружины.

На рубежах степи и лесостепи, между кочевьями половцев и поселениями галичан, появляется еще одна группа восточнославянского населения — бродники. В Восточном Прикарпатье же с конца XII в. возможно появление восточнороманского населения — волохов, бежавших из пределов Венгерского королевства от гнета

венгерских феодалов и католической церкви. Этнические контакты волохов с древнерусским населением в Восточном Прикарпатье положили историческое начало формированию молдавской народности эпохи феодализма.

Нашествия кочевников, приведшие к тому, что большая часть Днестровско-Карпатских земель — ее южные и центральные районы — оказались с середины XII в. вне древнерусской государственности, привели не только к изменениям в этническом и демографическом положении региона. Они коренным образом сказались на развитии здесь феодальных отношений.

После того как нашествия печенегов, торков, берендеев, половцев привели в XII в. к упадку основных древнерусских центров в Пруто-Днестровском междуречье, земли северной части региона оказались в более благоприятной ситуации. Они прочно входили в состав Галицкого, позже Галицко-Волынского княжества, сюда в значительной мере отхлынуло население из разоренных кочевниками земель к югу от границ княжества.

В итоге в первой половине XIII в. в Днестровско-Карпатских землях господствовало два типа феодальных отношений: древнерусский феодализм в тех областях, где проживало русское население; в степных и лесостепных районах, где располагались половецкие кочевья, у номадов шло развитие отношений кочевого феодализма.

Древнерусский же феодализм в регионе имел два уровня развития:

1) на территории Северной Буковины, прочно входившей в состав Галицкой Руси, где не сказались вторжения кочевых орд, шло поступательное развитие феодальных отношений, формировались городские центры (Василев, приближались к этому уровню Ленковцы); появление феодальных боярских замков свидетельствовало о приближении здесь этапа развитого феодализма. Собственно, здесь не могло не сказаться то обстоятельство, что в Галицкой Руси, как ни в одном другом русском княжестве, получили развитие отношения синьориально-вотчинного феодализма, характерные для периода развитого феодального общества;
2) к югу же от границ княжества, в Галицком Понизье, уровень феодальных отношений не только не вырос, но после упадка основных центров, так и не восстановленных впоследствии,

резко снизился. По сути дела произошло возвращение к самым ранним формам феодальных отношений. Даже переселение сюда боярских родов из Галицких земель и возможная организация какого-то подобия боярских уделов не привели к сколь-либо заметным переменам.

В целом Днестровско-Карпатские земли накануне монгольского нашествия продолжали оставаться сферой влияния Древней Руси.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3
ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 5
Глава 1. РУСЬ, БОЛГАРИЯ И ВИЗАНТИЯ В ДНЕСТРОВСКО-ДУНАЙСКИХ ЗЕМЛЯХ 33
Глава 2. СЛАВЯНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ДНЕСТРОВСКО-ДУНАЙСКИХ ЗЕМЕЛЬ В III–X ВВ. 50
Глава 3. ОСОБЕННОСТИ ГЕНЕЗИСА И РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ФЕОДАЛИЗМА В РЕГИОНЕ. ДРЕВНЕРУССКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ДНЕСТРОВСКО-КАРПАТСКИХ ЗЕМЕЛЬ В X–XI ВВ. 95
Глава 4. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КОЧЕВЫХ И ОСЕДЛЫХ НАРОДОВ В ДНЕСТРОВСКО-КАРПАТСКИХ ЗЕМЛЯХ К СЕРЕДИНЕ XII В. 133
Глава 5. ДРЕВНЕРУССКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В ДНЕСТРОВСКО-КАРПАТСКИХ ЗЕМЛЯХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XII–ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIII ВВ. 146
Глава 6. БЕРЛАДНИКИ, БРОДНИКИ, ГАЛИЦКИЕ ВЫГОНЦЫ И АЛАНЫ В ДНЕСТРОВСКО-КАРПАТСКИХ ЗЕМЛЯХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XII–ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIII ВВ. 174
Глава 7. ВОЛОХИ В ДНЕСТРОВСКО-КАРПАТСКИХ ЗЕМЛЯХ В ДОМОНГОЛЬСКУЮ ЭПОХУ 193
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 207